

ВЕСТНИК

БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2/2012

Экономика и менеджмент

Журнал издается
с 2012 года

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-48531 от 06.02.2012 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С.В. Калмыков, д-р пед. наук, проф.,
чл.-кор. РАО (председатель)

Б.В. Мелентьев, д-р экон. наук, проф.
(г. Новосибирск)

П.А. Минакир, д-р экон. наук, проф.,
академик РАН (г. Хабаровск)

К.А. Савченко-Бельский, д-р экон. наук,
проф. (г. Москва)

А.П. Суходолов, д-р экон. наук, проф.
(г. Иркутск)

О.Д. Хайхадаева, д-р экон. наук, проф.
(г. Иркутск)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М.В. Бадмаева, д-р филос. наук, доц.
(главный редактор)

Н.И. Атанов, д-р экон. наук, проф.

Л.Р. Бартунаев, д-р экон. наук, проф.

Г.М. Осипова, д-р экон. наук, проф.

В.Б. Прокопьев, канд. пед. наук, доц.

Ц.Н. Янданова, канд. экон. наук, доц.

К.П. Дырхеев, канд. экон. наук, доц.

Д.Д. Цыренов, канд. экон. наук

Ответственный за выпуск

Д.Д. Цыренов

✉ АДРЕС РЕДАКЦИИ
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а

☎ 21-37-44, feu-bsu@mail.ru

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а

☎ 21-95-57, riobsu@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	4
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ	
Кислощаев П.А., Буров В.Ю. Структура экономической безопасности и проблема концептуального выбора развития экономики Российской Федерации	5
Богатырев В.Д., Ситникова А.Ю. Разработка алгоритмов выделения циклических составляющих экономических данных	16
Алибеков Ш.И. Установление фиктивных и подложных документов в процессе судебно-бухгалтерской экспертизы ...	31
Залуцкая Н.М. Роль маркетинга в идентификации территории	36
Дондокова Е.Б., Дармаева Я.Б. Теоретические аспекты определения бедности в экономической науке	44
Сандитов Б.Д., Мантатова А.В. Экономические науки об имитационном поведении: имитационные стратегии в теории организаций	55
Цыренов Д.Д., Стробел Д. Институциональные основы управления образованием	59
ЭКОНОМИКА РЕГИОНА	
Ринчино А.Л. Стратегия регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири на рынке высокотехнологичной продукции Азиатско-Тихоокеанского региона	66
Потаев В.С. Фермерские хозяйства – основа устойчивого развития малых сельских поселений	82
Слепнева Л.Р., Хантаева Н.Л. Формирование и реализация налогового потенциала регионов СФО	93
Монич И.П. Модель государственного регулирования инновационной деятельности туристской отрасли на примере Забайкальского края	102
Доржиева В.В., Макаров А.Н. Роль кластерных моделей интеграции в развитии регионального потребительского рынка в условиях кризиса (на примере Республики Бурятия)	107
Антохонова И.В. Оценка востребованности ИТ-специалистов на региональном рынке труда	121
Слепнева Ю.В. Роль инновационной деятельности вузов в интеграции образования, промышленности и науки ...	127
Бадмаев А.Г. Методологические основы формирования региональной экономики	133
ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ	
Будаева Ц.Б., Дугарова А.А. Теоретические концепции местного самоуправления	138
Савченко-Бельский В.Ю., Черепов Р.А. Экономические риски авиапредприятий при изменениях летной годности воздушных судов	145
Прокопьев В.Б. Анализ системы местного самоуправления в Республике Бурятия в процессе реформирования ..	154
Жанчипова Ц.Б. Повышение квалификации государственных гражданских служащих как механизм укрепления и развития кадрового состава государственной гражданской службы	158
Дагбаева С.Д. Качество жизни и социальные сети поддержки в адаптационных стратегиях населения	164

CONTENTS

From the editor	4
PROBLEMS OF THEORY	
Kisloshchaev P.A., Burov V.Yu. Structure of economic safety and a problem of conceptual choice of economy development of the Russian Federation	5
Bogatyrev V.D., Sitnikova A.Yu. Development of algorithms of cycli- cal components allocation of economic data	16
Alibekov Sh.I. Establishing of ficti- tious and false documents in the pro- cess of Forensic Accounting	31
Zalutskaya N.M. The role of marketing in the identification of territory	36
Dondokova E.B., Darmaeva Ya.B. Theoretical aspects of studying poverty in economics	44
Sanditov B.D., Mantatova A.V. Imitative behavior in economics and management: imitation strategy in the theory of organizations	55
Tsyrenov D.D., Strobel D. The institu- tional bases of management in education	59
ECONOMY OF REGION	
Rinchino A.L. Strategy of Far East and Eastern Siberia to the high-tech market of Asia-Pacific region	66
Potaev V.S. Farms as the basis of sustainable development small rural settlements	82
Slepneva L.R., Khantaeva N.L. Formation and realization of tax capac- ity of the SFO regions	93
Monich I.P. Government regulation model of innovative activity in tourist branch on the example of Zabaikalsky territory	102
Dorzhieva V.V., Makarov A.N. The role of cluster models of integration in the development of regional con- sumer market under conditions of cri- sis (on the example of the Republic of Buryatia)	107
Antokhonova I.V. Estimation of IT ex- perts demand at a regional labor market	121
Slepneva Yu.V. The role of innovative activity of higher education institutions in integration of education, industry and science	127
Badmaev A.G. Methodological funda- mentals for the Formation of Regional Economy	133
MANAGEMENT ISSUES	
Budaeva Ts.B., Dugarova A.A. The theoretical concepts of Local Government institute	138
Savchenko-Belsky V.Yu., Cherepov R.A. Economic risks of aviation enter- prises at changes in the flightworthiness of air vessels	145
Prokopyev V.B. The analysis of a sys- tem of local governance in the Republic of Buryatia in the course of reforma- tion	154
Zhanchipova Ts.B. Professional devel- opment of civil employees as a mecha- nism to strengthen and develop the staff of state civil service	158
Dagbaeva S.D. Quality of life and so- cial support networks in the adaptation strategies of population	164

Уважаемые читатели!

Завершается 2012 год – год рождения нашего журнала, в течение которого вышли в свет два его первых номера.

Наш журнал с самого начала определил стратегическую линию – формировать экономическую концепцию современности на основе системного анализа различных сфер экономики и менеджмента. Именно на создание ее научной основы, на всесторонний анализ составляющих экономической концепции, на выявление тенденций и закономерностей, определение сильных и слабых сторон, поиск путей выстраивания качественно новой системы взаимовыгодного сотрудничества и совместного развития организаций народного хозяйства были и будут направлены усилия редакционного и авторского коллектива журнала.

О возрастающем интересе к журналу свидетельствует то, что круг наших авторов расширяется. К нам подключились ученые из Москвы, Переславль-Залесского, Самары, а также университетов США, Франции и Монголии, которых мы с большим удовольствием представим в журнале в качестве авторов новых интересных публикаций. Для нас чрезвычайно важно изучение опыта как стран Запада, так и государств Азиатско-Тихоокеанского региона, достигших впечатляющих успехов в социально-экономическом реформировании общества, улучшении качества жизни своих народов.

Мы особенно рады тому, что авторский коллектив нашего журнала пополняют не только маститые, но и талантливые молодые ученые, аспиранты и докторанты.

Обращаясь к представителям различных отраслей экономики, хотелось бы пригласить их на страницы нашего журнала не только с целью размещения рекламы, но и с аналитическими материалами, которые рассказывали бы читателям о практическом опыте их хозяйственной деятельности, о способах и путях восстановления экономических связей на основе эффективного использования новых форм и возможностей интеграции.

Надеемся, что в 2013 году с интересными и конструктивными публикациями в нашем журнале выступят представители разных регионов и государств – ученые, практики, государственные деятели, наши друзья из стран ближнего и дальнего зарубежья.

От всего сердца хочется поблагодарить всех, кто принимает участие в работе нашего журнала, и пожелать доброго здоровья, удачи и процветания.

С уважением и наилучшими пожеланиями
главный редактор *М.В. Бадмаева*

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

УДК 331.443

© П.А. Кислощаев, В.Ю. Буров

Структура экономической безопасности и проблема концептуального выбора развития экономики Российской Федерации

В статье обоснована необходимость модификации структуры экономической безопасности, дана ее двусторонняя трактовка и предложена декомпозиция. Конкретизированы меры по обеспечению экономической безопасности. Концептуально обоснована необходимость внедрения стратегии движения к социально-ориентированной модели развития российской экономики.

Ключевые слова: экономическая безопасность, декомпозиция, стратегия экономической безопасности, неолиберализм, неоструктурализм, экономический рост.

P.A. Kisloshchaev, V.Yu. Burov

Structure of economic safety and a problem of conceptual choice of economy development of the Russian Federation

In the article a necessity of modification the structure of economic safety has been substantiated, its bilateral treatment is given and its decomposition is proposed. Measures on provision of economic safety are specified. The necessity of introduction a strategy of move to a socially-focused model of Russian economy development is conceptually substantiated.

Keywords: economic safety, decomposition, strategy of economic safety, neoliberalism, neostructuralism, economic growth.

Проводившиеся в России в 90-х гг. XX в. экономические реформы дестабилизировали экономику и создали угрозу экономической безопасности страны. Своеобразие и сложность положения современной России заключались в том, что она оказалась в весьма неопределенном переходном состоянии – без четко сформулированной экономической стратегии, что в итоге и довело экономическую политику до непредсказуемости, заставляя ее бросаться из одной крайности в другую, латать новые «прорехи», являющиеся результатом непродуманности проводимого курса. В стране была глубоко деформирована внутренняя структура воспроизводства, отсутствовала четко обозначенная концепция развития экономики. Эмпирическая трактовка экономической безопасности велась односторонне, т.к. была связана с действием исключительно внешних факторов.

В настоящее время возникла необходимость переосмысления не только отдельных путей дальнейшего хода российских реформ, но и во многом самого концептуального выбора развития экономики. Поэтому проблема экономической безопасности в экономической теории становится актуальной.

Для решения этой проблемы необходимо определить место экономической безопасности в стратегии социально-экономического развития страны, конкретизировать меры по обеспечению экономической безопасности, концептуально обосновать необходимость внедрения стратегии движения к социально-ориентированной модели развития российской экономики, модифицировать структуру экономической безопасности.

В экономической науке экономическая безопасность характеризуется двумя составляющими: внутренней и внешней [1]. Внутренняя означает устойчивость экономики, общества и государственных институтов к стихийным и преднамеренным угрозам, возникающим вследствие экономических, социальных, технологических, экологических и иных процессов, которые происходят внутри страны. Внешняя составляющая означает спонтанные и преднамеренные угрозы, источником которых служат действия или намерения иностранных экономических или политических субъектов.

В целом декомпозиция экономической безопасности может быть представлена следующим образом (рис. 1).

В прошлом вопрос об экономической безопасности трактовался односторонне, он связывался исключительно с действием внешних факторов. Речь шла о капиталистических государствах и их международных организациях, устанавливавших запреты либо ограничения на поставку в СССР не только передовой технологии, но и обычных товаров на выдачу кредитов.

Внутренние факторы в контексте угроз экономической безопасности страны никогда не рассматривались, хотя их разрушительное воздействие на экономику оказывалось масштабнее внешних факторов.

В соответствии со структурой формирования угроз, предложенной В.В. Криворотовым, А.В. Калина и Н.Д. Эриашвили [10], все внутренние угрозы экономической безопасности России и ее регионов делятся на четыре крупных блока:

- угрозы производственного и технологического характера;
- финансовые угрозы;
- организационно-правовые угрозы;
- социальные и демографические.

Рис. 1. Декомпозиция экономической безопасности

В спектре внутренних угроз, по нашему мнению, особое внимание в проводимых научных исследованиях необходимо уделить двум угрозам: развитие сектора теневой экономики; состояние сектора малого предпринимательства.

Опасность расширения теневой экономики для общества состоит в том, что она значительно сокращает налогооблагаемую базу, что влияет на уровень собираемости налогов и в основном является дестабилизирующим фактором развития официального сектора экономики. Необходимо отметить социальную значимость малого предпринимательства (МП) для регионов: «В настоящее время наиболее значимыми эффектами функционирования малых предприятий во всех регионах являются прирост рабочих мест и поступления в бюджет. Социальную эффективность малого предпринимательства на региональном уровне можно оценивать системой показателей: снижение уровня безработицы, рост доходов, увеличение поступлений в бюджет за счет МП» [6].

Необходимо подчеркнуть, что в последние годы воздействие внутренних факторов на негативное развитие экономики продолжает усиливать-

ся. Объясняется это как объективными трудностями трансформационного периода, так и субъективными причинами в управлении развитием российской экономики. Все это свидетельствует о том, что стратегия экономической безопасности страны должна основываться на учете всего многообразия факторов, включая ее главные элементы – эффективность и устойчивость развития отечественной экономики. Устойчивость отражает прочность и надежность ее элементов – вертикальных, горизонтальных и других многообразных связей внутри системы, способность выдерживать внутренние и внешние нагрузки. Нарушение связей между различными компонентами экономической системы ведет к сокращению возможностей сопротивляемости, к внутренним и внешним угрозам ее дестабилизации и является сигналом перехода экономики от безопасного состояния к опасному.

Немаловажную роль в рамках исследования экономической безопасности в экономической науке играет установление ее основных критериев и показателей [12].

Под критерием экономической безопасности, как правило, понимается оценка состояния экономики, а именно, оценка:

- ресурсного потенциала и возможностей его развития;
- уровня эффективности использования факторов производства (труда, капитала, природных ресурсов);
- конкурентоспособности экономики;
- целостности экономического пространства;
- экономического суверенитета, независимости;
- социальной стабильности.

Показателями экономической безопасности являются нормативные характеристики и их индикаторы, которые отвечают следующим свойствам:

– в количественной форме отражают угрозы экономической безопасности государства;

– обладают высокой чувствительностью и изменчивостью и поэтому большей сигнальной способностью предупреждать общество, государство и субъектов рынка о возможных опасностях в связи с изменением макроэкономической ситуации, принимаемыми правительством мерами в сфере экономической политики;

– взаимодействуют между собой в достаточно сильной степени.

Следует отметить, что для функционирования системы экономической безопасности государства именно третье свойство является самым важным. Взаимодействие показателей существует всегда, но только при определённых условиях нарастания силы опасности они выходят за определённые границы, приобретают экстремальный характер и становятся очевидными. Накопление информации о численных параметрах такого взаимодействия необходимо для определения социально-экономических

последствий принимаемых макроэкономических решений, оценки значимости тех или иных угроз экономической безопасности государства.

В систему показателей экономической безопасности (ПЭБ) включают: уровень и качество жизни, темпы инфляции, норму безработицы, экономический рост, государственный долг, встроенность в мировую экономику, состояние золотовалютных резервов, деятельность теневой (ненаблюдаемой) экономики, состояние экологии.

Известны и другие подходы к типологизации показателей, так С.А. Афонцев агрегирует их по пяти группам [2]:

- экономические отношения;
- социальная сфера;
- демографическая ситуация;
- экологическая ситуация;
- политические отношения.

Подобная группировка показателей представляется крайне важной для разработки соответствующих мероприятий по обеспечению экономической безопасности страны.

Для трактовки экономической безопасности важно выделить такие понятия, как пороговые значения и угрозы. Пороговые значения характеризуют предельные значения показателей, игнорирование которых препятствует нормальному развитию экономики и социальной сферы и приводит к формированию разрушительных тенденций в области производства и уровня жизни населения. Превышение пороговых значений ведет к формированию угроз, которые тормозят развитие экономики.

Угроза – это совокупность условий и факторов дестабилизации, создающая опасность интересам граждан, общества и государства, а также национальным ценностям и национальному образу жизни.

Г.С. Вечканов определяет угрозу как такое явление и процесс, которое отрицательно влияет на экономическое состояние страны, ограничивает экономические интересы личности, общества, государства, создает опасность для национальных ценностей и образа жизни. С.Ю. Глазьев рассматривает угрозу как постоянно существующую объективную реальность, потенциально направленную на нарушение свойств системы, уровень опасности которой не зависит от усилий по обеспечению безопасности [4]. Т.В. Самушенок трактует экономическую угрозу как наличие и действие реальных или потенциальных сил и факторов, которые могут стать дестабилизирующими по отношению к личности, социальной и природной системе, в нанесении или ущербе, дезорганизации или полном уничтожении [13].

В общем виде угрозы экономической безопасности могут быть классифицированы по таким агрегированным признакам, как внешние и внутренние [14].

Интересной представляется классификация внутренних и внешних угроз, предложенная Г.С. Вечкановым. К внутренним он отнес [3]:

- нарастание структурной деформации экономики страны;
- снижение инвестиционной и инновационной активности;
- разрушение научно-технического потенциала страны;
- действие устойчивой тенденции к превращению страны в топливно-сырьевую периферию развитых стран;
- усиление имущественного расслоения общества.

К внешним угрозам экономической безопасности Г.С. Вечканов относит:

- «утечку умов» за границу;
- «бегство капитала» за рубеж;
- рост государственного долга;
- нарастание импортной зависимости по продовольствию и потребительским товарам;
- излишнюю открытость экономики.

Из вышеперечисленных внутренних угроз экономической безопасности страны особо выделим нарастание структурной деформации экономики, т. к. чтобы обеспечить экономический рост в стране, необходимо провести структурные модификации в экономике, суть которых заключается в соответствии структуры производства и структуры спроса.

Наиболее опасной угрозой экономической безопасности является усиление имущественного расслоения общества, глубокая поляризация благосостояния и дезинтеграция общества. Базой воспроизводства бедного населения является низкий уровень развития экономики. Поэтому для снижения уровня бедности необходимо повысить темпы экономического роста, ввести прогрессивную систему налогообложения физических лиц.

Из внешних угроз экономической безопасности выделим некоторые. «Утечка умов», эмиграция населения ведет к сокращению интеллектуального потенциала, а, следовательно, и к сдерживанию экономического развития страны. Одной из ключевых угроз экономической безопасности является «бегство капитала». Инвестиции в национальную экономику способствуют развитию народного хозяйства данной страны, повышению уровня и качества жизни ее населения. Вывезенный же за границу капитал «работает» на ту страну, в которую он ввезен.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации внутренние и внешние угрозы переплетены и в долгосрочном периоде времени возможны дополнения одних угроз другими, т. к. отмечается, что главными стратегическими рисками и угрозами национальной безопасности в экономической сфере на долгосрочную перспективу являются:

- сохранение экспортно-сырьевой модели развития национальной экономики;

- снижение конкурентоспособности и высокая зависимость ее важнейших сфер от внешнеэкономической конъюнктуры;
- потеря контроля над национальными ресурсами;
- ухудшение состояния сырьевой базы промышленности и энергетики;
- неравномерное развитие регионов и прогрессирующая трудонедостаточность;
- низкая устойчивость и защищенность национальной финансовой системы;
- сохранение условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений, а также незаконной миграции.

Важной угрозой экономической безопасности выступает внешний государственный долг. Государственный долг ложится дополнительным бременем на экономику и увеличивается по мере ухудшения экономической конъюнктуры, а также грозит утратой государственного суверенитета.

Необходимо согласиться с исследованиями В.С. Гусева: «Источником формирования угрозы безопасности страны служит многообразие внутренних и внешних противоречий общественного развития в стране и на международной арене в разных сферах человеческой деятельности. Это одновременно и главный исходный критерий для выделения тех общественных отношений, которые формируют систему социальных взаимодействий в области безопасности страны» [5]. Одним из основных внутренних противоречий в аспекте выделения общественных отношений являются теневые экономические отношения.

При исследовании содержания экономической безопасности принципиальное значение имеет вопрос о ее месте в стратегии социально-экономического развития страны. Государственная стратегия в данной области призвана создать условия для роста производства, конкурентоспособности продукции, поддержать научно-технический потенциал, не допустить снижения уровня жизни населения до предельных значений, сохранить социально-политическую стабильность в обществе [9].

Установление стратегической цели экономической безопасности будет затруднено без конкретизации соответствующих мер по ее обеспечению: осуществление активной структурной и социальной политики, усиление активности государства в инвестиционной, финансовой, кредитной и внешнеэкономической сфере, продолжение институциональных преобразований [7].

Современная Россия оказалась в весьма неопределенном переходном состоянии – без четко выраженной цели происходящих перемен, с серьезными проблемами в экономике и связанных с ней сферах. В стране глубоко деформирована внутренняя структура воспроизводства, что выражается в многочисленных хозяйственных диспропорциях: нарушение эконо-

мического равновесия, инфляционное перераспределение доходов, неплатежи и т.д.

Вследствие указанных причин становятся непригодными модели, основанные на постулате макроэкономического развития. Происходит это не потому, что модели плохи сами по себе, а в связи с тем, что они неадекватны реальности. Сама жизнь диктует необходимость поиска новых подходов и нетрадиционных решений. В экономической литературе противопоставляются два типа монетарной экономической политики: этатистская (командная) и либеральная. Они различаются по степени жесткости денежной политики, толерантности к инфляции, по масштабам частной собственности и приватизации, роли государства в перераспределении и потреблении ВВП, уровню протекционистской защиты или открытости экономики [8].

Исходным пунктом монетаристской концепции финансовой стабильности является разграничение и, противопоставление друг другу моделей и, соответственно, двух типов экономической политики – либеральной и этатистской. Данная точка зрения вызывает серьезные возражения. Во-первых, в чистом виде ни в одной стране таких крайних моделей не существует. Во-вторых, игнорируется общемировая тенденция формирования смешанной экономики и адекватной ей модели хозяйственного устройства, в которой достигается сложный синтез конкурентно-рыночного механизма и государственного регулирования, открытости экономики с мерами по защите внутреннего рынка, а финансовые и денежные потоки становятся объектом регулирующего воздействия правительства и Центрального банка России. Попытка перенести абстрактные схемы непосредственно на хозяйственную жизнь некорректна с позиции научной методологии, нарушает одно из ее важнейших требований – чистоту анализа.

В прикладном плане монетаристская концепция стабилизации реализуется через систему индикаторов экономической безопасности, с помощью которой Международный валютный фонд принимает решение о выделении кредитов России. К таким индикаторам относятся: снижение темпов инфляции до определенного уровня, сокращение бюджетного дефицита, упразднение налоговых льгот, полная либерализация внешней торговли, завершение приватизации, ускорение проведения земельной реформы, создание механизма социальной защиты населения. Эти меры дали обратный результат, значительно снизили экономическую безопасность страны, обострили угрозу экономике России.

Теоретической альтернативой монетаристских концепций служит эволюционная теория экономического развития, предусматривающая постепенное (позатпное) реформирование экономического пространства, в первую очередь, на основе улучшения его структурных характеристик.

В либеральной экономике наиболее эффективные пропорции воспроизводственных процессов (следовательно, и структуры экономики) обусловлены логически, вследствие предпосылок модели.

В настоящее время в российской экономической науке отсутствует целостное, непротиворечивое представление о целях и принципах функционирования возможной системы социально-экономических, производственно-технологических, материально-финансовых, организационно-хозяйственных и иных взаимосвязей, определяющих основные элементы и характер нового воспроизводственного механизма отечественной экономики.

Руководство нашей страны неоднократно провозглашало начало серьезной реструктуризации экономики. Но реальных сдвигов пока нет, и причина не только в отсутствии инвестиций: нет четко обозначенной концепции развития экономики и ясности в таких вопросах, как принципы социально-экономического устройства и создаваемый тип хозяйства, влияние теневой экономики на экономическую безопасность, место страны в международном разделении труда, источники и факторы экономического роста. Следовательно, неясны цели и задачи структурной перестройки, что не позволяет выбрать структурную политику.

Мы присоединяемся к мнению, что в настоящее время существует явная необходимость переосмысления не только отдельных путей дальнейшего хода российских реформ, но и во многом самого концептуального выбора.

Рассматривая концептуальные основы выбора стратегии развития российской экономики, отметим, что в мировой экономической практике имеется множество мер по структурному преобразованию хозяйственных систем. Условно их можно обобщить в нескольких стратегических концепциях: нелиберальной, некейнсианской, концепции «экономики предложения», неструктуралистской.

В России в процессе рыночного реформирования широко применяется нелиберальная концепция, поэтому она наиболее разработана в отечественной экономической литературе. Учитывая достоинства и недостатки некейнсианской концепции и концепции «экономики предложения», возможность проведения макроэкономической политики на базе данных моделей в обстановке глубокой структурной деформации экономики можно оценить как малореальную.

Следует обратить внимание на неструктуралистическую концепцию, которая опирается на эволюционную теорию экономического развития и в той или иной мере апробирована в ряде стран третьего мира. Ее главные концептуальные положения содержатся в изданных еще в 1950-х гг. работах А. Льюиса, Р. Нурксе, П. Розенштейна-Родана, Х. Ченери и др. В свою очередь, их предтечей являются фундаментальные труды Й. Шумпетера и знаменитая работа К. Поланьи «Великая трансформация» [15]. Главный

вывод указанной теории заключается в необходимости достижения экономического роста за счет постепенных структурных изменений, равномерного движения к зрелой рыночной системе. Применительно к России речь идет об эволюции прошлой социалистической экономики к интенсивно развитому постиндустриальному рынку.

Принципиально важно, что постепенная рыночная трансформация в соответствии с эволюционной теорией не может происходить автоматически, без внешнего участия. Относительно экономической системы, находящейся на начальной стадии развития, принцип постепенности предполагает государственное вмешательство для обеспечения перехода к более высокой степени рынка с наименьшими издержками. Для такого перехода требуется прямая государственная поддержка новых рыночных структур, адекватное усилие стабилизационной политики. Активное государственное вмешательство свойственно экономике канадского типа. Для ее трансформации на эволюционных принципах необходимо государственное регулирование переходных процессов. Мы считаем, что в отношении экономики с такими глубокими структурными изменениями, как российская, регулирование обязательно должно носить избирательный характер по отношению к ее различным звеньям.

Наряду с целенаправленной государственной структурной политикой, неструктуралистическая концепция предусматривает экономический естественный отбор (по Р. Нельсону и С. Уинтеру), когда наиболее конкурентоспособные хозяйствующие субъекты развиваются за счет вытеснения из экономического пространства других хозяйствующих субъектов [11]. Механизм же структурных сдвигов строится на перераспределении ограниченных ресурсов – переводе их из менее эффективных сфер экономической деятельности в более эффективные как конкурентным путем, так и методами государственного воздействия.

В России должна быть внедрена стратегия движения к социально-ориентированной модели рыночной экономики. За основу необходимо взять идею ее социально-ориентированного структурирования, оптимально сочетающего потенциал рыночного конкурентного развития с продуманной структурой государственного предпринимательства в области производства общественно значимых товаров и услуг. На данной системе макропропорций возможно динамическое развитие социальной структуризации неэкономической (в частности, социальной) сферы, культурная и иная жизнедеятельность нации. В свою очередь, социальная структуризация опирается на модель оптимальной экономической структуры развитых рыночных хозяйств, реализующих на практике конкретные модели социальной ориентации. В ходе структурного реформирования появится национальная специфика, и это не опровергает, а подтверждает высказан-

ную точку зрения о присутствии как общего, так и особенного в процессе социализации экономических систем.

Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации должна быть направлена на обеспечение устойчивого функционирования всех секторов экономики, достойного уровня жизни российских граждан, повышение конкурентоспособности российских товаров на мировом рынке.

Система экономической безопасности России должна предупреждать угрозы, наносящие серьезный ущерб развитию экономики, в том числе и со стороны теневой экономики, кроме того, она призвана контролировать ход реформ, стратегию и тактику социально-экономического развития государства, формировать русло, в рамках которого обеспечивается стабильное, устойчивое развитие экономики.

Литература

1. Экономика / Архипов А.И. [и др.]. – М., 2002. – С. 752-754.
2. Афонцев С.А. Дискуссионные проблемы концепции национальной экономической безопасности: практическое пособие. – М., ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
3. Вечканов Г.С. Экономическая безопасность. – СПб.: Питер, 2007. – С. 68.
4. Глазьев С.Ю. Основы обеспечения экономической безопасности страны – альтернативный реформационный курс // Российский экономический журнал. – 1997. № 1. – С. 5.
5. Гусев В.С. и др. Экономика и организация безопасности хозяйственных субъектов: учебник. – СПб.: Очарованный странник, 2001. – С. 155.
6. Эффективность поддержки малого предпринимательства / Дадашев А. [и др.] // Вопросы экономики. – 2002. – № 7. – С. 127-139.
7. Зимонин В.П. Контуры системы безопасности России в новых условиях // Обозреватель. – 1993. – № 22. – С. 98-101.
8. Илларионов А. Критерии экономической безопасности // Вопр. экономики. – 1998. – № 10. – С. 34-41.
9. Кобрин Ю.Н. К вопросу об обеспечении стратегии экономической безопасности России // Экономист. – 1999. – № 7. – С. 37-45.
10. Криворотов В.В., Калина А.В., Эриашвили Н.Д. Экономическая безопасность государства и регионов: учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 351 с.
11. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений: пер. с англ. / Центр эволюц. экономики. – М.: Финстатинформ, 2000. – 467 с.
12. Самсонов К. Элементы концепции экономической безопасности // Вопр. экономики. – 1994. – №12. – С. 14-24.
13. Самушенко Т.В. Современные угрозы экономической безопасности России // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – №33. – С. 405-406.
14. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России: Общий курс: учеб. – 2-е изд. – М.: Дело, 2005. – С. 75.

15. Шумпетер Й. Капитализм, социализм, демократия: пер. с англ. – М.: Экономика, 1995. – 345 с.

Кислоцаев Павел Андреевич, старший преподаватель кафедры антикризисного управления, финансов и кредита Забайкальского государственного университета, г. Чита, e-mail: neoprofessor@mail.ru

Буров Виталий Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент, директор Высшей школы экономики, управления и предпринимательства Забайкальского государственного университета, г. Чита, e-mail: burovschool@rambler.ru

Kisloshchaev Pavel Andreevich, senior teacher, department of anti-recessionary management, finances and credit, Zabaikalsky State University, Chita, e-mail: neoprofessor@mail.ru

Burov Vitaly Yurevich, candidate of economic sciences, associate professor, director of Higher School of Economics, Management and Entrepreneurship, Zabaikalsky State University, e-mail: burovschool@rambler.ru

УДК 338.12

© В.Д. Богатырев, А.Ю. Ситникова

Разработка алгоритмов выделения циклических составляющих экономических данных

В данной статье проводится краткий анализ теории циклов, а также рассматривается проблема выявления циклических составляющих из общей динамики экономической конъюнктуры. В качестве решения этой проблемы предлагается алгоритм асинхронного гармонического анализа и алгоритм, основанный на спектральном анализе и цифровой фильтрации. Предложенные алгоритмы апробированы для выделения циклов котировок акций ОАО «ЛУКОЙЛ».

Ключевые слова: экономический цикл, экономическая конъюнктура, гармоника, тренд, спектральный анализ, спектральная плотность мощности, преобразования Фурье.

V.D. Bogatyrev, A.Yu. Sitnikova

Development of algorithms of cyclical components allocation of economic data

This article deals with a brief analysis of the theory of cycles and a problem of allocation of cyclic components from a general dynamics of economic situation is also considered. As a solution of this problem the asynchronous harmonic analysis algorithm based on spectrum analysis and digital filtering algorithm is proposed. The proposed algorithms have been tested for allocation of «Lukoil» stock quotes cycles.

Keywords: economic cycle, economic situation, harmonic, trend, spectrum analysis, power spectral density, Fourier transformations.

С течением времени в экономических системах изменяются многие показатели и характеристики: уровень цен, объёмы производства, уровень занятости, денежная масса, загрузка производственных мощностей, прибыль, процентная ставка, скорость обращения денег и пр. Развитие экономических процессов и явлений носит циклический характер: рост сопровождается спадом, за которым следует восстановление и новый рост, поскольку по мере накопления изменений силы, придававшие импульс развития, убывают, и экономическая система начинает движение в обратном направлении.

Причинами возникновения и существования экономических циклов могут служить как внутренние факторы (обновление производственных фондов, изменение совокупных расходов, потребление и инвестиции, государственная экономическая политика), так и внешние (войны, революции, демографические процессы, крупные открытия и изобретения). Степень их влияния на экономическую систему зависит от ее внутренней структуры и способности приспосабливаться к изменениям. Поэтому понятие «экономический цикл» можно охарактеризовать как результат взаимодействия внутренних процессов саморазвития экономической системы и внешних импульсов, лежащих за ее пределами [1].

Проблема цикличности является одной из самых спорных и малоизученных. Впервые учёные попытались исследовать проблему циклических явлений в экономике в начале XIX в. Ж. Сисмонди считал, что экономические кризисы возникают из-за «недопотребления» или «чрезмерных сбережений». В 60-х гг. XIX в. К. Марксом была разработана теория циклических кризисов, которая дала толчок к изучению феномена длинных волн [2]. В 1860 г. К. Жугляр открыл фундаментальный механизм чередования периодов экономического благополучия и кризисов, описал общеэкономический цикл продолжительностью 8-10 лет, а также цикл фондового рынка длиной 9,25 лет.

В 1901 г. А.И. Гельфанд впервые сформулировал положение, согласно которому капиталистической экономике свойственны периоды длительного спада и застоя [1]. Причинами подъёма экономики в начале XX в. он считал открытие новых рынков, применение электричества и рост добычи золота. Позже длинные волны изучали голландские экономисты-марксисты Я. ван Гельден и С. де Вольф [2], которые в 1913 г., опираясь на статистику по ценам, объёмам производства, финансовым показателям, данным о международной торговле, миграции населения, занятости, разработали теорию волнообразного эволюционного движения при капитализме.

В 1923 г. проф. В.Л. Крам опубликовал результаты анализа котировок коммерческих векселей Нью-Йорка, где обнаружил наличие цикла длиной 40 месяцев. В это же время проф. Дж. Китчин обратил внимание на

циклические изменения в банковских безналичных расчетах, оптовых ценах и процентных ставках Англии и США в 1890–1922 гг.

Русский ученый Н.Д. Кондратьев (1892–1938 гг.), исследовав динамику развития многих стран Европы за 100–150 лет по целому ряду показателей (уровень товарных цен, процент на капитал, номинальная заработная плата, обороты внешней торговли, добыча и потребление угля, производство чугуна и свинца), пришёл к выводу, что развитие рыночной системы происходит волнообразно, производство развивается в рамках больших циклов в связи с масштабными революционными изменениями в технологическом способе производства, структуре его потребностей [3].

Дальнейшее развитие теории длинных волн связано с именем Й. Шумпетера и его работой «Экономические циклы» (1939 г.). Главную причину долговременных колебаний экономики он видел во внедрении базовых нововведений, которые существенно изменяют набор производимых продуктов и технологию их изготовления [1].

Р.Н. Эллиотт (1871–1948 гг.) сделал открытие, состоящее в том, что поведение «толпы» носит определённые закономерности: стадии экспансии, энтузиазма, эйфории, успокоения, упадка и депрессии [4]. Подобная картина наблюдается в различных периодах времени: от нескольких минут до нескольких веков. Изменения массовой психологии можно проследить по колебанию цен на товары, услуги, ценные бумаги, валюту, фондовые и промышленные индексы.

Таким образом, в данное время существует большое количество теорий экономических циклов. Современной общественной науке известны более 1 300 типов цикличности. Малые, среднесрочные и большие циклы взаимодействуют, накладываясь друг на друга, и составляют единый процесс экономического развития.

Все вышеперечисленные теории с той или иной степенью достоверности объясняют причины, вызывающие циклические колебания. Но в целом на сегодняшний день нет единой теории, которая вызывала бы у экономистов различных школ единодушное признание. Нет единства и по вопросу о способах выявления экономических циклов из общей динамики экономических показателей и продолжительности этих циклов.

Главными характеристиками цикла считаются амплитуда, период и фаза (рис. 1). Амплитуда измеряет высоту волны. Период волны измеряет время, проходящее между нижними (верхними) точками. Фазой принято называть временное положение точки волны. Как только определены амплитуда, период и фаза цикла, то теоретически можно экстраполировать цикл в будущее.

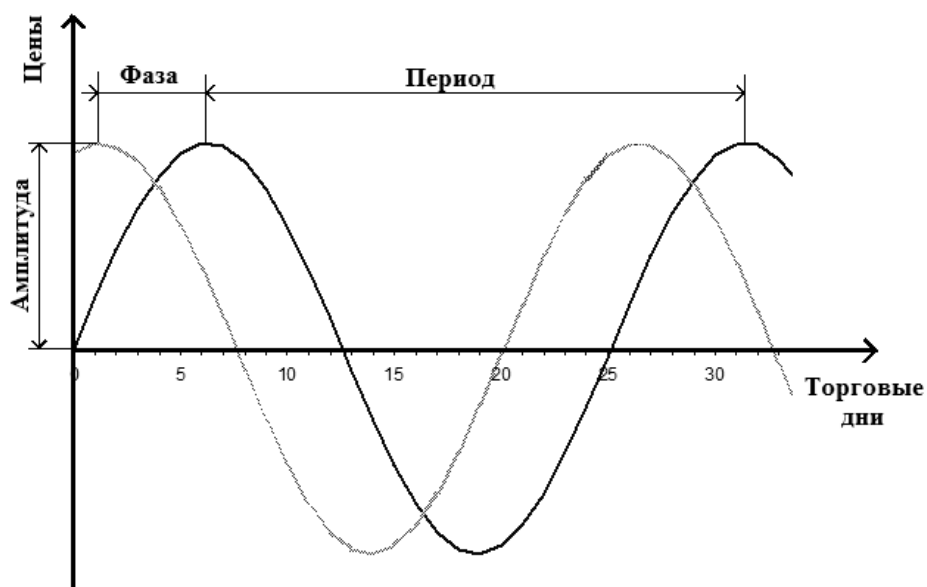

Рис. 1. Основные характеристики цикла

Дж. Мэрфи предлагал использовать циклический анализ в сочетании с другими методами технического анализа с целью определения времени продолжения и окончания определённых тенденций на рынке [5]. Существует четыре принципа, которые позволяют рассматривать ценовую модель как циклическую закономерность: суммирование, гармоничность, синхронность и пропорциональность.

Согласно принципу суммирования (рис. 2), любое ценовое движение можно представить в виде суммы циклов разного периода. Таким образом, если их выделить из общей динамики цен, а затем вновь сложить, можно определить дальнейшую динамику развития тренда, а также время возникновения последующего ценового максимума и минимума.

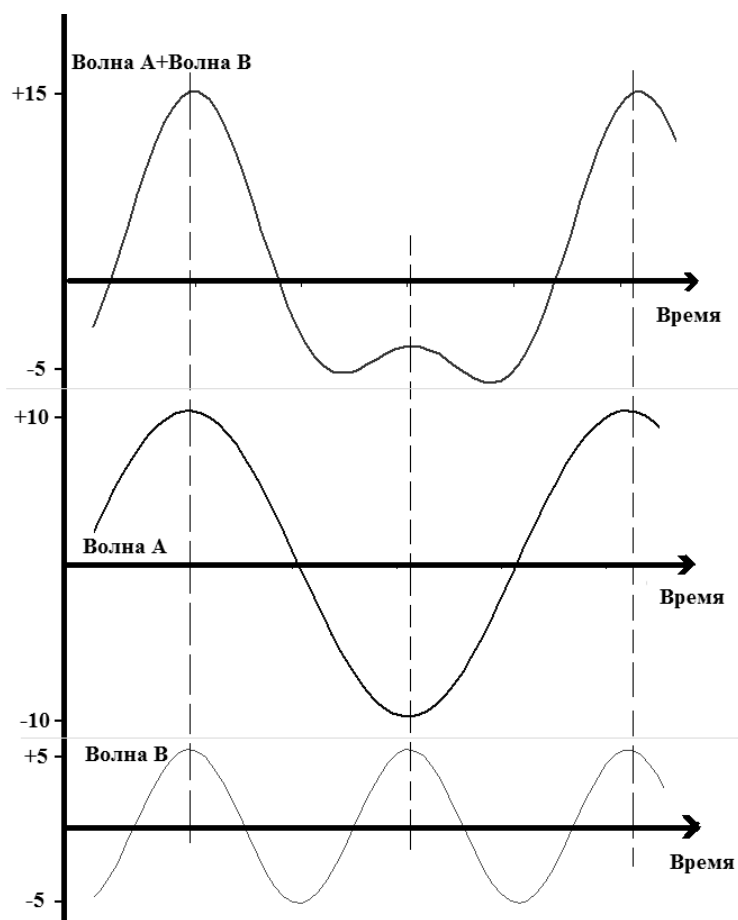

Рис. 2. Принцип суммирования волн

Принципы гармоничности и синхронности (рис. 3) основаны на сочетании двух циклов. Гармоничность заключается в пропорциональности периодов, а синхронность – в соответственном возникновении максимумов и минимумов разных гармоник. В циклическом анализе предпочитается измерять протяженность периодов между двумя нижними точками. Принцип пропорциональности заключается в том, что амплитуды колебаний циклов прямо пропорциональны их периодам.

Таким образом, любую динамику цен можно представить в виде суммы некоторых пропорциональных, гармоничных и синхронных гармонических составляющих. Однако Мэрфи отмечает, что довольно сложно выявить компоненты, составляющие цикл. Численные методы (анализ Фурье, метод максимальной энтропии) предполагают сложные математические расчёты и редко используются на практике по причине отсутствия

программных продуктов с применением указанных методов. Поэтому чаще всего используется метод «на глаз».

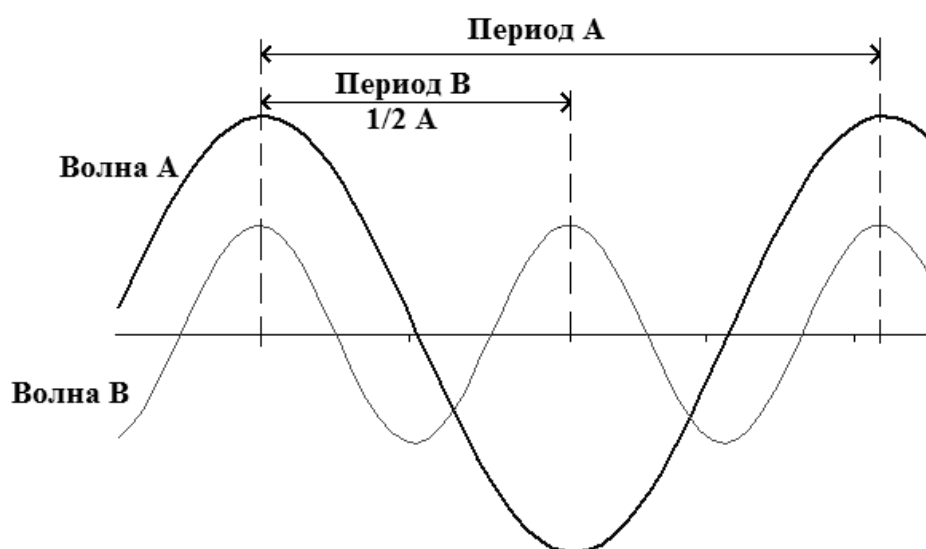

Рис. 3. Гармоничные, синхронные и пропорциональные волны

Таким образом, актуальной является проблема выделения циклов с учётом сложной конъюнктуры финансовых рынков, поскольку в настоящее время отсутствует научно обоснованный метод выделения циклических колебаний котировок ценных бумаг.

Далее предлагается алгоритм реализации асинхронного гармонического анализа, позволяющий выделять циклические колебания с использованием вышеприведённого подхода. Согласно изложенным принципам, любой временной ряд может быть представлен как сумма долгосрочного тренда, гармоник (рис. 4) и случайной компоненты:

$$\tilde{Y} = Y^{tr} + \sum_{k=1}^K Y_k^{garm} + \varepsilon ,$$

где Y^{tr} – тренд или долгосрочная компонента, отображающая основную тенденцию; Y_k^{garm} – гармоника; ε – случайная компонента.

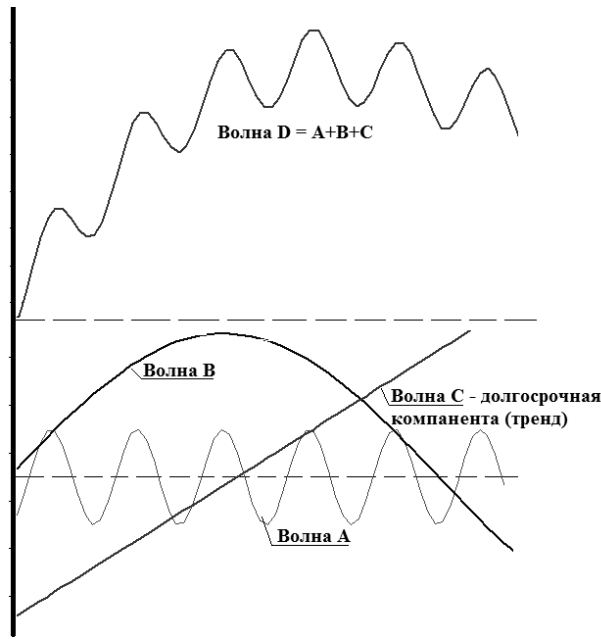

Рис. 4. Ряд динамики как сумма нескольких волн разных периодов

При выявлении циклов во временном ряду $Y = (Y_0, \dots, Y_t, \dots, Y_{N-1})$, состоящем из N наблюдений, сделанных через равные промежутки времени (час, день, месяц, год и т.д.) – $t \in [0; N - 1]$, можно использовать асинхронный гармонический анализ, согласно которому гармоника ряда представляется как $Y_k^{garm} = (Y_{k,0}^{garm}, \dots, Y_{k,t}^{garm}, \dots, Y_{k,N-1}^{garm})$, где

$$Y_{k,t}^{garm} = A_k \sin(\omega_k t + \varphi_{0k}),$$

где A_k – амплитуда колебаний, определяемая по формуле $A_k = \frac{\sum_{t=0}^{N-1} Y_t \sin(\omega_k t + \varphi_{0k})}{\sum_{t=0}^{N-1} \sin^2(\omega_k t + \varphi_{0k})}$; ω_k – частота колебаний $\omega_k = \frac{2\pi}{T_k}$; T_k –

период колебаний гармоника, т.е. время, за которое совершается один полный цикл колебаний; φ_{0k} – начальная фаза колебаний, т.е. фаза колебаний в начальный момент времени $t = 0$, определяемая по формуле $\varphi_{0k} = \frac{(T_k - 2\tau_k)\pi}{T_k}$; выражается в угловых единицах; τ_k – начальная фаза колебания, измеренная в единицах времени, принадлежит интервалу $[0; T_k)$.

Этапы алгоритма представлены на рис. 5.

На первом этапе выбирается исходный динамический ряд данных $Y = (Y_0, \dots, Y_t, \dots, Y_{N-1})$ длиной N (т.е. за N временных периодов), в котором необходимо выявить циклы.

Вторым этапом является определение начальной модели описания исходных данных. Для этого необходимо выявить тренд, к примеру, с помощью метода наименьших квадратов (МНК):

$$Y^{tr} = (Y_0^{tr}, \dots, Y_t^{tr}, \dots, Y_{N-1}^{tr}); \quad Y_t^{tr} = \bar{Y} + \left(\frac{\bar{Y}t - \bar{Y} \cdot \bar{t}}{t^2 - (\bar{t})^2} \right) (t - \bar{t}), \quad \text{где}$$

$$\bar{t} = \frac{\sum_{t=0}^{N-1} t}{N}; \quad \bar{Y} = \frac{\sum_{t=0}^{N-1} Y_t}{N}; \quad \bar{Y}t = \frac{\sum_{t=0}^{N-1} Y_t \cdot t}{N}; \quad \bar{t}^2 = \frac{\sum_{t=0}^{N-1} t^2}{N}.$$

Таким образом, начальной моделью, описывающей ряд динамики $Y = (Y_0, \dots, Y_t, \dots, Y_{N-1})$, принимается тренд $\tilde{Y} = Y^{tr}$.

Третий этап алгоритма заключается в детрендровании исходных данных. Для снятия направленности временного ряда полученный линейный тренд Y^{tr} вычитается из исходного ряда $Y = (Y_0, \dots, Y_t, \dots, Y_{N-1})$. Центрированный относительно оси абсцисс временной ряд имеет вид $\overset{o}{Y} = Y - Y^{tr}$.

На четвертом этапе из ряда $\overset{o}{Y}$ выделяется гармоника Y_k^{garm} с параметрами $T_k \in [2; N]$ и $\tau_k \in \left[0; \frac{T_k}{2} \right)$, которая обеспечивает наибольший коэффициент детерминации R^2 , величину, характеризующую долю дисперсии (разброса) зависимой переменной, описанной найденным уравнением в общей дисперсии. Так, для гармоники Y_k^{garm} коэффициент детер-

$$\text{минации } R^2 \text{ определяется по формуле } R^2 = 1 - \frac{\sum_{t=0}^{N-1} (Y_t - Y_{tk}^{garm})^2}{\sum_{t=0}^{N-1} (Y_t - \bar{Y})^2}.$$

На пятом этапе наилучшая с точки зрения R^2 , выявленная в каждом цикле, гармоника $Y_k^* = Y_k^{garm}$ добавляется в модель, описывающую ряд динамики $Y = (Y_0, Y_1, \dots, Y_{N-1})$: $\tilde{Y} = \tilde{Y} + Y_k^*$.

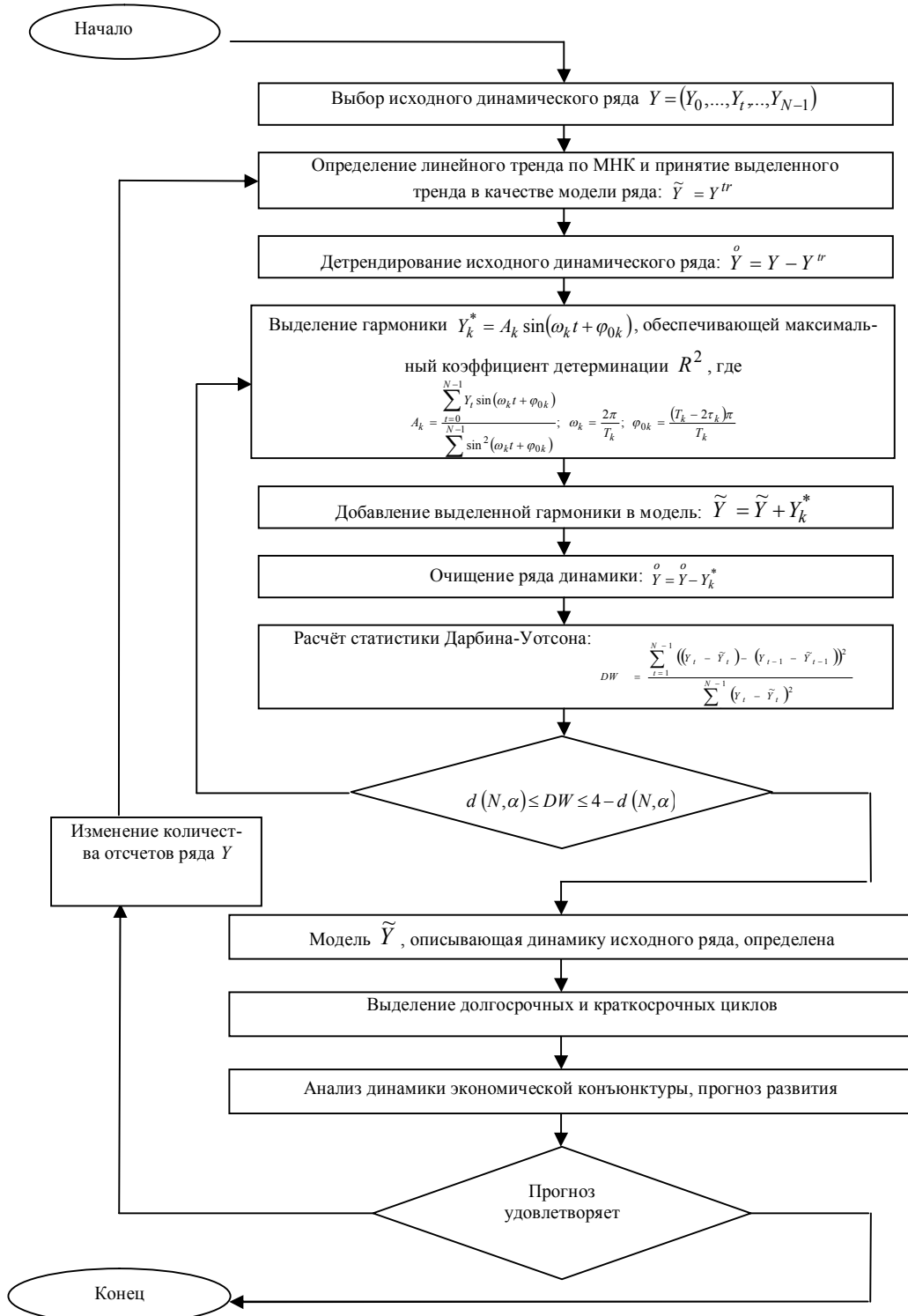

Рис. 5. Алгоритм реализации асинхронного гармонического анализа

На шестом этапе гармоника Y_k^* вычитается из центрированного ряда $\overset{o}{Y}$, образуя новый «очищенный» ряд $\overset{o}{\tilde{Y}} = \overset{o}{Y} - Y_k^*$.

Седьмым этапом является расчёт статистики Дарбина-Уотсона [6] на основании ряда $\overset{o}{\tilde{Y}}$, полученного на этапе 6:

$$DW = \frac{\sum_{t=1}^{N-1} ((\tilde{Y}_t - \tilde{Y}_{t-1}) - (\tilde{Y}_{t-1} - \tilde{Y}_{t-2}))^2}{\sum_{t=1}^{N-1} (\tilde{Y}_t - \tilde{Y}_{t-1})^2}.$$

На восьмом этапе проводится сравнение полученного значения DW с табличным, в результате чего можно сказать о наличии (отсутствии) автокорреляции остатков первого порядка с некоторой вероятностью (уровнем значимости). При выполнении условия $d(N, \alpha) \leq DW \leq 4 - d(N, \alpha)$ алгоритм заканчивается. В вышеприведенном условии $d(N, \alpha)$ – табличное значение статистики Дарбина-Уотсона (для уровня значимости α , длины ряда N и одной объясняющей переменной). Невыполнение условия говорит о наличии зависимостей во вновь «очищенном» ряде $\overset{o}{\tilde{Y}}$, для выявления которых снова проводится процедура выявления гармоник (этап 4 – этап 8). Если условие выполняется, то остатки «очищенного» ряда $\overset{o}{\tilde{Y}}$ носят случайный характер, т.е. все зависимости, присущие ряду $Y = (Y_0, \dots, Y_t, \dots, Y_{N-1})$, уже выявлены, и модель, описывающая исходный ряд динамики, представляется в виде \tilde{Y} .

Зная зависимость \tilde{Y} на временном отрезке $t \in [0; N - 1]$, можно вычислить значения \tilde{Y} на следующем временном отрезке: $t \in [N; N + m]$. Здесь m – горизонт прогнозирования, т.е. период времени, на который делается прогноз.

Помимо асинхронного гармонического анализа существует другой способ выявления циклических составляющих в ряде динамики, основанный на спектральном анализе, представляющий собой совокупность методов качественного и количественного определения состава объекта.

График, описывающий динамику какого-либо экономического показателя, может иметь произвольную форму: гладкую, негладкую, ломаную, разрывную. Но даже такая неаналитическая функция может быть разложена на конечном интервале времени на ряд простых гармонических колебаний и в конечном счёте представлена тригонометрическим рядом вида [7]:

$$y = f(t) = A_0 + A_1 \sin\left(\frac{2\pi}{T}t + \varphi_1\right) + A_2 \sin\left(2\frac{2\pi}{T}t + \varphi_2\right) + \dots$$

Приведенное утверждение является содержанием теоремы Фурье. Любые временные функции (сигналы) могут быть однозначно представлены функциями частоты, которые называются их частотными спектрами. Переход от временного описания сигнала к частотному для детерминированных (неслучайных) сигналов осуществляется с помощью преобразования Фурье.

В большинстве существующих программных продуктов (Microsoft Excel, Mathcad) используется быстрое преобразование Фурье (БПФ) из-за значительно меньшего числа совершаемых операций, но при БПФ длина входной последовательности может быть равной только 2^a (a – натуральное число), что может негативно сказаться на результатах исследования.

Поскольку ряд динамики дискретный, то можно использовать дискретное преобразование Фурье (ДПФ): $Y(m) = \sum_{k=0}^{N-1} X(k)e^{-j2\pi km/N}$, где

$X(k)$ – k -й элемент центрированного динамического ряда; k – индекс динамического ряда во временной области $k \in [0; N-1]$; N – длина динамического ряда значений исследуемого экономического показателя; $Y(m)$ – m -й компонент ДПФ; m – индекс ДПФ в частотной области $m \in [0; N-1]$; j – мнимая единица.

Переход от временного описания сигнала к частотному описанию лучше всего осуществлять для динамического ряда, очищенного от направленности. Один из способов детрендинга, основанный на выделении линейного тренда по МНК, был описан ранее.

Поэтому первым этапом алгоритма выявления циклов на основе спектрального анализа является выбор исходного ряда.

На втором этапе проводится «очищение» исходного динамического ряда данных от направленности.

На третьем этапе осуществляется перевод «очищенных» данных из временной области в частотную посредством ДПФ.

На четвертом этапе исследования оценивается спектральный состав колебаний. Обычно случайные процессы представляются спектральной плотностью мощности (СПМ). В литературе оценку СПМ авторегрессионного процесса часто называют спектральным анализом [8]. Современные методы спектрального анализа включают в себя два основных класса: параметрические и непараметрические методы. К категории параметрических методов относятся те, в которых задается некоторая модель СПМ и ставится задача оценки параметров на основании результатов наблюдения соответствующего процесса на ограниченном промежутке времени. Не-

параметрические методы отличаются отсутствием каких-либо заранее заданных моделей в постановке задачи спектрального оценивания.

В связи с тем, что в данном исследовании анализируются ограниченные временные ряды, а не непрерывная бесконечная функция, как предполагается в теории цифровой обработки сигналов, то ряд методов даёт несостоятельные оценки спектра. Для поставленной задачи лучшим образом подходит использование параметрических методов спектрального анализа, в частности, метод максимальной энтропии (ММЭ). Энтропия – мера «неопределённости» появления некоторого события. Чем выше энтропия, тем выше неопределённость. Основная идея ММЭ состоит в выборе такого спектра, который соответствует наиболее случайному временному ряду, чья корреляционная функция совпадает с заданной последовательностью оцененных величин.

Оценка спектральной плотности мощности по ММЭ имеет такую же аналитическую форму, как и оценка СПМ, получаемая с помощью авторегрессионной (АР) модели порядка ρ вида:

$$S(e^{j2\pi/n}) = \left| \frac{b_0}{1 + \alpha_1 e^{-j2\pi/n} + \alpha_2 e^{-j4\pi/n} + \dots + \alpha_\rho e^{-j2\rho\pi/n}} \right|^2.$$

Идентификация параметров $\alpha_1, \alpha_2, \dots, \alpha_\rho, b_0$ АР-модели выполняется путем решения $\rho + 1$ уравнений Юла-Уокера, которые в матричном виде записывают как:

$$\begin{bmatrix} r_x(0) & r_x(-1) & \dots & r_x(-\rho) \\ r_x(1) & r_x(0) & \dots & r_x(-\rho+1) \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ r_x(\rho) & r_x(\rho-1) & \dots & r_x(0) \end{bmatrix} \begin{bmatrix} 1 \\ \alpha_1 \\ \dots \\ \alpha_\rho \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} |b_0|^2 \\ 0 \\ \dots \\ 0 \end{bmatrix}.$$

где $r_x(i-j)$ ($1 \leq i \leq \rho+1, 1 \leq j \leq \rho+1$) – автокорреляционные коэффициенты, рассчитываемые по формуле:

$$r_x(i-j) = \frac{1}{T-|i-j|} \sum_{k=0}^{N-1-|i-j|} x(k)x(k+|i-j|).$$

Система Юла-Уокера решается при помощи метода Левинсона-Дарбина, носящего итеративный характер.

На основе вышесказанного далее для анализа циклических колебаний экономических явлений и процессов предлагается алгоритм (рис. 6), включающий в себя адаптацию данного метода [10].

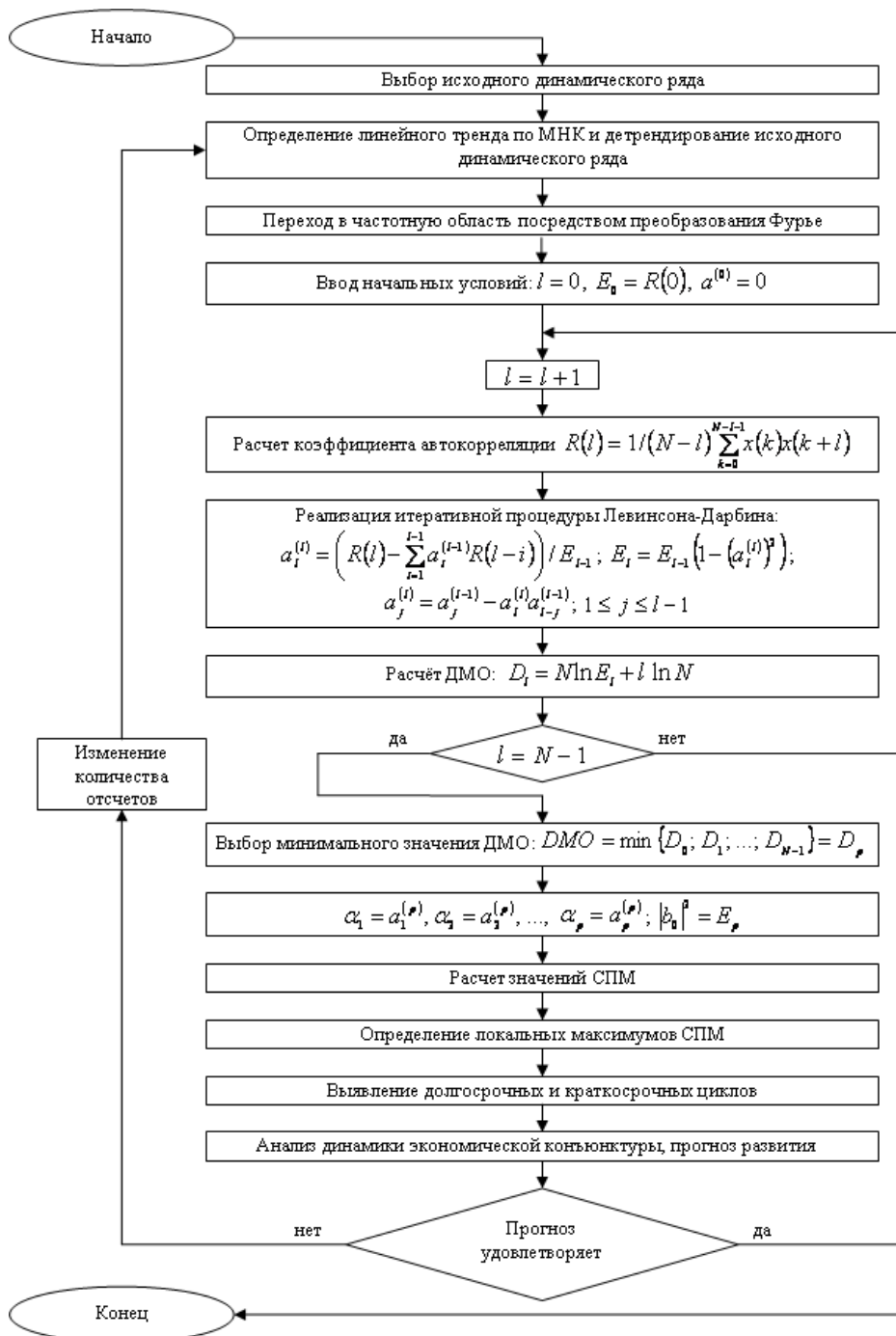

Рис. 6. Алгоритм выделения циклов на основе спектрального анализа

Следует увеличивать порядок АР-модели, пока вычисляемая ошибка предсказания не достигнет максимума. Но, как правило, дисперсия ошибки монотонно убывает с увеличением порядка ρ модели. Поэтому для определения порядка используется статистически значимый критерий длины минимального описания:

$ДМО[\rho] = N \ln|b_0|^2 + \rho \ln N$, где ρ – порядок АР-модели; $|b_0|^2$ – оценочное значение дисперсии белого шума, которое используется в качестве ошибки линейного предсказания и находится в процессе реализации итеративной процедуры Левинсона-Дарбина.

Особый интерес представляет оценка полученной СПМ. Пример таковой приведён на рис. 7 для динамики котировок акций ОАО «ЛУКОЙЛ» за 120 торговых дней. При анализе графиков СПМ особое внимание уделяется локальным максимумам. Для приведённого примера можно сказать, что наибольшую значимость в динамике котировок акций ОАО «ЛУКОЙЛ» имеет цикл с периодом 54 торговых дня.

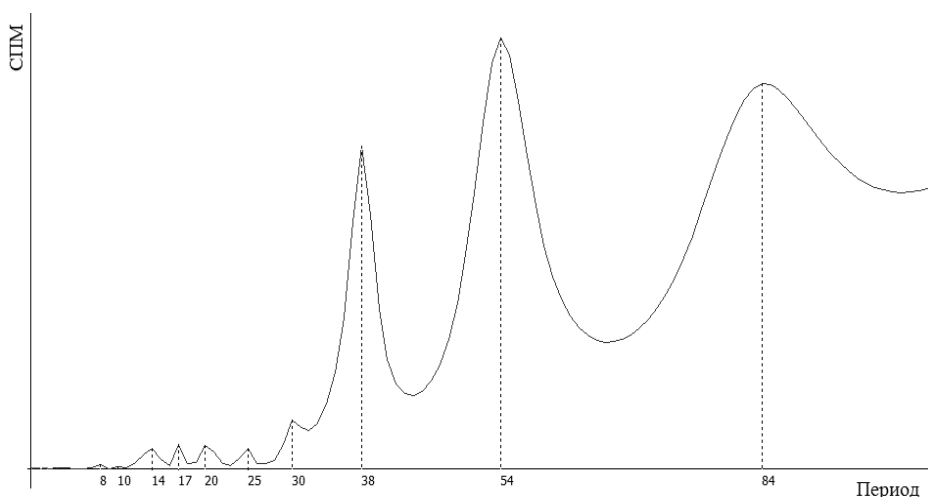

Рис. 7. СПМ котировок акций ОАО «ЛУКОЙЛ»

Проанализировав оценки СПМ, необходимо провести цифровую фильтрацию, которая представляет собой процесс изменения частотного спектра сигнала в некотором желаемом направлении. Этот процесс может привести к усилению или ослаблению частотных составляющих в некотором диапазоне частот, к подавлению или выделению какой-либо конкретной частотной составляющей.

Рис. 8. Торговый индикатор для котировок акций ОАО «ЛУКОЙЛ»

Предложенные алгоритмы могут быть практически реализованы для анализа динамики экономических данных различного характера, в частности – в виде торговых индикаторов технического анализа, подробное описание которых представлено в других работах авторов (рис. 8) [11].

Литература

1. Экономическая теория / под ред. И.П. Николаевой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Проспект, 2008. – 576 с.
2. Крепкий Л.М. Регулирование экономических циклов. – М.: Экономика, 2007. – 184 с.
3. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002. – 767 с.
4. Пректер Р., Фрост А. Волновой принцип Эллиотта. Ключ к пониманию рынка. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. – 272 с.
5. Мэрфи Дж. Технический анализ фьючерсных рынков: теория и практика / пер. с англ. – М.: Евро, 2008. – 592 с.
6. Замков О.О., Толстопятенко А.В., Черемных Ю.Н. Математические методы в экономике / под общ. ред. А.В. Сидоровича. – М.: Дело и Сервис, 2004. – 386 с.
7. Ситникова А.Ю., Богатырев В.Д. Разработка торгового индикатора для рынка ценных бумаг на основе асинхронного гармонического анализа // Вестник международного института рынка, №2 (3), 2007. – С. 30-35.
8. Кравчук В.К. Новый адаптивный метод следования за тенденцией и рыночными циклами // Валютный спекулянт, №12, 2000. – С. 48-53.
9. Кравчук В.К. Спектральный анализ колебаний валютного курса EUR/USD по методу максимальной энтропии // Валютный спекулянт, №1, 2001 – С. 14-17.

10. Ситникова А.Ю. Метод спектрального анализа для выявления циклов экономической конъюнктуры // Вестник Самар. гос. эконом. ун-та, №9 (59). – 2009. – С. 107-112.
11. Ситникова А.Ю. Совершенствование инструментов технического анализа ценных бумаг посредством применения спектрального анализа и теории цифровой фильтрации // Вестник Самар. гос. аэрокосм. ун-та, №3 (23). – 2010. – С. 153-163.

Богатырев Владимир Дмитриевич, доктор экономических наук, профессор, проректор по образовательной и международной деятельности Самарского государственного аэрокосмического университета им. академика С.П. Королева (национального исследовательского университета). 443086, г. Самара, Московское Шоссе, 34; тел. (846) 335-18-01, 267-43-03, e-mail: samelev@rambler.ru

Ситникова Анастасия Юрьевна, кандидат экономических наук, ассистент кафедры экономики Самарского государственного аэрокосмического университета им. академика С.П. Королёва (национального исследовательского университета), г. Самара, Московское Шоссе, 34; тел. (846) 267-43-34, 8-927-655-60-99; e-mail: sitnikova_au@mail.ru.

Bogatyrev Vladimir Dmitrievich, doctor of economic sciences, professor, vice-rector for educational and international activities, S.P. Korolev Samara State Aerospace University (national research university), 443086, Samara, Moskovskoe Shosse, 34; ph. (846) 335-18-01, 267-43-03, e-mail: samelev@rambler.ru

Sitnikova Anastasiya Yurievna, candidate of economic sciences, assistant, department of economics, S.P. Korolev Samara State Aerospace University (national research university), Samara, Moskovskoe Shosse, 34; ph. (846) 267-43-34, 8-927-655-60-99; e-mail: sitnikova_au@mail.ru

УДК 340.6

© Ш.И. Алибеков

Установление фиктивных и подложных документов в процессе судебно-бухгалтерской экспертизы

В статье рассмотрены и изучены вопросы, касающиеся исследования подлинности бухгалтерских документов в процессе бухгалтерской экспертизы, определены понятия фиктивного и подложного документов.

Ключевые слова: документ, бухгалтерский учет, подлог, бухгалтерская экспертиза.

Sh.I. Alibekov

Establishing of fictitious and false documents in the process of Forensic Accounting

The article has considered and studied the issues concerning a research of authenticity of accounting documents in the process of accounting expertise. It determines a concept of fake and forged documents.

Keywords: document, accounting, fraud, accounting expertise.

С первичным и сводным документом связано понятие фиктивного и подложного документа. Фиктивным документом является вымышленный документ, изготовленный по образцам подлинных документов, т.е. подделка. Подлог выявляется при обнаружении регистрации в сводном документе фиктивного первичного документа, если в сводном документе будет обнаружена ссылка на первичный документ, а самого документа не существует. Подложный документ – фальшивый документ, изготовленный с соблюдением установленной формы. Подложным документом также может быть подлинный документ с частично измененными реквизитами.

Под «использованием» подложного документа следует понимать такие действия субъекта, которые при его предъявлении, представлении (демонстрации), предоставлении извлекают пользу, выгоду, эффект или другие полезные свойства документа. Предметом в данном случае выступает подложный документ, то есть явно фальшивый, фальсифицированный. Подложный документ ни при каких обстоятельствах не может считаться подлинным, а подлинный даже в случае незаконного обращения с ним не становится подложным. Что касается «чужого документа», то он обладает всеми признаками истинного [5]. При его обманном использовании по существу имеет место «подлог личности» физического лица. Если же вместо соответствующего документа представляется иной, близкий по внешнему виду, содержанию (пропуск вместо удостоверения сотрудника милиции, просроченная справка и т.п.), данные действия скорее всего относятся к обману, а не к подлогу документов.

Проблемным является вопрос о квалификации использования подложного документа, изготовленного самим его исполнителем. Различают документы интеллектуального и материального подлога. Документы интеллектуального подлога отражают операции, которые в действительности не были совершены. Это может быть документ, в котором зафиксирована фиктивная операция с товарно-материальными ценностями. Такой документ называют бестоварным, а если с денежными средствами – безденежным документом (например, товарный отчет). Цели оформления таких документов различны, но все в основном направлены на хищение. Основные цели бестоварных операций:

- списание похищенных недостающих ценностей на расчеты с покупателями и заказчиками (на дебиторскую задолженность);
- сокрытие недостач или излишков при инвентаризации;
- оприходование непоступивших материалов в целях присвоения предназначенных для их приобретения денежных средств.

Материальный подлог представляет собой документ с подчистками, исправлениями, приписками (механическая подделка). Существуют следующие требования к оформлению документов:

1. Документы должны быть заполнены шариковой ручкой, напечатаны на печатной машинке или выведены на ПК и распечатаны на принтере. Не допускается заполнение документов цветными пастами, карандашами.

2. Внесение исправлений в кассовые и банковские документы не допускается. Другие документы могут исправляться по соглашению сторон.

3. В денежных документах сумма должна быть указана цифрами и прописью.

4. В документе все реквизиты должны быть заполнены. Образцы заполнения документов находятся в альбоме унифицированных форм. Если в нём нет какого-либо образца документа, то в таком случае в документе должны быть оформлены следующие обязательные реквизиты:

- наименование документа;
- дата составления документа;
- наименование организации, от имени которой составлен документ;
- содержание хозяйственной операции (что произошло с ценностями, денежными средствами, для производителей (предприятий) – приход, либо расход);
- измерители хозяйственных операций в натуральном и денежном выражении, могут быть только в денежном, где нет натурального;
- наименование должностных лиц, отвечающих за совершение хозяйственной операции и правильность ее оформления;
- личные подписи указанных лиц.

Денежные документы должны быть подписаны руководителем и главным бухгалтером. Директор может передать право подписи другому лицу, оформив свое решение приказом по предприятию. Дополнительные реквизиты в документе могут указываться по усмотрению предприятия [2]. Поэтому при организации системы документирования хозяйственных операций следует обеспечить возможность проведения анализа эффективности использования ресурсов организации в процессе оформления первичных учетных документов, а также при составлении синтетических учетных регистров. Для этого первичные учетные документы и учетные регистры следует дополнить специальными графами, которые будут содержать контрольные показатели (нормы технологических потерь, нормы расхода материалов, справочные данные об аналогичных показателях предыдущего отчетного периода, нормы трудоемкости, планируемые значения тех или иных величин). Более того, одновременно необходимо организовать систему взаимного контроля работников бухгалтерии при организации системы документирования хозяйственных операций.

Говоря о видах подлога документов, необходимо прежде всего иметь в виду все представленные в уголовном законодательстве составы преступлений, устанавливающие ответственность за подлог документов. В данном случае в зависимости от состава объективных и субъективных признаков, специфичных для каждого из отдельных видов подлога, осуществляется их деление. В связи с этим по такому основанию вычлениются следующие виды подлога документов:

- подлог избирательных документов (ст. 142 УК РФ);
- подделка, изготовление или сбыт поддельных документов (использование подложных документов) (ст. 327 УК РФ);
- изготовление или сбыт поддельных денег (ценных бумаг) (ст. 186 УК РФ);
- изготовление, использование, сбыт поддельных марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия (ст. 327 УК РФ);
- служебный подлог (ст. 292 УК РФ);
- изготовление или сбыт поддельных кредитных (расчетных) карт и иных платежных документов (ст. 187 УК РФ);
- подделка рецептов и иных документов, дающих право на получение наркотических средств и психотропных веществ (ст. 233 УК РФ);
- фальсификация доказательств (ст. 303 УК РФ) [4].

На основе различия в признаках составов подлогов документов их можно сгруппировать в два вида: общий и специальный. Данное деление, применимое ко многим составам преступлений определенной группы, базируется на основных положениях частного учения уголовного права – теории квалификации преступлений.

Следующее видовое деление подлогов документов проводится по субъекту их осуществления. По данному основанию с учетом служебного положения лица – субъекта преступления – можно вычленить четыре основные группы подлогов документов:

- подлог, совершенный частным (не должностным) лицом (общий подлог);
- подлог, совершенный должностным лицом (служебный подлог);
- подлог, совершенный специальным должностным лицом (специальный служебный подлог);
- подлог, совершенный лицом (частным или должностным), обладающим определенным статусом, полномочиями, служебным положением.

В первую группу подлогов документов входят составы преступлений, которые не предусматривают специального субъекта их совершения. Такие преступления могут быть совершены лицом независимо от его должностного положения, полномочий, гражданско-правового статуса и т. п. Во вторую группу подлогов входят преступления, ответственность за которые устанавливается в случае совершения их особым кругом субъектов – должностными лицами. Третья группа подлогов

документов охватывает подлоги, совершенные должностными лицами, однако лишь теми, которые обладают специальными полномочиями, несут определенные обязанности, занимают конкретное служебное положение.

Преступления по подлогу документов также могут быть классифицированы в зависимости от характера и направленности действий. Здесь рассматриваются следующие разновидности подлогов документов:

- подлог как способ совершения другого преступления;
- подлог как самостоятельное преступление;
- подлог как альтернативное действие другого состава преступления.

Таким образом, фиктивным документом является вымышленный документ, изготовленный по образцам подлинных документов. Подложный документ – фальшивый документ, изготовленный с соблюдением установленной формы. Подложным документом также может быть подлинный документ с частично измененными реквизитами.

Литература

1. План счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организации и инструкция по его применению. Утвержден приказом Минфина РФ № 94н от 31.10.2000.
2. Алибеков Ш.И. Судебно-бухгалтерская экспертиза. – Юстицинформ, 2006. – С. 29.
3. Бехтерева Е.В. Документы в бухгалтерском учете, их значение и классификация. Горячая линия бухгалтера. – 2007.
4. Багурин Д.Г., Касимов А.Х. Доказательства в налоговом процессе // Вестник Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа. – № 4. – 2004.
5. Шаяхметова Э.Ф. Понятие «подлог документов» // Вестник ТИСБИ. – 2004. – № 3.
6. Щиголев Ю.В. Понятие и основные элементы подлога документов // Правоведение. – 1998. – № 1.

Алибеков Шахизин Ильмутдинович, доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика и бухгалтерский учет» Кизлярского филиала ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет».

Alibekov Shakhizin Ilmutdinovich, doctor of economic sciences, professor, department of «Economics and accounting», Kizlyar Branch of St. Petersburg State University of Economics.

УДК 33 (571.54)

© Н.М. Залуцкая

Роль маркетинга в идентификации территории

Изложена необходимость применения маркетинговых подходов в управлении территорией. На примере г. Улан-Удэ рассмотрены возможности применения маркетинга в идентификации городов в общемировом масштабе на фоне усиления влияния процессов глобализации.

Ключевые слова: маркетинг, управление, территория, идентификация.

N.M. Zalutskaya

The role of marketing in the identification of territory

A need of application of marketing approaches in the territory management has been set out. On the example of Ulan-Ude the opportunities of application of marketing in the identification of cities have been considered on the background of strengthening at a worldwide scale the influence of globalization processes.

Keywords: marketing, management, territory, identification.

В современном мире в условиях обостряющегося соперничества за ресурсы повышение конкурентоспособности отдельных территорий и государства в целом возможно только при совершенствовании методологии и коренном «обновлении» философии территориального управления. Интенсивно развивающийся рынок, усиление фактора состязательности требуют активнее внедрять маркетинговые подходы в процесс деятельности органов власти всех уровней. Применение территориального маркетинга нацеливает субъект управления организовать управление объектом таким образом, чтобы добиться потребительского предпочтения данной территории. Это предпочтение будет выражаться в развитии имеющихся и появлении на территории новых человеческих, финансовых и материальных ресурсов. Реализация территориального маркетинга способствует повышению привлекательности территории как места постоянного проживания, временного пребывания, осуществления бизнеса.

Маркетинг территории – это маркетинг в интересах территории, ее внутренних субъектов, а также тех внешних субъектов, во внимании которых заинтересована территория [5]. Методы и инструменты маркетинга могут быть с успехом применены и при коммерциализации потенциала территорий, чтобы их профилировать и сделать конкурентоспособными, подобно товару.

Отметим, что в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. [8] в качестве самостоятельного направления предполагается разработка рекламно-информационной и имиджевой политики территории в контексте развития туризма и других базовых отраслей экономики Дальнего Востока и

Байкальского региона. Таким образом, в данном правительственном документе отмечена особая роль маркетинга в развитии территории.

Повышение интереса в области туризма к Дальнему Востоку и Байкальскому региону на международном и внутреннем туристических рынках будет осуществляться посредством создания и развития информационного банка курортных территорий, формирования брендов туристических продуктов с четким определением адресатов маркетинговой политики. Поэтому, безусловно, особого внимания требует целенаправленное позиционирование оз. Байкал, Республики Бурятия и ее столицы – г. Улан-Удэ, а также отдельных муниципальных образований республики как центров экологического туризма и эксклюзивного активного отдыха.

Особенно возрастает внимание общественности к городам в ходе усиливающейся урбанизации. Города в последнее время становятся «городами-предпринимателями», которые активно распоряжаются своими ресурсами для повышения конкурентоспособности во всех сферах деятельности.

Относительно городского маркетинга возникает проблема идентификации городов в общемировом масштабе на фоне увеличения влияния процессов глобализации. Территория – это своего рода специфический товар, который воспринимается определенным образом его настоящими и потенциальными потребителями. Сложившийся образ в сознании потребителей, ассоциации и ощущения, возникающие в процессе реального либо виртуального «общения» с городом, позволяют идентифицировать, т.е. распознать его среди множества различных городов. Это связано с выделением особенных, уникальных черт и различий, присущих лишь данной территории. Идентификация может выражаться следующим набором ключевых компетенций:

- способность производить товары и услуги в сфере материального производства на уровне высших мировых стандартов;
- способность создавать и продавать новые знания, новые технологии, наукоёмкие производства и услуги;
- эффективное управление городом как единой системой, нацеленное на достижение общих целей ведущих групп влияния;
- сотрудничество, т.е. способность эффективно выявлять и согласовывать интересы различных групп влияния, стратегических партнеров и на этой основе формулировать общие цели и стратегии их достижения;
- жизнеобеспечение, т.е. способность создавать среду обитания, удовлетворяющую и превосходящую ожидания представителей ведущих групп по совокупности важных для них аспектов качества жизни.

Отметим, что в отличие от товара, территории не мобильны, практически неоценимы, имеют различное применение. Одной из задач территориального маркетинга является создание и проектирование нужного образа территории посредством передачи и распространения маркетинговой

информации через различные коммуникационные каналы с целью расширить осведомленность о территории в среде потенциальных потребителей.

В большом массиве информации о городах существует несколько слов, каждый из которых имеет свою специфику. Наряду с данными СМИ, статистическими материалами, индексами и рейтингами, отметим индикаторы. Индикаторы состояния городов – это комплексные показатели, которые характеризуют такие проблемы, как доступность жилья, развитие инфраструктуры, возможность пользования различными услугами, уровень безопасности в городах, степень загрязненности окружающей среды и др.

Рассмотрим возможности применения маркетинговых подходов на примере г. Улан-Удэ на данном этапе развития. Перспективы развития города можно рассмотреть на трех уровнях рынка – международном, макрорегиональном и региональном. Такой подход объясняется несколькими фундаментальными особенностями состояния и положения города.

Международный контекст:

1. Город является столицей Республики Бурятия, расположенной в узловой точке территориальных и экономических интересов Сибири, Дальнего Востока и Северо-Восточной Азии.

2. Улан-Удэ пересекает Транссиб, открывающий доступ из европейской части континента к интенсивно развивающемуся Китаю через Монголию.

3. Удобное географическое положение и благоприятные климатические условия позволяют ставить вопрос о создании в Улан-Удэ международного пассажирского терминала – азиатских воздушных ворот России.

4. Территориальная близость с Монголией делает город местом российско-монгольского социокультурного и экономического сотрудничества.

5. С учетом потенциала развития туризма город выступает центром культурного обмена и взаимного влияния.

6. Являясь крупным «перекрестком» российских и международных дорог, город может стать перспективной площадкой для международной выставочной деятельности, технологического, инновационного, информационного, культурного обмена и сотрудничества.

Макрорегиональный контекст:

1. Улан-Удэ является столицей региона России, входящего в Байкальский регион, образованный тремя субъектами РФ: Республикой Бурятия, Иркутской областью и Забайкальским краем.

Региональный контекст:

1. Город является сегодня единственным «центром роста» региона, на который приходится более 50% всех экономических ресурсов (не считая

минерально-сырьевых). По ряду позиций уровень концентрации ресурсов в Улан-Удэ достигает 90% общереспубликанских.

2. Город является административным и культурным центром национальной республики, обладая высоким уровнем культурно-образовательной среды и объектами, потенциально привлекательными для развития туризма.

3. Город Улан-Удэ – место концентрации промышленности, обслуживающей коммуникационно-транспортный и туристско-рекреационный кластеры, которые являются для Бурятии перспективными, приоритетными.

В ходе стратегического планирования развития города уже на этапе постановки целей развития идентификации формулируется его миссия, где отражается главная цель сообщества. Миссия города провозглашена в Стратегии социально-экономического развития: «... Улан-Удэ – современный многофункциональный деловой и культурный центр с элементами мирового города, интегрированный в глобальную экономику, встроенный в новейшие инновационные национальные и региональные процессы и создающий комфортную среду для обитания его жителей, обеспечивающую высокое качество жизни населения с опорой на комплекс инновационно-технологических производств, коммуникационно-транспортные узлы и сервисы, индустрию туризма ...» [7].

В практике маркетинга одним из методов идентификации территории является анализ сильных и слабых сторон города, анализ возможностей и рисков (угроз) данной территории – SWOT-анализ. В табл. 1 и 2 представлены результаты анализа [1].

Таблица 1

Характеристика сильных и слабых сторон г. Улан-Удэ

Фактор	Сильные стороны	Слабые стороны
Географическое положение, позиционирование в пространстве и транспортная инфраструктура	1. Благоприятное ЭГП города, с точки зрения транзитных возможностей. 2. Наличие транзитных транспортных путей общенационального и международного значения, проходящих через территорию города. 3. Местонахождение города на перекрестке торговых путей Востока и Запада (город потенциально является его «точкой схода и развития»).	1. Неудовлетворительное состояние дорог общего пользования: дорожная сеть имеет высокую степень изношенности. 2. Маршрутная сеть имеет ряд недостатков, основной из которых – наложение маршрутов. Невысокая безопасность движения. Невысокое качество и культура обслуживания пассажиров. 3. Экологические ограничения, связанные с близостью расположения оз. Байкал.

Фактор	Сильные стороны	Слабые стороны
Население, рынок труда	<ol style="list-style-type: none"> 1. Комфортный этносоциальный климат на территории города; низкая конфликтность. 2. Наличие свободной рабочей силы. 3. Относительно высокий образовательный уровень. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. «Старение» населения города, возрастание демографической нагрузки на трудоспособное население. 2. Существенная доля населения с доходами ниже прожиточного минимума ($\approx 30\%$ при среднероссийском показателе 17,8%). 3. Структурная безработица. 4. Миграционный отток трудоспособного населения.
Экономический потенциал	<ol style="list-style-type: none"> 1. Наличие «пакета» крупных промышленных предприятий с элементами высокотехнологичных производств. 2. Относительно высокий потенциал вузовской науки. 3. Формирование инфраструктуры поддержки предпринимательства. 4. Заметные тенденции повышения эффективности в сфере бюджетной политики. 5. «Транзитные возможности» национального и международного масштаба. 6. Устойчивые торговые связи с Монголией и Китаем. Высокий потенциал для создания совместных предприятий и реализации международных проектов. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Высокая стоимость энергоресурсов. 2. Незрелость логистической инфраструктуры. 3. Незрелость инфраструктуры инновационной деятельности, слабая связь науки и производства, недофинансирование прикладной науки. 4. Преобладание производств с низкой энергоэффективностью. 5. Низкий уровень развития финансово-кредитной системы. 6. Низкая платежеспособность населения, малая емкость внутреннего рынка. 7. Высокая доля убыточных предприятий. 8. Низкая доля малого бизнеса в валовом региональном продукте.
Социально-культурная сфера	<ol style="list-style-type: none"> 1. Потенциально сильный кластер строительства, строительных материалов. 2. Относительно высокая плотность телекоммуникационных сетей. 3. Высокий потенциал памятников культурно-исторического наследия. 4. Представленность всех мировых религий. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Высокая доля ветхого жилья. 2. Отсутствие эффективного земельного рынка. 3. Неэффективное использование памятников и ландшафтов культурно-исторического наследия в хозяйственном и туристическом обороте.

Таблица 2

Характеристика рисков и возможностей г. Улан-Удэ

Угрозы (риски)	Возможности
- Жесткая конкуренция на мировых рынках сырья и технологий, обуславливающая трудности выхода с продукцией местных предприятий на региональный и национальный рынок. - Ускоренное экономическое развитие стран СВА, оптимальная налоговая и производственная политика на сопредельной территории (Монголия) и финансовая активность соседних регионов.	- Стабильность экономического роста России, политическая стабильность в государстве.
- Конъюнктурный спад спроса на продукцию местного производства.	- Развитие процессов сотрудничества в рамках СФО и в Байкальском регионе.
- Опережающая модернизация транспортной инфраструктуры Китая, Монголии, с созданием альтернативных транспортных коридоров на юге, в обход российских границ.	- Появление совместных инфраструктурных, пространственных и технологических проектов в сфере сотрудничества России, Монголии и Китая.
- Низкая инновационная активность. Значительная конкуренция со стороны Иркутска.	- Активизация развития частной инициативы, малого и среднего бизнеса.
- Быстро растущая конкуренция в сфере туризма со стороны территорий-соседей (которые похожи по своим природным характеристикам курортно-туристических зон).	- Расширение российского рынка туристических услуг, включая национальное и международное позиционирование бренда «Байкал».

Следующим маркетинговым методом, используемым в процессе идентификации территории, выступает ее позиционирование. В ходе позиционирования определяется положение (в том числе в сравнении с городами – основными конкурентами), в котором город находится сейчас, а также (и это не менее важно) то положение (также в сравнении с конкурентами), в котором город планирует оказаться в будущем.

Позиционирование Улан-Удэ осуществляется следующим образом:

– обозначается уникальное место города в трансрегиональном экономическом и культурно-образовательном сотрудничестве и формируются устойчивые сети соответствующих связей города и внешней среды;

– создаются различные коммуникационные площадки и организуются крупные мероприятия (фестивали, выставки-ярмарки, конференции и т.д.) для привлечения российских и зарубежных партнеров;

– создаются механизмы и проекты, направленные на комплексное развитие территории и человеческого потенциала г. Улан-Удэ.

Одним из инструментов позиционирования города является создание соответствующего имиджа. Маркетинг имиджа – одна из стратегий территориального маркетинга – целенаправленная деятельность по созданию, поддержанию и позитивному изменению имиджа города. Словесные характеристики, описывающие как современное состояние имиджа, так и тенденции его изменения, можно проследить из высказываний различного рода общественных деятелей, реклам туристических агентств, публикаций СМИ.

Имидж города, как и другой территории, может быть не только охарактеризован словесно, но и измерен количественно. Для этого используются, как правило, социологические методы исследования. После выбора целевых групп потенциальных потребителей территорий среди их представителей проводится оценка степени знаковости, популярности, выявляются наиболее значимые критерии сопоставления мест, а затем проводится собственно сравнительная оценка конкурирующих территорий.

Маркетинг достопримечательностей, развлечений дополняет маркетинг имиджа. Территория использует при этом либо естественные достопримечательности (набережные рек, озёра, горы), либо историческое наследие (музеи, храмы, памятники архитектуры, священные места), либо известных личностей (писателей, художников, артистов, композиторов и др.), либо объекты культуры и отдыха (стадионы, культурные и торговые центры, парки). Очевидно, что в этом смысле Улан-Удэ обладает огромнейшим потенциалом.

Маркетинг инфраструктуры служит важнейшим (в долгосрочном плане наиболее стабилизирующим) элементом маркетинга города, поскольку сама инфраструктура выступает его фундаментом. Несмотря на то, что работы по развитию инфраструктуры города Улан-Удэ ведутся, все-таки до высокого, конкурентоспособного уровня городу пока далеко.

Несомненно, в данное время реальный вклад (!) в процесс идентификации и позиционирования территорий вносит национальный всероссийский проект «Город России – национальный выбор-2012», проводимый в формате интернет-голосования. Отрадно, что г. Улан-Удэ устойчиво занимает пятую позицию в рейтинге из числа 81 участника [10].

Итак, осмысление необходимости маркетинга территорий приходит разными путями, по разным основаниям. На одних территориях сталкиваются с факторами снижения их притягательности для туристов, инвесторов и других лиц, способных придать региону новые силы, влить в него «новую кровь». В других местах возникает озабоченность в связи с оттоком финансовых, трудовых и других ресурсов из региона. Наконец, часто встречается проблема: как обеспечить привлекательность региональных товаров внутри территории и в то же время сделать более выгодным их экспорт за пределы региона. Для Улан-Удэ осмысление необходимости маркетинга территории пришло, как представляется, вместе с

осмыслением массы проблем, нерешенных менеджментом территории. Это и отток ресурсов развития (кадров и инвестиций) из региона, и жилищные проблемы, и слабая инфраструктура и т.д.

Таким образом, на фоне тенденции усиления конкурентной борьбы между территориями повысилась необходимость задействовать факторы, формирующие положительный образ города в сознании потребителей. Сила эмоционального восприятия должна поддерживаться ассоциациями и ощущениями, возникающими в процессе реального либо виртуального «общения» с городом. Эти ассоциации определяют сущность территории в глазах потребителей и позволяют ее идентифицировать среди множества других территорий, а также вызвать и закрепить потребительское предпочтение.

Литература

1. Бадлуева М.П., Франк А.И., Залуцкая Н.М. Роль маркетинга в идентификации города Улан-Удэ // *Экономико-демографическое развитие Сибири и Дальнего Востока: прошлое, настоящее, будущее: материалы всерос. науч.-практ. конф.* (г. Улан-Удэ, 25 ноября 2010 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – Ч.2. – 168 с.
2. Жердева О.В. Роль маркетинга в идентификации территорий // *Маркетинг в России и за рубежом.* – 2006. – № 2. URL: <http://www.mavriz.ru/articles/2006/2/4071.html>
3. Залуцкая Г.М., Залуцкая Н.М. Маркетинг в управлении развитием города // *Научно-технические проблемы транспорта, промышленности и образования: труды всерос. науч.-практ. конф.* (г. Хабаровск, 21-23 апреля 2010 г.). – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2010. – Т. 4. – 375 с.
4. Николаева Н.А. Конкурентоспособность города: взгляд зарубежных ученых // *Маркетинг в России и за рубежом.* – 2001. – № 6(26). – С. 69-76.
5. Панкрухин А.П. Муниципальное управление: маркетинг территорий. – М.: Логос, 2002.
6. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий: учеб. пособие. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – 328 с.
7. Стратегия социально-экономического развития г. Улан-Удэ до 2027 г.
8. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р.
9. Улан-Удэ должен стать брендом // *Деловой мир Бурятии.* – №13 (51), 31 марта, 2008. – С. 4.
10. Национальный Всероссийский проект «Город России – национальный выбор-2012». – URL: <http://город-россии.рф> / У. Айзард. Некоторые исследования в области регионального развития и сотрудничества и некоторые вопросы региональной науки, не имеющие ответов // *Региональное развитие и сотрудничество.* 1998. Вып. 1-2. – С. 61.

Залуцкая Наталья Михайловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Бурятского государственного университета, 670000, Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 5.

Zalutskaya Natalya Mikhailovna, candidate of economic sciences, associate professor, department of economics, Buryat State University. Ulan-Ude, Ranzhurova str., 5.

УДК 330.1

© Е.Б. Дондокова, Я.Б. Дармаева

Теоретические аспекты определения бедности в экономической науке

В статье представлены основные подходы к определению явления бедности в экономической науке, рассмотрены преимущества и недостатки этих концепций.

Ключевые слова: бедность, абсолютная бедность, относительная бедность, прожиточный минимум.

E.B. Dondokova, Ya.B. Darmaeva

Theoretical aspects of studying poverty in economics

In the article the principal approaches to the definition of poverty in economics are given, advantages and disadvantages of these conceptions have been considered.

Keywords: poverty, absolute poverty, relative poverty, the subsistence minimum.

В современных условиях развития российского общества бедность остается одной из актуальнейших проблем. Сегодня за чертой бедности осталась значительная часть населения: работающие граждане, чья заработная плата ниже прожиточного минимума, пенсионеры, инвалиды, студенты, многодетные и неполные семьи, беженцы и переселенцы, безнадзорные дети.

Проблема бедности широко обсуждается в научных кругах, она всегда была в центре внимания экономистов, политологов, социологов и философов. Ученые едины во мнении о необходимости комплексного изучения этого социального явления, т. к. к нему сводятся многие другие проблемы. И.П. Цимбалов отмечает, что «с бедностью напрямую связаны вопросы демографии, занятости населения, безработицы; бедность оказывает самое непосредственное влияние на здоровье населения, уровень образования и культуры граждан, их воспитание, социализацию и нравственность, она – один из тормозов развития науки. Бедность способствует дегуманизации человеческих отношений, росту преступности и терроризма, ведет к понижению уровня и качества жизни. Она специфически воздействует на политические отношения, реализацию государственной политики на всех уровнях, явно тормозит становление гражданского общества в России» [6].

Многие ученые отмечают устойчивую связь проблемы бедности с другими рисками в условиях глобализации мирового сообщества. Растущие озабоченность и тревога, которые вызывает проблема бедности в мире, объясняются в первую очередь тем, что в своем нынешнем виде глобализация, придающая миру небывалую целостность, не уничтожает и не сглаживает его внутреннюю противоречивость. Наоборот, она ее усиливает и обостряет. В результате крепнущая взаимозависимость оборачивается возрастающей взаимоуязвимостью.

Главная опасность раскола мира на зоны благосостояния и нищеты заключается в том, что в условиях глобальных трансформаций закрепляется связь бедности с другими глобальными угрозами и рисками – нелегальной миграцией, международным терроризмом, ростом транснациональной преступности. Проблема бедности усугубляется развитием демографических процессов, ухудшением среды обитания в результате климатических изменений [4].

В связи с этим возникает острая необходимость всестороннего системного научного исследования бедности.

Традиционно в научном понимании бедность – это такое состояние человека, когда по причине малого дохода он не может удовлетворить свои основные потребности в пище, одежде, жилье и услугах. К категории бедных относят тех, чей доход ниже прожиточного минимума, определяемый законом, т. е. бедность преимущественно рассматривается как экономическая категория.

В экономической науке концепция бедности характеризуется тенденцией к изменению со временем. Разные люди и общественные институты могут понимать ее по-разному. Спорная и политически чувствительная трактовка того, что называть бедностью, оказывает влияние на развитие соответствующих научных исследований [5, 43]. Однако несмотря на все их разнообразие, можно выделить два основных направления экономической мысли: во-первых, многие видели причину бедности в естественных условиях существования человечества; во-вторых, причиной бедности назывались пороки той общественной системы, которая порождает это социально-экономическое явление.

Первая точка зрения наиболее полно была выражена Т. Мальтусом. Он считал, что бедность – неизбежный результат несоответствия между ростом населения и уменьшающимися запасами средств для его существования, прежде всего продовольствия. По мнению Т. Мальтуса, народонаселение растет в геометрической прогрессии, а средства к существованию – только в арифметической. Отсюда – бедность, нищета, социальные конфликты. Такой вывод Мальтус основывал на статистических данных того времени, когда ни промышленность, ни сельское хозяйство не обладали теми возможностями выпуска продукции, которыми они располагают сейчас. Сегодня возможности экономики и сама жизнь опровергают

мнение Мальтуса. Однако выдвинутая им проблема важна с точки зрения регулирования народонаселения, контроля над рождаемостью, которое сейчас пытаются осуществить некоторые страны (Китай, Индия, ряд стран Африки) [3, 174].

Другая точка зрения принадлежит К. Марксу. Он полагал, что нищета и бедность – порождения капиталистического общества, ориентированного на получение максимальной прибыли, а не на повышение благосостояния трудящихся. Маркс утверждал, что со временем процесс обнищания усилится: бедные будут становиться беднее, а богатые – богаче. Однако на сегодняшний день этот прогноз не оправдался. Капиталисты сделали необходимые выводы и часть своих прибылей направляют на улучшение положения трудящихся, пенсионное обеспечение, другие социальные нужды. Это делается не только и не столько из гуманных соображений, а по чисто экономическим причинам. Обеспечение приемлемых условий жизни работников повышает их отдачу, производительность их труда в условиях научно-технической революции [3, 178].

В настоящее время можно выделить два основных подхода к определению бедности. Один из них – исторически более ранний – основан на определении бедности как абсолютной категории. Официальное определение бедности предполагает расчет минимальных по стоимости благ, позволяющих индивиду выжить. Уровень бедности определяется здесь некоторым объемом благ, обеспечивающим минимальные стандарты жизнедеятельности. Определяется этот набор путем экспертной оценки основных биологических (физических) потребностей людей разного пола, возраста и характера жизнедеятельности с учетом, в первую очередь, тяжести и интенсивности труда. Концепция абсолютной бедности базируется на втором законе Энгеля – зависимости доли потребления продуктов питания от уровня доходов семьи. Энгель, отмечая постепенное снижение относительной доли расходов на питание в бюджете по мере его роста, пришел к выводу, что чем беднее семья, тем большая доля всех расходов должна быть выделена на приобретение продуктов питания; по мере же повышения доходов семьи удельный вес затрат на питание сокращается, доля расходов на квартиру, свет, одежду почти не меняется, а удельный вес «прочих» расходов повышается. В рамках указанного подхода к проблеме бедности существует возможность ее устранения путем различных выплат семьям (индивидам), чьи доходы ниже биологического (физического) минимума. При этом реалистичность решения данной проблемы зависит от того, сколько средств выделяет государство для преодоления бедности и насколько жестко определен данный физический минимум [1, 73].

Однако названный подход имеет и несколько существенных недостатков. Во-первых, величина минимального потребительского набора значительно различается среди отдельных бедных слоев населения. Во-вторых,

при расчете минимального набора необходимо учитывать не только продовольственные, но и промышленные товары и услуги. А определиться с непищевыми потребительскими наборами гораздо сложнее. В-третьих, придание индивиду (семье) статуса бедного только на основании удельного веса его расходов на питание может быть ошибочным из-за различий населения во вкусах и стиле жизни.

Еще один подход к определению бедности получил развитие в послевоенный период. Он опирается на сам факт неравного распределения доходов в обществе. Альтернативное определение бедности исходит из того, что в понятие качества жизни входит не только представление об уровне питания, здравоохранения и жилищных условий, достаточных для физического выживания, но также необходимость для человека не испытывать моральных страданий в результате низкого доходного статуса. Некоторые семьи не бедны в абсолютных понятиях и в состоянии обеспечить себя на уровне минимального потребительского набора и даже выше, но они страдают с моральной точки зрения, т. к. их доход значительно ниже медианного. В рамках относительной концепции бедности величина минимального потребительского набора должна определяться достигнутым в обществе благосостоянием и периодически пересматриваться вслед за ростом средних доходов. Для этого анализируются дифференциация доходов и потребления в разных социально-экономических слоях, фактические данные об уровне жизни семей с разными по величине доходами. В мировой практике величина относительной бедности устанавливается на уровне жизни в два раза меньшем, чем величина доходов средней семьи. В рамках этой теории очевидно, что бедность возможна и в том случае, когда человек может обеспечить себя минимальным потребительским набором, жилищем и пр.

Существенным недостатком относительного подхода к определению бедности является то, что ее определение подобным образом сводит на нет любые способы борьбы с нею. В этом случае бедность будет существовать всегда, т. к. всегда определенные слои населения будут получать доходы ниже средних. Проблема бедности в рамках этого подхода может быть решена только при абсолютно равномерном распределении доходов. Относительное понимание бедности делает задачу ее устранения неразрешимой в принципе, во всяком случае до тех пор, пока в обществе активно существует дифференциация доходов.

Оба рассмотренных подхода имеют свои преимущества и недостатки. В научных кругах продолжается дискуссия о способах определения и измерения бедности. Однако в большинстве стран мира используется подход к определению бедности, разработанный в 1960-х гг. М. Оршански, который сочетает в себе элементы абсолютной и относительной теории бедности [1, 84]. В рамках вышеназванного подхода потребительский набор определяется как минимальный по стоимости набор продуктов пита-

ния, удовлетворяющий основные биологические потребности людей в питании. Здесь же учитываются и расходы, связанные с удовлетворением всех остальных потребностей человека. Величина этих расходов определяется с учетом реального потребительского поведения семей в зависимости от их доходов и цен на товары и услуги. Метод Оршански отражает относительный подход к проблеме бедности, если при определении официальной величины прожиточного минимума доля расходов на питание пересматривается в сторону уменьшения, когда это уменьшение наблюдается в средних характеристиках структуры потребления. Вышеназванный метод отражает абсолютный подход к проблеме бедности, если при определении официальной величины прожиточного минимума доля расходов на питание не зависит от тенденций в благосостоянии общества и остается неизменной с течением времени.

Абсолютный и относительный подходы к проблеме бедности основываются на принципиально разных методологических положениях. В действительности бедность как таковая не может трактоваться в рамках только одного или только другого подхода. Наиболее верный вариант лежит на пути слияния этих двух направлений. В результате сегодня прожиточный минимум представляет собой не только биологический набор средств существования, включающий предметы первой необходимости, но и учитывает некоторый уровень социальных благ и услуг.

Сама бедность в мировой науке и социальной практике измеряется с помощью прожиточного минимума, который выражается в двух видах: социальном и жизненном (физиологическом). Физиологический минимум рассчитан на удовлетворение только главных физических (биологических) потребностей человека и основных услуг и представляет собой материальное или стоимостное выражение материальных ценностей, соответствующих уровню этого минимума. Социальный минимум, помимо минимальных норм удовлетворения физических потребностей, включает затраты на минимальные духовные и социальные запросы. Он представляет собой совокупность материальных благ и услуг, выраженных в стоимостной форме и предназначенных для удовлетворения потребностей, которые общество признает необходимыми для сохранения приемлемого уровня жизни. Что же касается социального минимума, то он непосредственно связан с изменением текущих экономических и социальных условий.

Как уже отмечалось выше, в экономической науке концепция бедности характеризуется тенденцией к изменению со временем. Ярким примером может служить феномен российской бедности. В конце XX в. российские ученые стали различать два вида бедности: 1) традиционную бедность; 2) «новых бедных».

Примерами традиционной бедности могут быть одинокие матери, многодетные семьи, инвалиды и престарелые. В группу новых бедных

вошли слои населения, которые по своему образованию и квалификации, социальному статусу и демографическому положению никогда ранее не относились к низшим слоям. Основную массу «новых бедных» составляют бюджетники – служащие и рабочие, занятые в государственном секторе (научные работники, преподаватели высшей школы, офицеры). Падение вниз обусловлено небольшой зарплатой на государственных предприятиях, полной безработицей и частичной занятостью. Таким образом, если к традиционным бедным относятся те, кто и в советском обществе считался бедными, то к новым бедным – те, кто ранее принадлежал к благополучным средним слоям, а в постсоветском обществе обеднел. Различие между старыми и новыми бедными в российском обществе носит принципиальный характер. Старые бедные не имеют того, что составляет социальный, культурный и экономический фундамент новых бедных – интеллектуальный капитал, основой которого выступает высшее и среднее специальное образование. Хорошее образование в цивилизованном и стабильном обществе – это мощный социальный лифт, помогающий людям подняться по социальной лестнице и получать высокие и относительно высокие доходы. В переходном обществе, когда происходит коренное изменение экономической и социальной структуры, смена политических режимов, образование не может оплачиваться достаточно высоко, поскольку подавляющая часть образованного населения в России трудится в госсекторе, который финансируется по остаточному принципу. Другая отличительная черта новых бедных в том, что субкультура бедности, нормы жизни на «социальном дне», психология отчаяния не передается по наследству. Они делают всё, чтобы дать своим детям наилучшее из доступного им образование, воспитывают у них достигательную мотивацию, передают традиции и ценности российской интеллигенции. Это характерная черта только российского общества. Ни в одной стране мира бедные, во-первых, не расколота на старых и новых, во-вторых, старые новые неспособны, при изменении ситуации, совершить быструю восходящую мобильность и в сроки занять место в среднем классе.

Границы понятия бедности так варьируются, что определение, кто беден и кто нет, очень сложная операция – как с теоретической, так и с эмпирической точек зрения. В повседневной действительности бедность означает недостаток необходимых ресурсов, состояние крайних экономических трудностей, состояние, в котором имеющиеся в наличии ресурсы так малы, что они не позволяют удовлетворять первичные потребности для выживания, принимать участие в повседневной жизни общества.

Литература

1. Алле М. Условия эффективности в экономике. – М.: Наука для общества, 1998. – 254 с.

2. Абрамов С.А., Удох К.Е. Бедность как глобальная проблема современности // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. Серия «Инновационная экономика: человеческое измерение». – 2012. – № 4. – С. 30-34.
3. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: Дело Лтд, 1994. – 351 с.
4. Иванов Н.П., Гоффе Н.М., Монусова Г.А. Не только на дне // Независимая газета. – URL:http://www.ng.ru/scenario/2010-11-23/12_dno.html
5. Локшин М. Использование научного метода в российских исследованиях в области бедности // Вопросы экономики. – 2008. – №6. – С. 43-48.
6. Цимбалов И.П. Бедность как проблема социально-экономического развития современного российского общества: социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Саратов, 2007.

Дондокова Елена Буянтуевна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Общая экономическая теория и регионоведение» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления.

Дармаева Янжима Борисовна, магистрант кафедры экономики Бурятского государственного университета. E-mail: Yang73@mail.ru

Dondokova Elena Buyantuyevna, doctor of economic sciences, professor, head of the department of general economic theory and region studies, East-Siberian State University of Technology and Management.

Darmaeva Yanzhima Borisovna, graduate student, department of economics, Buryat State University. E-mail: Yang73@mail.ru

УДК 33:005

© Б.Д. Сандитов, А.В. Мантатова

Экономические науки об имитационном поведении: имитационные стратегии в теории организаций

В статье рассмотрены теория и практика имитации и социального обучения в экономическом контексте. Рассмотрены классическая и современная литература в области экономики и управления наукой, которая объясняет происхождение имитации и ее влияние на коллективную экономическую динамику.

Ключевые слова: экономика, управление, имитационное поведение, теория организации, экономическая динамика.

B.D. Sanditov, A.V. Mantatova

Imitative behavior in economics and management: imitation strategy in the theory of organizations

In this paper the theory and practice of imitation and social learning have been considered in economic context. We survey classic and modern literature in the field of economics and management of science that explains origin of imitation and its effect on collective economic dynamics.

Keywords: *economy, management, imitative behavior, organization theory, economic dynamics.*

1. Introduction

There is a wide range of economic contexts where herding attributed to imitation of the behavior of the others, plays crucial role: in financial markets, herding contributes to both growth and consequent burst of the investment bubble; in industrial dynamics, firms' desire to imitate strategies of most successful competitors may lead to excessive crowding in certain segments of markets; in R&D, imitation alongside innovation is the driver of technical change and long-run economic growth, to mention only a few. Of course, imitation and social learning (learning from observing behavior of the others) are not confined to economic domain.

In the preface to his volume on "Extraordinary Popular Delusions and the Madness of Crowds" published in 1841 Charles MacKay wrote:

In reading history of nations, we find that, ... whole communities suddenly fix their minds upon one object, and go mad in its pursuit; that millions of people become simultaneously impressed with one delusion, and run after it, till their attention is caught by some new folly more captivating than the first. ... Men, it has been said, think in herds; it will be seen that they go mad in herds, while they only recover their senses slowly and one by one.

(MacKay 1995)

These words are as true today as they were 150 years ago. To say more, as in the course of the last centuries the world has become more connected, and frenzies, fads and fashions are getting global, perhaps these words are even more relevant today than ever before.

The major reason the history of the mankind is so abundant with the stories about "madness of crowds" so well documented by Mackay is rooted in the social character of our being. Social interactions shape our way of thinking, expectations, judgements and, ultimately, our behaviour. It is so natural that most of the time it goes unnoticed, but under certain conditions the social component reveals itself so openly that it cannot be ignored. Particular feature that allows frenzies to unfold is human readiness and ability to copy behaviour of others. Social nature and constitutional bias towards imitation govern crowds.

The importance of imitation, however, goes far beyond the phenomenon of fads and fashions; some might argue that the very survival of our species is due to our special gift for copying the behaviour of others. Because of its importance, imitation has been studied intensively. The literature on imitation is as vast as it is diverse – it spreads throughout different disciplines: biology, anthropology, psychology, sociology. Economics and management science are no exceptions.

In this paper we survey the literature in economics and management theory on imitation and social learning. Because of the vast body of research carried out in the field we do not attempt to cover it all, but rather review a selection of papers close to our own research interests. The rest of the paper is structured as follows. In the next section we survey management literature on imitation.

2. Management and organization theory on imitation

From the perspective of evolutionary biology ability to imitate is an essential factor for species survival, as it provides an efficient channel through which experience can be transmitted from one individual to another. For many species imitation is a tool for adaptation to their environment and, ultimately, for survival in the course of natural selection. The pressure on natural selection guarantees that only beneficial behavioural traits essential for survival will dominate in the long run. Therefore to some degree our natural inclinations and abilities to imitate are ‘hard-wired’ in us, if not genetically then culturally.

Imitation occurs not only on the level of individuals; imitation is also an important element of group behavior, as selection process works not only on the level of individuals. Selection also operates on the level of groups of individuals, such as colonies, families, or, in an economic context, firms. This kind of perspective has been taken up by organization theory. In this section we focus on organization theory perspective of imitation, as at the moment the most systematic analysis of economic aspects of imitation has been done within this field.

Organization theory recounts that a firm is “an *adaptively rational* system rather than an *omnisciently rational* system” (Cyert and March 1963). It assumes that a firm's operations follow some standard operational procedures, in that a member of an economic organization (and, in fact, any organization) performs her functions according to “task performance rules” (Cyert and March 1963) or “routines” (Nelson and Winter 1982). These rules are “behavioural traits” of organizations and their role in the process of economic selection is similar to the role genes play in natural selection. The importance of imitation stems from its function in the mechanism of transmission and multiplication of routines within and between organizations.

2.1 Intra-organizational learning

Organization theory asserts that task-performing rules have an evolutionary origin; they arise in the process of boundedly rational search: through a process of trial-and-error members of an organization develop some heuristics to deal with particular kinds of problems they face in their position in that organization. However, would the process of organizational learning stop there, it would be rather unfortunate for at least two reasons.

First, since the rules are derived from experience rather than from “first principles” (e.g. profit maximization) without institutionalized transmission of rules within units of the organization, any rotation of personnel would result in partial or complete loss of organizational memory. It would imply that as

personnel changes, everyday routines would have to be reinvented over and over again. As Cyert and March (1963) put it:

Consider a new employee in an organization who is given the simple instruction, "Set price so as to maximize profit." If such an employee lasted long enough in the organization – and the organization lasted long enough – some ways for handling the pricing problem that were reasonably satisfactory would eventually be developed. But presumably prior employees have dealt with the same problem and developed some procedures. The organization's rules permit the transfer of past learning.

(Cyert and March 1963, p.104)

A new employee does not have to solve some formal optimization problem or go through the process of trial-and-error to figure out how to perform his functions, instead relevant rules can be learned from observing the work of her colleagues.

Second, a routine developed in a particular organizational unit as a response to a specific task might happen to have more general applicability than the task itself, and if shared with other units, it could potentially be beneficial to the organization as a whole. For example, this might be the case when an organization has to respond to systemic changes in the environment, and the same kind of changes has to be dealt with by different units. Efficient institutionalised transmission of ideas between units of an organization would ensure that some general procedure will be developed and shared; otherwise valuable resources will be wasted on duplicate efforts.

The importance of sharing of experience within organizations is well recognized in practice

Even if you have developed a high-caliber system of innovation, you will still not have institutional learning until you develop the ability to "flock". [...] Some managers see conventional training and development as merely an opportunity to acquire some new skills. However, ... training and development becomes a powerful vehicle for institutionalizing learning. [...] The flocking is intensive; course attendees nearly always tell you afterwards, "It is not so much what I learned in the official sessions, but what I picked up from my colleagues during the breaks that was important.

(Geus 1997)

Moreover, interaction between different units is important for learning to spread through the organization, otherwise

[w]e should therefore not be surprised, when these teams communicate antagonistically ..., at squabbling at the boundaries of their territories. The amount of institutional learning is limited ... the chances that the innovative ideas will become company policy are much reduced.

(Geus 1997)

Information exchange and learning in organization may take different forms. An employee may learn her functions and the way to carry them out via

formal contacts such as sets of instructions, formal communications with her managers and so on, but as the quote above suggests the most important information comes via informal channels, from talking to and observing other employees. Social learning is particularly important in this mode of information transmission. According to the social learning approach to organizational behaviour, observational modelling plays an important role in transmitting task performance rules (as well as other formal and informal practices) among organization members:

... organizational participants learn how to behave from observing those around them. The dictum "Do as I say, not as I do" seems unlikely to be followed. Job description, rules, and policies are more likely to be interpreted from watching what others do than following written directives. The example by behavior that managers provide for their people may be more important than instructions they provide

(Davis and Luthans 1980)

Thus social learning and imitation are important mechanisms through which organizations accumulate experience, and share and sustain task-performance rules.

2.2 Inter-organizational learning

Besides being an important mechanism for transmission of behaviour *within* an organization and therefore affecting the efficiency of organizational learning, social learning also plays essential role in the process of *inter-organization* learning. First, as in the case of intra-organizational learning, the ability to copy behaviour of the others helps by saving on the costly process of search. In addition, "standardization" of task performing rules on the level of population of organizations permits managers to "read" behaviour of other firms, and to avoid uncertainty:

[S]ome rules are more general than the individual firm and are identified as a more pervasive code called "industry standard practice", "standard business practice", "ethical business practice" or "good business practice." ... "good practice" – especially at managerial levels tends to be shared among firms. ... [general rules] serve the important function of providing an operational procedure for the manager to use in a situation of comparative ambiguity. Insofar as the external situation consists in other firms, it becomes predictable. Competitors' behavior can be predicted in the areas covered by standard practice. Insofar as potential failure is of concern to the decision maker, "standardization" provides defense.

(Cyert and March 1963, p.104)

Adoption of a "good business practice", whether it is related to new production or management technology, is an instance of imitation.

Organization theorists distinguish between three fundamental modes of imitation: frequency-based imitation, trait-based imitation, and outcome-based imitation (Haunschild and Miner 1997). Frequency-based imitation occurs

when organizations try to implement practices widely adopted in the industry. Fligstein (1985) examined the spread of the multidivisional form (MDF) of organization among large firms and found that the probability of adoption is increasing with the share of other firms in the same industry that adopted MDF. Palmer et al (1993) focused on the adoption of MDF in a sample of late adopters (with a different set of other explanatory variables) and came to the same conclusions with respect to the effect of the prevalence of the MDF in the respective industry. Burns and Wholey (1993) analyzed adoption of matrix management by hospitals and found that the probability of adoption increases with the cumulative share of adopters among local hospitals. Rao et al. (2001) studied initiation of coverage of firms listed on the NASDAQ by investment analysts and found that the number of analysts initiating coverage of a certain stock in the previous year positively affects the probability of this stock to attract another analyst.

In contrast to frequency-based imitation, *trait-based imitation* is focused on practices in use only by a subset of other organizations having specific characteristics associated with high status. These characteristics usually include size, prestige, and success. Results of Burns and Wholey (1993) suggest that diffusion of matrix management proceeds from higher- to lower- prestige hospitals. Haveman (1993) studied the Californian industry of savings and loan and found positive relationship between the decision to enter into a new market and the presence of large and profitable firms in this market¹. In another study Rao et al. (2001) showed that decision to start coverage of a stock depends on the number of high-status analysts started to cover this stock in the previous year. When making the choice of a model for imitation, an organization might take into account not only the traits associated with success, but also the degree of similarity between the model and the organization. Baum et al. (2000) studied acquisitions by chain nursery homes in Canada with respect to geographical location of acquisition targets. In the line with the other studies mentioned above they found that choices of larger chains are likely to be imitated immediately. In addition, they found that choices of similar-sized chain organizations are also likely to be imitated, but with some lag and conditional on the success ('wait-and-see' strategy).

With *outcome-based imitation*, organizations copy practices that brought favourable outcomes to organizations which use them, and avoid practices that led to bad outcomes. Most diffusion studies confirm that diffusion (imitation) rate depends on profitability (Griliches 1957; Mansfield 1961). Therefore if we assume that the knowledge about profitability of technology (practice) spills over to other firms, then this can be considered as a form of outcome-based

¹ The relationship is positive if the share of high-status firms does not exceed a certain limit. Above this limit, the relationship turns negative due to the effects of competition.

imitation. There are also empirical studies that indicate that salient positive outcomes are more likely to be imitated. For example, Conell and Cohn (1993) found that strikes in the coal mining sector in France did stimulate other strikes in the same department, and the impact was significantly higher if the initial strikes were victorious. Haunschild and Miner (1997) examined the factors that influence companies' choices of an investment bank as an adviser on an acquisition and found that highly salient outcomes sustain outcome-based imitation mode.

The literature suggests different theoretical rationales for different modes of imitation. DiMaggio and Powell (1983) argue that there are three main mechanisms of isomorphic change (process leading toward homogenization). First, there is *coercive isomorphism*, that results from formal and informal pressures exerted on an organization by other organizations on which the organization is dependent (e.g. government, financial institutions, suppliers). Adoption of “greener” technologies in order to comply with environmental standards enforced by the government is the case in point. Another mechanism is *normative pressure* that stems primarily from professionalization. For instance, Palmer et al. (1993) studied of adoption of MDF by large US corporations in 1960s and found that having a CEO with an MBA from an elite business school increased the probability of adoption of MDF. Last but not the least, there is *mimetic isomorphism* that arises as a response to uncertainty surrounding a novel practice/technology. In such an environment organizations may model themselves on other organizations. This mechanism of isomorphic change is directly related to trait-based imitation modes:

Organizations tend to model themselves after similar organizations in their field that they perceive to be more legitimate or successful. The ubiquity of certain kinds of arrangements can be credited to the universality of mimetic process than to any concrete evidence that the adopted models enhance efficiency.”

(DiMaggio and Powell 1983, p.152)

Similarly, as the passage from Cyert and March (1963) quoted above suggests, the legitimacy of a “good business practice” may stem from its widespread use, and therefore an organization may choose to imitate the practice prevailing in the field, i.e. in this case we speak of the frequency-based imitation mode.

While frequency- and trait- based imitation modes are due to institutionalised pressure toward homogeneity, outcome-based imitation is related to the technical value of the practice/technology. Organization theorists have argued that just as individuals can learn from observing actions of others (social learning theory), organizations are also able to learn from the experience of other organizations and make decisions to imitate or to avoid practices depending on their perceived impact on earlier adopters (Davis and Luthans 1980). This view on imitation is in a way similar to the standard

treatment of adoption process in the economics literature, and it will be discussed in detail in the next section.

4. Summary

From more general perspective imitation is a mechanism of evolutionary selection relevant understanding behavior of individuals (be they animals or humans), groups of individuals (such as organizations), and aggregate collective dynamics. In this paper we reviewed literature on imitation and social learning in economics and organization theory.

Organization theory acknowledges that the task-performing rules by which organizations (and individuals within organizations) operate have evolutionary nature and arise in the process of boundedly rational search. In this respect imitation and learning from observing the others are the key mechanisms through which successful routines are transmitted within and between organizations. Research in this field mostly concerns with identifying instances, describing and classifying different types of imitation, and to less extent with the motivation of imitating agents and analysis of the effects on the collective dynamics.

In (mainstream) economics, which takes as a model of agents' behavior perfectly rational optimizing agents, the motivation for copying behaviour of others traditionally has been assigned to direct or indirect payoff externalities. In the past decade, economists turned their attention to boundedly rational behaviour and developed a number of models to analyse properties of an economic system where agents imitate behaviour of each other. Most of such models however have to rely on rather simple (and often *ad hoc*) assumptions about agents' behaviour to match the sophisticated organizational routines studied in organization theory. In this respect, convergence of the two field (economics and organization theory) remains the challenge for future research.

Литература

1. Baum J., Li S.X., and Usher J.M. «Making the next move: how experiential and vicarious learning shape the locations of Chains' acquisitions» *Administrative Science Quarterly*, 45(4), 766-801. 2000.
2. Bernardo A.E., and Welch I. «Novelty, preferences, and fashion: When Goods are unsettling» *Journal of Economics & management strategy*, 2001, 10(3), 301-330.
3. Bolton P., and Harris C. «Strategic Experimentation,» *Econometrica*, 1999, 67(2), 349-374.
4. Burns L.R., and Wholey D.R. «Adoption and Abandonment of Matrix Management Programs: Effects of Organizational Characteristics and Interorganizational Networks» *Academy of Management Journal*, 1993, 36(1), 106-138.
5. Conell C., and Cohn S. «Learning from Other People's Actions: Environmental Variation and Diffusion in French Coal Mining Strikes, 1890-1935» *American Journal of Sociology*, 1995, 101(2), 366-403.

6. Cyert R.M., and March J.G. A behavioral theory of the firm, Prentice Hall international series in management. Prentice Hall, Englewood Cliffs. 1963.
7. Davis T.R.V., and Luthans F. «A Social Learning Approach to Organizational Behavior» *Academy of Management Review*, 1980, 5(2), 281-290.
8. DiMaggio P.J., and Powell W.W. «The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields» *American Sociological Review*, 1983, 48(2), 147-160.
9. Fligstein N. «The Spread of the Multidivisional Form Among Large Firms, 1919-1979» *American Sociological Review*, 1985, 50(3), 377-391.
10. Geus A. d. *The living company*. Harvard Business School Press, Boston. 1997.
11. Griliches Z. «Hybrid Corn: An Exploration in the Economics of Technological Change» *Econometrica*, 1957. 25(4), 501-522.
12. Haunschild P.R., and Miner A.S. «Modes of Interorganizational Imitation: The Effects of Outcome Salience and Uncertainty» *Administrative Science Quarterly*, 1997. 42(3), 472-500.
13. Haveman H.A. «Follow the Leader: Mimetic Isomorphism and Entry Into New Markets» *Administrative Science Quarterly*, 1993, 38(4), 593-627.
14. MacKay C. *Extraordinary Popular Delusions and the Madness of Crowds*, Wordsworth Reference Series. Wordsworth Editions Ltd, London. 1995.
15. Mansfield E. «Technical Change and the Rate of Imitation» *Econometrica*, 1961, 29(4), 741-766.
16. Nelson R., and Winter S. *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Belknap Press, Cambridge, Mass. and London. 1982.
17. Palmer D.A., Jennings P.D., and Zhou X. «Late Adoption of the Multidivisional Form by Large U.S. Corporations: Institutional, Political, and Economic Accounts» *Administrative Science Quarterly*, 1993, 38(1), 100-131.
18. Rao H., Greve H.R., and Davis G.F. «Fool's Gold: Social Proof in the Initiation and Abandonment of Coverage by Wall Street Analysts» *Administrative Science Quarterly*, 2001, 46(3), 502-526.
19. Reinstaller A., and Sanditov B. Social structure and consumption: on the diffusion of consumer good innovation, *Journal of Evolutionary Economics*, 2005, 15(5), 505-531.

Сандитов Булат Дамбаевич, PhD, Школа Бизнеса ТЕЛЕКОМ (Франция).

Мантатова Арюна Валериановна, кандидат географических наук, старший преподаватель, Бурятский государственный университет. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

Sanditov Bulat Dambaevich, PhD, TELECOM Ecole de Management, Institute Mines-Telecom, France.

Mantatova AryunaValerianovna, candidate of geographical sciences, senior lecturer, Buryat State University, Russia, Ulan-Ude, Smolin str., 24a.

Институциональные основы управления образованием

В статье рассмотрены институциональные основы управления системой образования. Управление рассмотрено как формирование и изменение институциональной среды.

Ключевые слова: управление образованием, институт.

D.D. Tsyrenov, D. Strobel

The institutional bases of management in education

The article describes the institutional bases of management in the system of education. Management is considered as formation and change of institutional environment.

Keywords: management in education, institution.

С позиций институционального подхода образование выступает в качестве одного из элементов социально-экономических отношений, отражающих взаимодействие социальных групп и общностей для достижения целей и выполнения задач обучения, социализации, воспитания, развития личности, профессиональной подготовки и переподготовки, повышения квалификации, удовлетворения иных образовательных потребностей. Образование как особым образом организованная и структурированная деятельность, опирающаяся на систему специализированных учреждений (институтов), функции которых регламентированы правовыми и этическими нормами, является институтом, подсистемой институциональной среды.

Взаимодействие развития системы образования и других областей общественной жизни определяется, с одной стороны, запаздыванием развития системы образования, обусловленным необходимостью отбора передаваемых общих и профессиональных компетентностей, с другой стороны, опережением этого развития, необходимым для обеспечения инновационного функционирования экономики.

Основными тенденциями в развитии образования, обусловленными изменениями институциональной структуры российского общества, являются:

- участие в Болонском процессе, требующее от российского образования сочетания европейских тенденций с особенностями российской культуры;
- изменение структуры властных полномочий в системе образования, выражающееся в автономизации образовательных учреждений;

- диверсификация источников финансирования образования, отражающая легализацию неформальных норм (платное образование, спонсорство) и институциональное заимствование (фонды целевого капитала);
- формирование институциональных механизмов, направленных на сокращение издержек доступа к высшему образованию;
- регионализация образования, создающая возможности для включения внутренних потенциалов саморазвития регионов в процесс модернизации образовательных систем на основе институционального разнообразия;
- преобразование деятельности образовательных учреждений и организаций, в частности, диверсификация образовательных программ, развитие платных образовательных услуг, формирование органов самоуправления, реструктуризация систем управления.

Анализ структуры взаимоотношений по поводу образовательных услуг позволяет определить заинтересованные стороны, формирующие состав участников социального контракта в данной области. При этом производство образовательных услуг регулируется различными механизмами (рыночными и государственными) и должно иметь различные источники финансирования: как частных благ – за счет потребителей, как общественных благ – за счет государственных расходов, как смешанных благ – за счет всех участников процесса – потребителей, предприятий и других организаций, государства.

Рынок образовательных услуг является рынком с асимметричной информацией, поэтому доверительность образовательной услуги, проявляющаяся в затруднении оценки ее качества потребителем, вызывает потенциальную возможность проявления постконтрактного оппортунизма: образовательного учреждения или организации – в снижении качества используемых ресурсов для оказания услуги, обучаемых – в снижении уровня учебных усилий. Доверительность образовательной услуги косвенно проявляется также на рынке труда, где уровень образованности становится сигналом, который ориентирует работодателя при заключении трудовых контрактов.

Анализ контрактных отношений по поводу предоставления образовательных услуг в условиях нестабильности внешних и внутренних условий их оказания позволяет выделить и объединить в четыре группы современные проблемы российского образования:

- отставание темпов изменений институтов образования от скорости преобразования общей институциональной среды;
- необходимость трансформации социального контракта по поводу предоставления образовательных услуг как смешанных благ в условиях общей институциональной трансформации российской экономики;

– увеличение значения проблемы качества и доступности образования как доверительного блага в условиях ослабления его государственных гарантий;

– сокращение совокупного спроса на образование, в том числе профессиональное, по демографическим причинам.

Решение этих проблем связано с управляемой трансформацией институциональной среды образования, а успешность этой трансформации определяется адекватностью применяемых подходов к управлению образовательными системами и требует поиска их оптимизации.

Управление образованием подчинялось институциональному характеру внешней среды. В условиях административно-плановой системы хозяйствования происходило акцентирование управленческих функций на нижних уровнях управления в основном на планировании и контроле; основные функции верхнего уровня управления образованием состояли в надзоре за целевым использованием выделенных средств. При этом вопросы рационального использования выделенных образовательным системам и организациям ресурсов изучались в рамках экономики, а позднее – маркетинга образования.

Применение теории социального управления в период демократизации отношений и формирования рыночного механизма в дополнение к государственному регулированию позволило выйти на понимание управления образованием как одного из видов социального управления, поддерживающего целенаправленность и организованность учебно-воспитательных, инновационных мероприятий и обеспечивающих их процессов в системе образования. С позиций рыночных отношений управление образованием представляется в качестве сервиса, услуги, что соответствует концепции менеджмента в образовании, актуализируя значимость отдельного образовательного учреждения, а, значит, управления на нижнем уровне образовательной системы.

Отмечая определенную ограниченность имеющихся концепций управления образованием для решения современных задач в условиях изменения институциональной среды общества, следует применить для изучения и оптимизации управления образовательными системами и организациями институциональный подход, предполагающий выделение норм и правил, регулирующих взаимодействия в сфере образования, и их последующее изменение с целью формирования институциональной среды образования с заданными свойствами.

Учитывая эндогенность институтов, управление рассматривается как формирование и изменение институциональной среды. Концепция институционального цикла управленческой деятельности может быть представлена как процесс последовательного прохождения четырех фаз, связанных с институциональными правилами как элементами институциональной среды, в которой эта деятельность совершается (рис. 1).

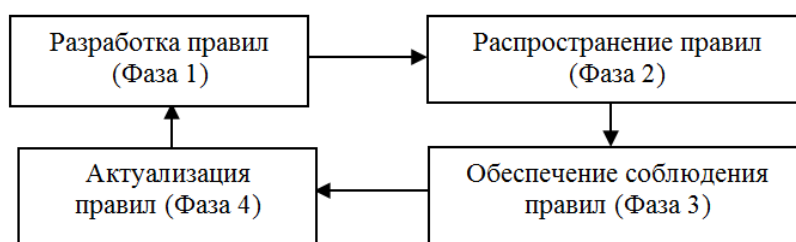

Рис. 1. Институциональный цикл управленческой деятельности

Трансакционные издержки первой и второй фаз соответствуют трансформационным издержкам, вызываемым проведением преобразований норм и правил социально-экономической деятельности и сопровождаемым трансформационным спадом. Отсюда, чем более инновационными являются институциональные изменения, вносимые в первой фазе, тем выше издержки первой, второй и первых этапов третьей фаз. Примером повышения издержек распространения правил, обусловленных необходимостью значительных усилий адаптации к ним, может служить увеличение трансакционных издержек участников образовательного процесса в связи с применением нелинейного расписания.

Изменение одного правила в данной ситуации часто обуславливает преобразования других, поддерживающих его действие. Например, формирование платной формы обучения вызывает необходимость образовательного кредитования, введение единого государственного экзамена сопряжено с новыми правилами приема в высшие учебные заведения, развитие академической мобильности сопровождается применением системы кредитов и пр.

Высокая степень детализации институциональных правил повышает трансакционные издержки первой фазы, снижая при этом вероятность постконтрактного оппортунизма. Так, наличие в учебном заведении положения о замещении вакантных должностей профессорско-преподавательского состава приводит к снятию неопределенности в трактовке требований к кандидатам и проведению конкурсной процедуры избрания. Низкий уровень детализации правила может быть обусловлен рамочным характером его действия, когда уточнение деталей делегируется на более низкие уровни управления. Поэтому, чем короче срок действия правила и ниже степень детализации, тем удовлетворительнее более низкий уровень качества правила и соответственно предпочтительнее более низкий уровень трансакционных издержек первой фазы на этом уровне управления.

Трансакционные издержки второй фазы имеют постоянную и переменную составляющие. Для трансакционных издержек распростране-

ния правил значимым является число его носителей, т. е. тех, чье поведение должно этим правилом регулироваться. Усилия по обеспечению соблюдения правил будут тем выше, чем сильнее инновационность правила. Так, реализация инновационных программ в рамках Национального проекта «Образование» потребовала в ряде вузов введения должности проректора по инновационной политике, отделов по инновациям и пр.

Частая смена правил также увеличивает адаптационные усилия. Защитным механизмом здесь может служить отказ от адаптации в ожидании новой смены правил. Поэтому частота актуализации провоцирует постконтрактный оппортунизм, например, при постоянном изменении системы стимулирующих надбавок. Низкая степень детализации также способна повышать транзакционные издержки второй фазы, т. к. предполагает доработку правил «на местах», расширяя возможности саморегулирования. В этом случае нижний уровень управления будет нести дополнительные издержки разработки правил. Такая ситуация наблюдается при составлении расписания учебных занятий не централизованно, а деканатами отдельных факультетов.

Транзакционные издержки обеспечения выполнения правил на третьей фазе институционального цикла также имеют постоянную и переменную составляющие. Постоянные издержки определяются расходами на содержание контролирующих структур, например, отдела стандартов. Переменная составляющая этих издержек обусловлена наличием отклонений в поведении экономических субъектов. Число нарушений правил в общем случае повышается при увеличении сложности их принятия участниками деятельности (инновационности правил), например, при переходе на двухуровневую структуру обучения, необходимости быстрого привыкания к новым правилам или отказ от них (частоты актуализации правил), количества транзакций (числа носителей правила), возможность оппортунистического поведения в условиях неполноты контракта (снижения степени детализации правила).

Границы необходимых транзакционных издержек фазы разработки правил обусловлены степенью детализации (верхняя граница) и необходимостью предупреждения постконтрактного оппортунизма (нижняя граница). Рост величины транзакционных издержек второй и третьей фаз институционального цикла раскрывает феномен предельной убывающей производительности управления.

Сопоставление транзакционных издержек в различных фазах институционального цикла управленческой деятельности позволяет определить факторы величины транзакционных издержек, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Факторы величины транзакционных издержек в различных фазах институционального цикла управленческой деятельности

Фактор	Направление изменения величины транзакционных издержек по фазам институционального цикла			
	1	2	3	4
Инновационность правила	↑	↑	↑	↑
Частота актуализации правила (срок действия правила)	↓	↑	↓	↑
Степень детализации правила	↓	↑	↑	↓
Число носителей правила	-	↑	↑	-
Частота нарушения правила	-	-	↑	↑

Анализ взаимозависимости величины транзакционных издержек в различных фазах институционального цикла позволяет сделать вывод о том, что при увеличении управленческих усилий (и издержек) в одной фазе их можно снижать в других фазах, обеспечивая уменьшение общей величины транзакционных издержек институционального цикла в конкретной ситуации. Например, экономия на издержках первой фазы приводит к росту большинства составляющих издержек последующих фаз. Недостаточная разработанность нормативно-правовой базы для развития фондов целевого капитала образовательных учреждений затрудняет их формирование как источника внебюджетного финансирования учебных заведений. В то же время на снижение издержек третьей фазы «работают» все остальные фазы цикла. Так, повышение детализации положения о материальном стимулировании сотрудников учебного заведения, доступность этой информации и проведение своевременной актуализации данного положения способствует принятию правил стимулирования как справедливых, сокращая вероятность оппортунистических проявлений.

Следовательно, применение концепции институционального цикла управленческой деятельности позволяет руководителю в конкретной ситуации выбирать способ оптимизации общей величины транзакционных издержек институционального цикла управленческой деятельности за счет изменения их структуры. Например, при росте размера образовательной организации будут расти издержки второй и третьей фаз, поэтому необходимо увеличение управленческих усилий в четвертой и первой фазах; в случае значимых потерь от нарушения правила,

следует повысить степень детализации правила; для инновационных изменений необходима частая актуализация правил и т.д.

Цыренов Даши Дашанимаевич, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики, заместитель декана факультета экономики и управления, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований Бурятского государственного университета. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, e-mail:dashi555@mail.ru

Дэниэл Стробел, программный менеджер, Cultural Vistas (США), e-mail:44433444@mail.ru

Tsyrenov Dashi Dashanimaevich, candidate of economic sciences, associated dean at the Faculty of economics and Management, leading researcher at the Institute of Economic Research, Buryat State University. Ulan-Ude, Smolin str., 24a, e-mail:dashi555@mail.ru

Daniel Strobel, program manager, AIPT Cultural Vistas, USA, e-mail:44433444@mail.ru

ЭКОНОМИКА РЕГИОНА

УДК 339.97

© А.Л. Ринчино

Стратегия регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири на рынке высокотехнологичной продукции Азиатско-Тихоокеанского региона

Статья посвящена анализу возможностей регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока России в области интеграции в Азиатско-Тихоокеанское инновационно-технологическое пространство. Рассматриваются тенденции развития глобального рынка высокотехнологичной продукции, перспективы России в этом направлении.

Ключевые слова: государственное стратегическое планирование, высокие технологии, инновации, технопарки, исследования и разработки, университеты, интеллектуальный потенциал, Восточная Сибирь, Дальний Восток, АТЭС, АТР.

A.L. Rinchino

Strategy of Far East and Eastern Siberia to the high-tech market of Asia-Pacific region

This article analyzes the possibilities of Eastern Siberia and the Far East of Russia in the field of integration in the Asia-Pacific innovation and technological space. The tendencies of the global high-tech market development, the prospects for Russia in this direction are considered.

Keywords: government strategic planning, high-tech, innovations, technology parks, research and development, universities, intellectual capacity, Eastern Siberia, the Far East, APEC, Asia-Pacific region.

Саммит участвующих экономик¹ Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), который прошел во Владивостоке в сентябре 2012 г., несомненно, стал значимым международным событием и крупнейшей внешнеполитической акцией России за последние несколько лет.

Широкий общественный, а также научный интерес к мероприятию вызван не столько ожидаемыми итогами, сколько местом его проведения:

¹ В АТЭС принят термин *участвующие экономики (membereconomies)*, а не *страны-участники (membercountries)*.

российский Дальний Восток, а также Восточная Сибирь (ДВВС)¹ сегодня являют собой средоточие социально-экономических проблем и противоречий, резко контрастируя с быстроразвивающимися соседями по Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР). Здесь, как на ладони, проявились угрозы внутренней и внешней безопасности России [Восток, 2012; Воскресенский, 2006]. Именно с позиций выработки практических путей нивелирования большинства из них следует рассматривать будущее событие.

Россия нуждается в участии в интеграционных проектах АТР² прежде всего в энергетической и транспортной областях, где особую роль призван играть именно ДВВС. Большие ожидания, однако, связаны с сотрудничеством в области высоких технологий – темой, связанной с тезисом о необходимости изменения структуры российской экономики.

Речь идёт о привлечении ресурсов (финансовых, научных, кадровых) партнёров по АТЭС к осуществлению наукоемких производственных и инфраструктурных проектов в регионе ДВВС, об усилении интеграции с крупнейшими бизнес-структурами макрорегиона, о совместных образовательных инициативах и т.д.

Направленность на Восток неслучайна: с постепенным угасанием старых индустриальных центров в Европе и на востоке США центр мировой экономической активности смещается в АТР. Сегодня экономики АТЭС генерируют порядка 54% мирового ВВП и 44% мировой торговли, здесь проживает более 40% населения планеты [АРЕС Secretariat website]. АТЭС является вторым торговым партнером России после ЕС-27; с 2010 г. Китай – крупнейший внешнеторговый партнер России с долей 10,2% (табл. 1).

¹ В настоящее время российский Дальний Восток как административный округ включает в себя 9 субъектов федерации: Республику Саха-Якутия, Приморский, Хабаровский и Камчатский края, Амурскую, Магаданскую, Сахалинскую области, Еврейскую автономную область, Чукотский автономный округ. В пределах Восточной Сибири расположены Красноярский край, Забайкальский край, Иркутская область, Республики Бурятия, Тува, Саха-Якутия. Из них к «депрессивным» обычно относят Забайкальский край, Бурятию, Туву. Таким образом, говоря о «проблемной зоне» ДВВС следует иметь ввиду Приморский, Хабаровский и Камчатский края, Амурскую, Магаданскую, Сахалинскую области, Еврейскую АО, Чукотский АО, Якутию, Забайкальский край, Бурятию, Туву.

² Употребляя термин «АТР», стоит иметь ввиду, что никакого целостного региона «АТР» ни в экономическом, ни в политическом смысле не существует. В статье речь идет, преимущественно, о государствах Северо-Восточной Азии.

Таблица 1

Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам
и группам стран (млн дол. США) за 2011 г.

	2011 г.			
	Оборот	Экспорт	Импорт	Доля в обороте, %
Весь мир	821 353,1	516 040,1	305 313,0	100,0
ЕС-27	393 987,7	266 457,8	127 529,9	48,0
АТЭС	196 503,5	92 979,6	103 523,9	23,9
Австралия	1 079,4	65,6	1 013,8	0,1
Вьетнам	3 061,0	1 338,7	1 722,3	0,4
Гонконг	1 055,7	973,1	82,6	0,1
Индонезия	2 166,5	635,9	1 530,7	0,3
Канада	2 421,3	601,0	1 820,3	0,3
Китай	83 505,0	35 240,6	48 264,4	10,2
Корея, Респ.	24 979,6	13 386,2	11 593,4	3,0
Малайзия	1 935,1	417,6	1 517,5	0,2
Мексика	1 414,5	577,1	837,4	0,2
Новая Зеландия	223,9	5,5	218,4	0,0
Папуа – Новая Гвинея	13,6	3,8	9,8	0,0
Перу	725,7	643,9	81,8	0,1
Сингапур	2 636,1	2 250,3	385,8	0,3
США	31 205,9	16 604,4	14 601,5	3,8
Таиланд	4 117,3	2 136,0	1 981,3	0,5
Тайвань	4 159,5	2 121,1	2 038,4	0,5
Филиппины	1 643,2	1 244,9	398,4	0,2
Чили	454,8	32,5	422,3	0,1
Япония	29 705,0	14 701,1	15 003,9	3,6
СНГ	122 560,1	78 260,0	44 300,1	14,9
ЕВРАЗЭС	64 603,4	41 816,5	22 786,9	7,9
ТС	58 373,5	37 829,2	20 544,3	7,1
Прочие	29 326,4	21 437,2	7 889,2	3,6

Источник: Федеральная таможенная служба // www.customs.ru

На сегодняшний день страны Азии – Китай (включая Гонконг – Сянган), Япония, Республика Корея, Тайвань, Сингапур, Индия – занимают ведущие позиции по таким показателям, как абсолютный объем экспорта высокотехнологичной продукции (ВП, табл. 2), общие расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР, табл. 3, рис. 1), количество глобально-индексируемых научных публикаций (табл. 4), доля высокотехнологичного экспорта в общем объеме промышленного экспорта (табл. 6).

А.Л. Ринчино. Стратегия регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири на рынке высокотехнологичной продукции Азиатско-Тихоокеанского региона

Таблица 2

Абсолютный объем экспорта высокотехнологичной продукции
и доля в его мировом объеме в 2011 г.

Ранг		Млрд дол. США	% от мирового объема
	Весь мир	4 320,00	100,00
1	Китай	760,00	17,59
2	США	690,00	15,97
3	Германия	530,00	12,27
4	Япония	400,00	9,26
5	Гонконг	290,00	6,71
6	Великобритания	280,00	6,48
7	Сингапур	250,00	5,79
33	Россия	9,50	0,22
	Остальные страны	1 110,50	25,71

Источник: UN COMTRADE // comtrade.un.org

Таблица 3

Общие расходы на НИОКР в странах-лидерах в 2011 г.

	Экономика	Общие расходы на НИОКР	
		млрд дол.	% от мировых расходов на НИОКР
	Весь мир	1 272,5	100
1	США	427,2	35,0
2	Китай	174,9	11,1
3	Япония	152,1	12,5
4	Германия	87,9	6,1
5	Южная Корея	52,7	3,7
6	Франция	49,2	3,7
7	Великобритания	40,7	3,3
8	Индия	38,0	2,5
9	Бразилия	27,5	1,6
10	Канада	27,0	2,1
11	Россия	24,9	2,0
12	Италия	23,7	1,7
13	Тайвань	20,7	1,6
14	Австралия	20,6	1,3
15	Испания	19,7	1,5

16	Швеция	13,7	1,0
17	Нидерланды	13,1	0,9
18	Швейцария	10,1	0,8
19	Израиль	9,8	0,7
20	Австрия	9,6	0,7

Источник: Global R&D Funding Forecast // www.rdmag.com/Featured-Articles/2011/12/2012-Global-RD-Funding-Forecast/

Таблица 4

Доля научных публикаций ученых различных стран в 2010 г.

	Государство	Доля
1	США	28,9
2	ЕС-27	33,1
3	Япония	7,8
4	Китай	5,9
5	Южная Корея	2,3
6	Канада	3,6
7	Россия	2,0
8	Индия	2,1
9	Бразилия	1,4
10	Прочие	25,6

Источник: Global R&D Funding Forecast // www.rdmag.com/Featured-Articles/2011/12/2012-Global-RD-Funding-Forecast/

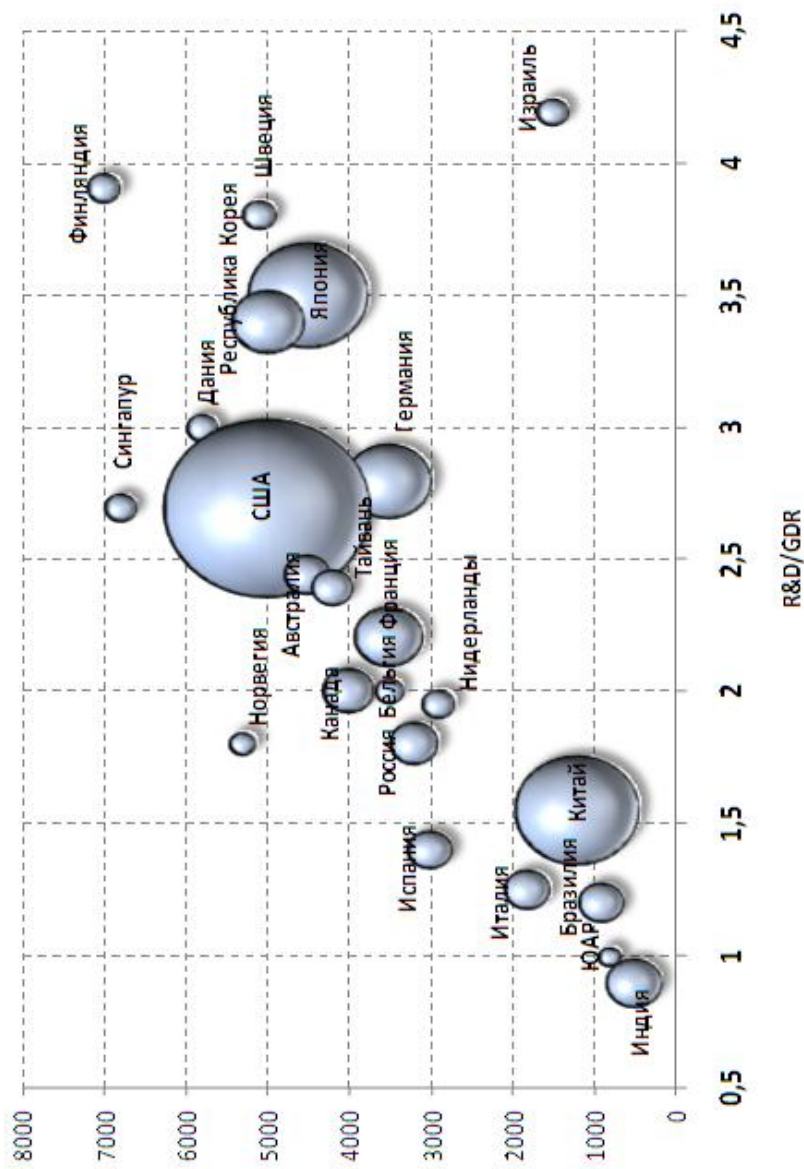

Рис. 1. Мировые центры научно-технологического прогресса. горизонтальная шкала – доля R&D в ВВП (по паритету ПС), вертикальная – численность научно-инженерных кадров на 1 млн чел. населения, площадь круга – сравнительная величина R&D (млрд дол. США).

Таблица 5

Доля высокотехнологичного экспорта
в промышленном экспорте стран мира в 2010 г. (в %)

	Государство	Доля
1	Ирландия	46,9
2	Швейцария	42,9
3	Республика Корея	33,0
4	США	32,9
5	Китай	32,8
6	Венгрия	31,9
7	Нидерланды	28,7
8	Великобритания	28,6
9	Мексика	28,4
10	Израиль	25,0
11	БРИК	24,6
12	Япония	23,1
13	Франция	22,8
14	ОЭСР	22,6
15	Финляндия	20,1
16	ЕС-27	19,8
17	Швеция	19,2
18	Дания	19,0
19	Германия	18,8
20	Индонезия	9,1
21	Бразилия	8,3
22	Индия	5,8
23	Россия	2,3

Источник: OECD, STAN Indicators Database, 2011 edition. Underlying series from STAN Bilateral Trade Database // www.oecd.org

Общий объем мирового высокотехнологичного сектора (аэрокосмическая индустрия, электроника, телекоммуникационное оборудование, производство медтехники и фармацевтики)¹ в 2011 г. превысил 4,3 трлн дол.

¹ По классификации UNCCOMTRADESITCRev.4 к высокотехнологичным товарам относят SITC 54, 7 (за искл. 75, 76, 78), 87, 88 (см. <http://unstats.un.org/unsd/cr/registry/regcst.asp?Cl=28>).

(COMTRADE). Объем же глобального рынка наукоемкой продукции¹ сегодня оценивается в 2,5 трлн дол. с перспективой удвоения через 10 лет.

Как видно из табл. 2, на рынке ВП стран АТР (и всего мира) лидирующее положение занимает Китай, позиция которого в данном сегменте рынка в перспективе будет только укрепляться. США занимают второе место, ежегодно получая от экспорта наукоемкой продукции около 700 млрд дол., Германия – 530, Япония – 400.

Объем же российского экспорта высокотехнологичной продукции в 2011 г. составил 9,5 млрд дол. По абсолютным объемам экспорта высокотехнологичной продукции Россия находится на уровне таких стран, как Индия, Португалия и Словакия, уступая Республике Корея в 14, а Китаю и США – в 60–80 раз. В целом доля России в мировом экспорте высокотехнологичной продукции в 1996–2011 гг. практически не менялась, оставаясь на уровне примерно 0,2–0,3%.

В 2011 г. в России действовало более 2000 соглашений по экспорту и около 1900 соглашений по импорту технологий². Однако, несмотря на количественный перевес экспортных сделок, суммарные выплаты по импорту (1 128,4 млн дол.), в два с лишним раза превысили объем поступлений от экспорта технологий (535,4 млн дол.), образовав отрицательное сальдо в размере 595 млн дол.

Сегодня для большинства стран АТР Россия не является ощутимым фактором в их экономике. Так, в экспорте России КНР занимает уровень 4,8–5%, а Япония – 2,9–3%. Среди иных партнёров по экспорту товаров России в АТР следует отметить Гонконг, Республику Корею, КНДР, Тайвань, Сингапур, которые занимают долю на уровень ниже 1% от всего экспорта России (табл. 1).

Пока не наблюдается тенденция к стремительному увеличению торговых отношений России со странами АТР. Но переломить эту традицию можно, стимулировав форсированное экономическое развитие регионов ДВВС, являющихся естественными «восточными воротами» государства.

Пять пунктов стратегии

Рассмотрим некоторые шаги, которые необходимо сделать на пути осуществления стратегии инновационного развития ДВВС.

1. Вывод на рынок высокотехнологичной продукции

¹ К категории наукоемкой принято относить такую продукцию, при производстве которой доля затрат на исследования и разработки в общих издержках или в объеме продаж составляет не менее 3,5–4,5%. Это барьерное значение критерия наукоемкости продукции не является строгим и всеобщим: во-первых, оно различается в разных странах; во-вторых, методика отнесения затрат на НИОКР (то есть их структура) в разных странах также неодинакова.

² Данные ФТС // www.customs.ru

Важным критерием конкурентоспособности национальной промышленности является реальный спрос на ее продукцию на внутренних и внешних рынках, где постоянно усиливается активность зарубежных компаний разных стран мира. Он определяет параметры экспорта и географической специализации импорта-экспорта, сальдо торгового баланса.

В настоящее время в мире производство наукоемкой продукции обеспечивают всего 50–55 макротехнологий, в основном сконцентрированных в следующих отраслях:

- связь;
- производство потребительских товаров;
- химия;
- финансы, страхование и кредит;
- фармацевтическая промышленность и медицина;
- информатика и электронно-вычислительная техника;
- энергетика и коммунальное хозяйство;
- различные отрасли обрабатывающей промышленности;
- производство и переработка металлов и других базовых материалов;
- автомобилестроение.

Семь стран, обладая 46 макротехнологиями, «держат» 80% этого рынка (табл. 1). Доля России, как уже отмечалось, незначительна (табл. 1, 4).

Рассмотрим более подробно те области сектора высоких технологий, где у России имеется серьезный задел (табл. 7). Очевидно, что имеет смысл развивать именно эти сферы, кумулятивно сконцентрировав ресурсы, значительно углубить присутствие национальных производителей на Hi-Tech-рынках АТР.

Традиционно к таким областям относят ОПК (оружие, вооружение и военно-техническая продукция), космические технологии, машиностроение, авиапром, аграрно-промышленные и химические технологии.

Одним из стабильно растущих направлений, которые можно отнести к сфере высоких технологий, остается разработка и экспорт вооружения в страны АТР. Здесь, однако, с 2011 г. наблюдаются тревожные признаки ухудшения российских позиций [7, 2012]. Развитие ситуации будет зависеть от политических взаимоотношений со странами – традиционными покупателями оружия из России (Индия, Китай, Вьетнам), а также от того, сохранится ли российское цивилизационное влияние в этом регионе. В любом случае, на сегодняшний день предприятия ОПК ДВВС (Улан-Удэнский авиационный завод, Комсомольское-на-Амуре авиационное производственное объединение, Арсеньевская авиационная компания

«Прогресс» и др.)¹ имеют твердый портфель заказов на несколько лет вперед, внося весомый (иногда основной) вклад в экономику соответствующих регионов.

Таблица 7

Доля России в мировом объеме экспорта
высокотехнологичной продукции в 2010 г.

Высокотехнологичная продукция	0,28%
В том числе:	
Химические продукты и материалы	1,85%
Неэлектрические машины	0,91%
Воздушные и космические летательные аппараты	0,57%
Измерительные инструменты и оптика	0,22%
Электрические машины	0,15%
Электроника и телекоммуникационное оборудование	0,13%
Фармацевтические и лекарственные препараты	0,08%
Компьютерная и офисная техника	0,02%

Источник: Институт статистических исследований и экономики знаний ГУ-ВШЭ, UN COMTRADE

Из таблицы 7 видно, что наиболее конкурентоспособным направлением экспорта высокотехнологичных товаров в России остаются неэлектрические машины и, в частности, оборудование для АЭС и ГЭС. Здесь перспективными рынками остаются Китай и Индия. В частности с КНР, опираясь на успешный опыт сооружения Тяньваньской АЭС, вероятнее всего будет развиваться более тесная кооперация в атомной энергетике, причем на основе наиболее современных мировых технологий, с учетом возможных рисков.

Наиболее быстрорастущие сектора рынка ВП: высокотехнологичный банкинг, финансовые услуги, микротехнологии, высокотехнологичные медицинские услуги, а также сектора, относящиеся к шестому технологическому укладу (нанотех, биотех). Здесь Россия не представлена (табл. 7). Между тем именно эти технологии будут определять облик недалекого будущего. Наблюдаемое критическое отставание чревато утратой экономического и геополитического влияния РФ в регионе. Следовательно, развитие указанных областей в регионах ДВВС должно стать абсолютным приоритетом на ближайшие 10–25 лет.

¹ На Дальнем Востоке сегодня работает более 40 предприятий ОПК, более 20 из них имеют зарубежные оборонные заказы. Предприятия имеют ежегодный прирост по оборонным заказам около 30% (по данным Оборонпром).

2. Встраивание научных коллективов ДВВС в дивизионы R&D крупнейших азиатских корпораций.

Общемировая тенденция состоит в том, что крупнейшие транснациональные компании для того, чтобы поддерживать высокие темпы роста, переводят часть своих исследовательских лабораторий в те страны, где выстроена хорошая научно-образовательная система. Здесь имеется целый ряд причин: дефицит квалифицированных кадров в развитых странах, относительная дешевизна научных исследований в развивающихся странах вкупе с приемлемо высоким интеллектуальным потенциалом, экспансия на рынки развивающихся стран с локализацией производства, соображения иного характера (экологичность, свобода творчества, экзотика и т.п.).

В этой сфере большие возможности имеются у таких регионов, как Республика Бурятия, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область – регионы, где имеется определенная научная и кадровая база. Положительные примеры имеются и в других регионах Сибири. Например, мощный научно-образовательный потенциал таких регионов, как Новосибирская и Томская области, за последние годы позволил создать там точки роста в ИТ-сфере, биотехнологиях, нанотехнологиях, медицинских инновациях. Здесь работают представительства таких ТНК, как Boeing, IBM, SAP, Huawei. Научные коллективы получают заказы от компаний со всего мира.

3. Трансфер технологий государственного стратегического планирования социально-экономического развития в сфере высоких технологий.

Важнейшее направление внешнеэкономического сотрудничества России и стран АТР – изучение, трансфер и трансплантация технологий государственного управления в области высоких технологий.

Действительно, в настоящий момент остро стоит вопрос выстраивания целостного курса внутри- и внешнеполитических мер по стимулированию социально-экономического развития регионов ДВВС. Вместе с тем наблюдается определенный «идеологический тупик», когда все идеи сводятся к поддержке мегапроектов (БАМ-2, о-в Русский и др.). Между тем некоторые страны АТР прошли этап (а некоторые находятся на этом этапе), пожалуй, самой успешной модернизации в новейшей истории [13, 2010; 9, 2008; 12, 2008].

Особый интерес представляет вопрос государственного регулирования экономики. В развитых странах сегодня государственная поддержка и развитие отраслей, стимулирующих инновации в производстве, становятся одними из определяющих факторов роста экономики. Сейчас во многих странах мира используются эффективные политические меры, включающие госкапиталовложения, стимулирование создания малых и средних промышленных предприятий на основе высоких технологий. Боль-

шая часть мер приносит свои результаты: с развитием высокотехнологичного производства и активизацией технологических модернизаций неизбежно растет не только выпуск продукции, но и усиливается процесс интегрирования в глобальный Hi-Tech-рынок.

Достоин пристального изучения и освоения опыт КНР по поддержке национальной индустрии при вступлении в ВТО: государство выработало ряд мер для того, чтобы в полной мере использовать содержащиеся в правилах ВТО положения, выгодные для развития собственной экономики, и добиться наилучших условий для внедрения высоких технологий в большинстве отраслей.

Российскую политику в данном направлении можно назвать скорее контрпродуктивной, чем поддерживающей. Об этом говорит хотя бы такой показатель, как величина налоговых льгот для организаций, занимающихся НИОКР (рис. 3).

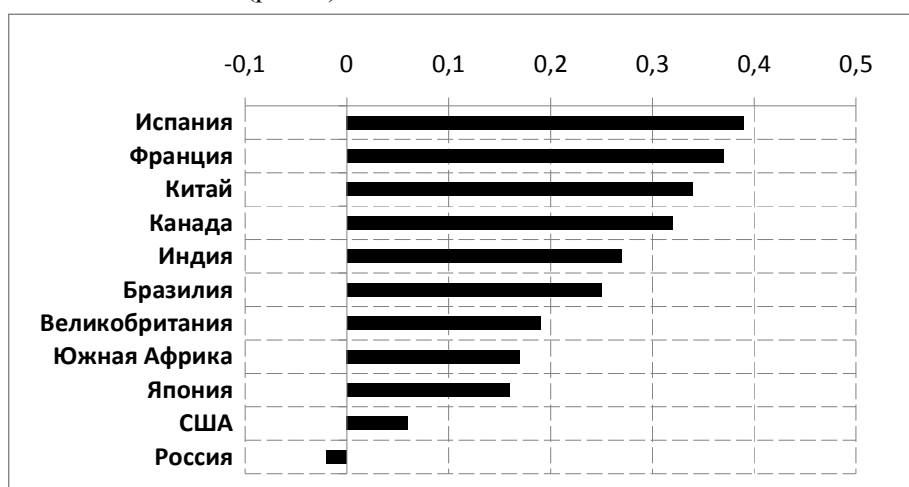

Рис. 3. Показатель налоговых льгот на 1 дол. затрат на НИОКР в 2008 г.

Источник: GlobalR&DReport 2008 Magazine

4. Создание особых экономических зон и технопарков на территории ДВВС с привлечением партнеров по АТР.

В Японии, Китае, Тайване, Республике Корея накоплен огромный опыт в создании специальных экономических зон, в том числе технико-внедренческого типа. Так, успеху КНР на мировом рынке ВП в значительной степени способствовало создание более 100 зон и 89 технопар-

ков, в которых ускоренно развиваются высокие технологии [Экономика Китая]¹.

Этот опыт, а также не менее значимые технические и финансовые возможности указанных стран можно и нужно использовать при создании ОЭЗ ТВТ и у нас в стране. Мы делаем только первые шаги в этой сфере. Опыт инновационного центра «Сколково», который должен стать крупнейшим в России испытательным полигоном новой экономической политики, должен быть размножен путем создания ряда технопарков и ОЭЗ технико-внедренческого типа на территории ДВВС: это необходимый шаг на пути упрочения позиций России на рынках ВП АТР. На специально отведенных территориях должны быть созданы особые условия для исследований и разработок, в том числе для создания энергетических и энергоэффективных технологий, ядерных, космических, биомедицинских и компьютерных разработок.

Главными партнерами в высокотехнологичных проектах могут выступить крупнейшие азиатские компании – CNPC, Sinopec, Huawei (КНР), Canon Inc., Itochu, Japex, Impex, Mitsui, Mitsubishi (Япония), Samsung Electronics CoLtd (Республика Корея) и др.

5. Создание специального фонда развития инновационной инфраструктуры ДВВС.

В России создан ряд институтов развития: Российская венчурная компания, ГК «Роснано», ряд венчурных фондов под эгидой Российского банка развития – Внешэкономбанка и т.д. Вместе с тем опыт ряда стран и регионов (Норвегия, Сингапур, штат Аляска, Кувейт) показывает, что более эффективно создание специальных фондов, главной целью которых является развитие территорий (точечных проектов), где расположены основные источники их наполнения. Ряд суверенных фондов указанных стран главные доходы получает от разработки полезных ископаемых, при этом добывающие компании платят в виде налогов до половины своих доходов. Создание Фонда развития инновационной инфраструктуры Дальнего Востока и Восточной Сибири должно стать логичным шагом на пути построения целостной стратегии развития Востока России.

Основные проблемы

На пути превращения ДВВС в российскую «Силиконовую долину» достаточно много проблем: низкий уровень развития бизнес-среды, неразвитость институтов венчурного инвестирования, отсутствие механизмов предоставления селективных государственных льгот и др. Отметим два, на наш взгляд, самых важных вопроса.

¹ Например, ОЭЗ Дунгуан с почти 3000 фирмами, производящими и разрабатывающими оргтехнику, компьютерные технологии и технику, дает около 40% мирового производства накопителей на жестких магнитных дисках HDD.

1. Деграция научного потенциала и дефицит кадров

The National Science Foundation (NSF) в своем ежегодном докладе отмечает стабильное уменьшение числа научных работников в России: в 1995 г. их было около 600 000, а в 2007-м – лишь около 450 000. В Китае каждый год количество ученых возрастает почти на 9%, а в России – снижается на 2%. Умеренно, но стабильно наращивают число научных кадров США, ЕС, Япония и Южная Корея. Если текущий тренд сохранится, то лет через 10 число ученых в России и Южной Корее сравняется (при несопоставимых данных о площади страны и «культурном наследии», а также численности населения, которое более чем в три раза меньше, чем население России).

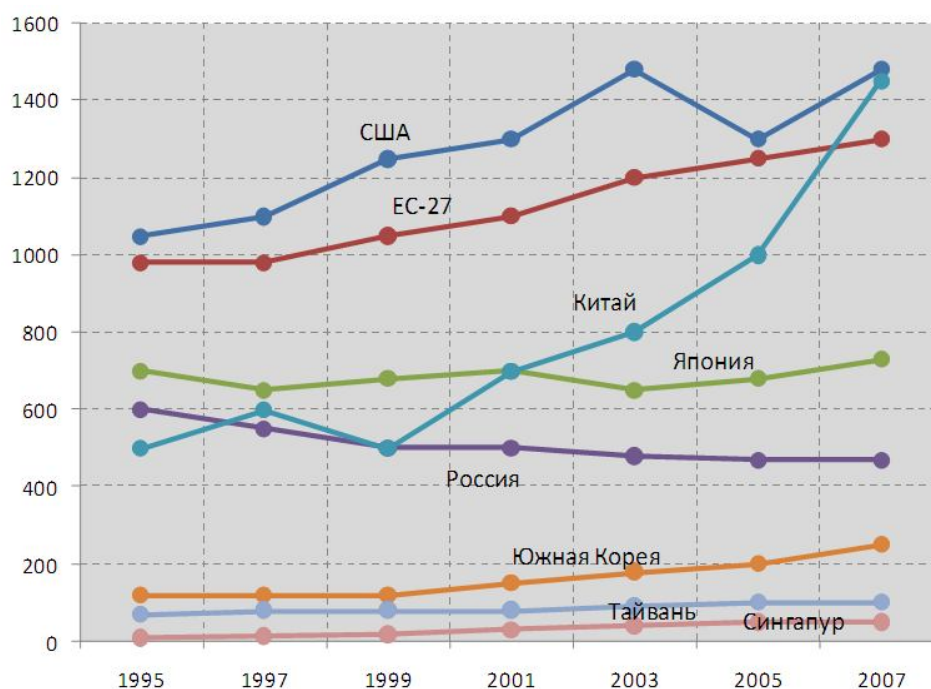

Рис. 2. Изменение количества числа научных работников (в тысячах) в разных странах в период с 1995 по 2007 г. // National Science Board

Практически все ведущие страны имеют продуманную стратегию научно-технического развития, которая реализуется на практике и обеспечивается выделением значительных финансовых средств. Такие стратегии осуществляют США, Китай, Япония, Республика Корея, Индия. Главный упор в этих программах делается на увеличение государственных инвестиций в НИОКР в приоритетных отраслях, стимулирование внутреннего спроса на высокотехнологичную продукцию, принятие комплексных мер

поощрению инновационной активности частного сектора, особенно малого и среднего бизнеса, а также на подготовку квалифицированных научных и инженерно-технических кадров. Россия и регионы ДВВС подобной стратегии не имеют.

Анализируя международный опыт, следует отметить, что развитие наукоемкого сектора экономики всегда и везде обостряет проблему высококвалифицированных кадров. Между тем проблема недостатка научных кадров и «утечки умов» для региона ДВВС (и для России в целом) остается не менее актуальной, чем в 1990-е гг. Образовательная система государства эту проблему не решает, дефицит существует и увеличивается.

Следует обратить внимание еще на один факт. У ведущих экономик мира расходы на R&D составляют 2–3% ВВП (рис. 1), в том числе США – 2,7%, Япония, Швеция, Израиль – 3,5–4,5% ВВП. Очень высокими темпами наращивает расходы на НИОКР Китай (1,7% ВВП). Ожидается, что в следующем десятилетии КНР догонит США по объему расходов на науку [6]. Быстро растут расходы на НИОКР и в Индии. К 2012 г. они достигнут 2% ВВП. Европейский Союз поставил задачу увеличить расходы на НИОКР до 3% ВВП.

В абсолютном выражении неоспоримым лидером уже 40 лет подряд остаются США: их затраты на науку и НИОКР составили в 2011 г. треть от мирового объема затрат – \$427,2 млрд. Расходы Евросоюза (ЕС-27) составили примерно \$270 млрд. Китай в 2011 г. потратил на исследования и разработки \$174,9 млрд и вышел на второе место в мире, потеснив Японию. Расходы на НИОКР в Японии выросли до \$152,1 млрд (3,3% ВВП). Таким образом, доля Азии в общемировых затратах на НИОКР продолжает расти.

Россия замыкает десятку мировых лидеров по расходам на науку: Институт Battelle прогнозирует рост российских затрат на НИОКР до \$25 млрд в 2012 г., при этом доля этих расходов в ВВП страны останется неизменной – 1%.

2. Неразвитость инфраструктуры.

Лимитирующим фактором развития ДВВС является неразвитость инфраструктуры, в т. ч. инфраструктуры инноваций (технологической, финансовой, консалтинговой, кадровой, информационной). Развитие технологической основы для будущих инноваций предполагает значительные вложения в транспортную инфраструктуру, инфраструктуру НИОКР, а также инфраструктуру подготовки кадров и жилищное строительство. В целом на сегодняшний день необходимые элементы данной системы ни в одном из регионов ДВВС не созданы, нормативная база в части их функционирования и государственной поддержки фрагментарна.

Только выведение показателей развития инфраструктуры на приемлемый уровень в данном труднодоступном регионе позволит интенсифицировать торгово-экономическое сотрудничество с близлежащими странами.

ми. Одна из доминирующих задач России на предстоящем саммите – создание новых транспортно-логистических и энергетических систем в регионе. В этой связи можно надеяться на качественный прорыв и в инфраструктурном направлении.

Реиндустриализация Дальнего Востока и Восточной Сибири на основе высоких технологий («Индустриализация 2.0») является перспективным направлением для привлечения инвестиций как отечественных, так и зарубежных. Площадка саммита АТЭС-2012 может стать серьезным подспорьем для осуществления этих задач.

Литература

1. Восток: новый путь // Эксперт, № 27 (810), 2012. – С. 13–21.
2. Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность. – М.: ЛЕНАНД. –2006.
3. АРЕС Secretariat website // www.apec.org/content/apec/about_apec.html.
4. АРЕС Priorities // www.apec2012.ru/docs/about/priorities.html.
5. Ивашенцев Г. Саммит АТЭС-2012: Тихоокеанские горизонты России // Международная жизнь. – 2012. – № 2.
6. 2012 Global R&D Funding Forecast // http://battelle.org/docs/default-document-library/2012_global_forecast.pdf?sfvrsn=2.
7. Хазбиев А. На пределе возможностей // Эксперт. – 2012. – С. 34–35.
8. Экономика Китая. Анализ состояния и перспективы развития. – М.: Наука. – 2009.
9. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. – М.: ИДВ РАН, НОФМО. – 2008.
10. Коргун И.А. Попова Л.В. Внешнеэкономический фактор в развитии Республики Корея (1950–2000-е гг.) / под ред. проф. С.Ф. Сутырина. – СПб.: СПбГУ. – 2011.
11. Республика Корея: опыт модернизации / ред. В.М. Мазуров. – М.: Восточная литература РАН, 1996.
12. Япония: опыт модернизации. – М.: АИРО-XXI, 2011.
13. Ли Куан Ю. Сингапурская история: из третьего мира – в первый (1965–2000). – М.: Изд-во МГИМО, 2010.
14. Горизонты инновационной экономики в России. Право, институты, модели / под ред. акад. В.Л. Макарова. – М.: РАН, Ленанд, 2010.

Ринчино Андрей Львович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, ул. Ранжунова, 5. E-mail: arinchino@gmail.com

Rinchino Andrei Lvovich, candidate of economic sciences, associate professor, department of economics, Buryat State University. Ulan-Ude, Ranzhurov str., 5. E-mail: arinchino@gmail.com

УДК 338.439.222

© В.С. Потаев

**Фермерские хозяйства – основа устойчивого развития
малых сельских поселений**

Данная статья посвящена изучению фермерских хозяйств региона как основы устойчивого развития малых сельских поселений на примере Республики Бурятия.

Ключевые слова: сельское хозяйство, фермерские хозяйства, малые сельские поселения.

V.S. Potaev

**Farms as the basis of sustainable development
small rural settlements**

This article is devoted to the study of farms in the region as a basis for sustainable development of small rural settlements on the example of the Republic of Buryatia.

Keywords: agriculture, farms, small rural settlements.

Как известно, площадь земельного фонда Российской Федерации в мире самая большая и составляет 1 709,8 млн га, из них 400,0 занимают земли сельскохозяйственного назначения. Территория Республики Бурятия в составе России занимает 35,1 тыс. млн га (2,1%), однако это больше территории такой европейской страны, как Италия (31,0 тыс. млн га).

Большие территории земель в республике свидетельствуют о высоком наличии земельных ресурсов – главного средства производства в экономике сельского хозяйства. Однако сельские районы Республики Бурятия характеризуются низкой плотностью населения (1-1,5 чел. на 1 км²). Положение усугубляется тем, что жители села проживают главным образом в крупных населенных пунктах (в среднем по 600-700 чел.), и их мало (около 600 сельских поселений, до коллективизации было 2 300). Расстояния между отдельными ближайшими населенными пунктами достигают иногда до 100-200 км, и здесь много земель, которые не то что плохо, а совсем не используются. Из-за такой ситуации образовались неиспользуемые «пустоты». Для улучшения положения необходимо начать возрождение малых поселений, освоение неиспользуемых земель.

В свое время заместитель Председателя Правительства России по АПК А.В. Зубков при назначении Е.Б. Скрынник министром сельского хозяйства страны давал ей наказ, что с такими неиспользуемыми сельскохозяйственными землями необходимо срочно разобраться. Теперь в этом деле большие надежды возлагаются на нового министра МСХ РФ Н.В. Федорова – бывшего президента Республики Чувашия.

В революционной (1917 г.) России одним из примеров массовой организации неиспользуемых земель и создания малых поселений являлись

аграрные реформы, проводимые (1907–1911 гг.) под руководством премьер-министра того времени П.А. Столыпина.

Благодаря отмене крепостного права и столыпинским реформам, крестьянами было освоено около 40 млн га земли. Только в центральных губерниях России было создано около 200 000 хуторских малых поселений. При организации крестьянских хозяйств появилась заинтересованность в прошлом зависимых крестьян в результатах своего труда. Для сравнения: среднегодовое производство зерна в России за 1851–1860 гг. было 141 млн четвертей, тогда как в пореформенное десятилетие 1861–1870 гг. – 216 млн, прирост составил 46%.

За 10 лет реформ на отруба и хутора в России на 16 млн десятин были устроены 1,5 млн крестьянских хозяйств, это составляло 11% от их общего количества. Столыпинская аграрная реформа позволила каждому крестьянину выйти из общины со своим наделом и стать самостоятельным хозяином.

В Сибири, в том числе в Бурятии, как известно, крепостного права не было. Рассеянный или хуторской тип поселений в республике имеет историческое обоснование. Только в Хоринском ведомстве, по данным переписи 1897 г., числилось на заимках и буусанах 9 576 крестьянских хозяйств, в Селенгинском ведомстве – 5 963 хозяйств, в Баргузинском – 2 332.

К последним крупномасштабным мерам по развитию сельских территорий на базе малых поселений следует отнести аграрные реформы, проводимые в стране, связанные с Президентом России Б.Н. Ельциным, премьер-министром Е.Т. Гайдаром, министром сельского хозяйства страны В.Н. Хлыстуном, которые большое внимание уделяли развитию крестьянских (фермерских) хозяйств.

Развитие крестьянских (фермерских) хозяйств в республике происходило в основном за счет выделения членов семейных бригад, проживающих на так называемых животноводческих точках или малых поселениях, из состава коллективного хозяйства. При выходе из коллективного сельскохозяйственного предприятия ими за счет имущественного пая и земельной доли выкупалась земля и имущество семейной животноводческой фермы. В Республике Бурятия развитие фермерства в то время реально поддерживал Председатель Совета Министров В.Б. Саганов, особенно продуманно организация крестьянских (фермерских) хозяйств была проведена в Закаменском районе под руководством главы администрации Б.Ц. Семенова, в Окинском районе – под руководством Б.Д. Шарастепанова, а «пионером» массовой организации КФХ на уровне сельского поселения был глава СП «Улхасааское» Еравнинского района Ц.-Д.Ч. Зундуев.

Состояние развития фермерства республики за последние (2000–2010) годы представлено в табл. 1 [1].

Таблица 1

Число крестьянских (фермерских) хозяйств (на 1 января)

	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2010 г.
Число крестьянских (фермерских) хозяйств	2776	2551	2497	2497	2575
Площадь предоставленных им земельных участков, тыс. га	143,8	136,3	110,7	116,8	118,6
Средний размер земельного участка, га	52	53	44	46	46

Наибольшее количество К(Ф)Х в Бурятии было достигнуто в 1995 г. и составило 3 193 хозяйства, за которыми было закреплено 194,8 тыс. га земли, средний размер земельной площади фермерского хозяйства составлял в то время 61 га. В период с 2000 по 2010 г., как видно из табл. 1, наблюдалась определенная стабилизация численности К(Ф)Х и составляла около 2 500. В этот период наблюдается некоторое сокращение среднего размера земельного участка с 52 га до 46 га. Такая картина наблюдалась и в целом по Российской Федерации (от 261,7 тыс. в 2000 г. до 180,5 тыс. ед. в 2010 г.). Она объясняется недостаточным вниманием к развитию фермерского сектора сельского хозяйства, а точнее, его отсутствием со стороны властных структур страны и регионов.

Однако в последнее время, в связи с пересмотром взглядов на развитие фермерства в России в первую очередь со стороны Президента В.В. Путина, в стране происходят кардинальные улучшения. Так, число крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей, занимающихся сельскохозяйственным производством только за 2010 г. в стране возросло с 180,5 тыс. до 304,6 тыс. ед. или в 1,7 раза, в том числе по Сибирскому Федеральному округу с 21,7 тыс. до 36,7 тыс. (в 1,7 раза).

В Республике Бурятия, по данным Росстата на 01.01.2011 г., уже насчитывалось 4 368 К(Ф)Х и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих свою деятельность в сфере сельского хозяйства. Рост числа фермерских хозяйств только за 2010 г. составил 2 994 ед. или вырос в 3,2 раза (по нашим расчетам 1 793 ед. или в 1,7 раза). В то время, как в целом по Сибирскому Федеральному округу (по данным сравнительного анализа Росстата численности КФХ и ИП) увеличение их числа произошло в 1,7 раза, в том числе по Забайкальскому краю – в 1,6 и по Иркутской области – в 1,4 раза. Здесь необходимо отметить особый вклад в развитие К(Ф)Х заместителя Председателя Правительства Республики Бурятия, а ныне руководителя исполкома БРО ВПП «Единая Россия» и председателя регионального отделения АККОР Б.Г. Бальжирова совместно с депутатом Народного Хурала Республики Бурятия, секретарем политсовета БРО ВПП «Единая Россия» В.А. Павловым и другими.

Объемы производства основных видов сельскохозяйственной продукции, зарегистрированных в республике крестьянских (фермерских) хозяйств за период 2000–2010 гг., представлены в таблице 2 [1].

Таблица 2

Производство основных видов сельскохозяйственной продукции в крестьянских (фермерских) хозяйствах (тыс. т)

Виды продукции	Годы						2010г.в% к2000г.
	2000	2003	2005	2007	2009	2010	
Зерно	5,6	4,6	4,9	8,3	7,3	8,4	150,0
Картофель	4,0	2,5	3,0	3,7	5,4	6,0	150,0
Овощи	1,4	1,8	3,1	5,2	4,1	3,6	в 2,6 раза
Скот и птица на убой (в убойном весе)	0,7	1,1	1,1	1,3	1,0	1,5	в 2,1 раза
Молоко	5,5	9,6	7,9	9,6	7,5	8,3	150,9
Яйца, млн шт.	0,6	0,6	0,4	0,4	0,3	0,6	100,0
Шерсть (в физическом весе), т	15	34	40	55	59	76	в 5,1 раза

Из табл. 2 следует, что, несмотря на стабилизацию числа крестьянских (фермерских) хозяйств за анализируемый период (2000-2010 гг.), производство сельскохозяйственной продукции увеличилось в 1,5-2 и более раза. Наибольшее увеличение наблюдается в производстве овощей, мяса и шерсти (2,6; 2,1 и 5,1 раза). При этом значительно выросла товарность производства продукции сельского хозяйства. Так, по данным Бурстата [2], уровень товарности производства зерна К(Ф)Х за 2011 г. составил 35,1%, картофеля – 58,3%, овощей – 67,6%, скота и птицы на мясо – 82,9%, молока – 28,7% и яиц – 23,3%. В то время, как в хозяйствах населения товарность производства картофеля за этот период составила: 10,6%; овощей – 1,4%, скота и птицы на мясо – 25,6%, молока – 11,3% и яиц – 7,4%.

Значение фермерского сектора в производстве продукции сельского хозяйства в целом по стране тоже значительно выросло. Так, удельный вес крестьянских (фермерских) хозяйств в общем объеме производства зерна с 8,4% в 2000 г. вырос до 21,9% в 2010 г., овощей соответственно – с 2,2 до 11,4%, численности крупного рогатого скота – с 2,0 до 7,4%, в том числе коров – с 2,0 до 8,4%, свиней – с 2,5 до 4,6%, овец и коз – с 5,8 до 28%. Данные факты свидетельствуют о высокой эффективности К(Ф)Х даже при отсутствии целевой поддержки фермеров со стороны государства. И это было признано Президентом страны В.В. Путиным, в то время Председателем Правительства на 22-м съезде Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР), которая состоялась в марте 2011 г.

В дальнейшем перспективы развития фермерства уже при поддержке государства связаны в первую очередь с «Государственной программой развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.», где в специальной подпрограмме «Поддержка малых форм хозяйствования» целевыми индикаторами и ожидаемыми результатами определены рост числа крестьянских (фермерских) хозяйств и объемы производимой ими продукции. Кроме того в стране продолжают действовать такие целевые программы, как «Развитие крестьянских (фермерских) хозяйств и других малых форм хозяйствования в АПК», «Развитие пилотных семейных молочных животноводческих ферм на базе крестьянских (фермерских) хозяйств», «Поддержка начинающих фермеров на период 2012–2014 гг.».

В Бурятии существует РЦП «Развитие агропромышленного комплекса и сельских территорий в Республике Бурятия» с подпрограммой «Развитие сельскохозяйственной потребительской кооперации и малых форм хозяйствования», где большое внимание уделяется мероприятиям по повышению уровня квалификации владельцев крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйств. Республиканская целевая программа «Сохранение и развитие малых сел в Республике Бурятия на 2012–2015 гг.» непосредственно касается развития малых поселений. Внедрение данных программ, надеемся, придаст дополнительный импульс развитию фермерского движения в Республике Бурятия.

Таким образом, развитию фермерства в стране, в том числе по регионам, в частности, в Бурятии, стало уделяться достаточно внимания. За рубежом в экономически развитых странах мира, где основной формой ведения сельского хозяйства являются фермерские хозяйства, они всегда находятся под пристальным вниманием со стороны государства и общественности. Так, в США каждые четыре года Конгресс обсуждает и принимает основной закон сельского хозяйства «Закон о фермерстве».

Согласно определению, данному еще в Большой Советской энциклопедии [3], «фермерским хозяйством считается частное товарное сельскохозяйственное предприятие предпринимательского типа, ведущееся на собственной или арендованной земле. Данный вид хозяйствования тесно связан с хуторским характером поселения».

В связи с этим перспективы развития крестьянских (фермерских) хозяйств связаны в первую очередь с возрождением и развитием малых поселений (хуторов). Так, в США типичная планировка сельских территорий представляет собой четкие квадраты земель малых поселений, заметных с высоты птичьего полета. Это территории фермерских хозяйств – каждая площадью более 100 га. Угодья хозяйств ограничиваются подъездными дорогами, внутри которых находятся жилище семьи фермера, хозяйственные постройки и обрабатываемые земли [4]. В Америке нет пустующих земель, все земли, пригодные для сельскохозяйственного

производства, освоены фермерами, а их места проживания можно назвать малыми поселениями.

Земля в любой стране является наиболее важным экономическим ресурсом в развитии К(Ф)Х, бывает она в собственности крестьянского (фермерского) хозяйства, либо в аренде. Размер и качество земли являются решающим фактором в развитии крестьянских (фермерских) хозяйств. Средний размер земельного участка у российских фермеров в целом по стране составляет чуть более 50 га, в Республике Бурятия данный показатель равен 46 га. В докладе МСХ РФ «О состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения (2011 г.)» [5] отмечено, что из используемых в России фермерами сельскохозяйственных угодий 29,6% земель находятся у них в собственности, 4,1% – в пожизненном наследуемом владении, 33,6% – арендованы у государственной муниципальной собственности и 30,2% – у других организаций и граждан. Такая ситуация, когда у российских фермеров не хватает земли или мало имеется в их собственности, для страны, обладающей огромными, при этом зачастую неиспользуемыми земельными ресурсами, является, по крайней мере, непонятной.

Другим важным экономическим ресурсом для К(Ф)Х является наличие техники. На сегодняшний день труд в фермерских хозяйствах в основном остается ручным. Следует повышать инвестиционную привлекательность фермерства с освоением не только государственных финансов, но и частного, в том числе иностранного, капитала. Из-за недостаточности финансовых ресурсов крестьянские (фермерские) хозяйства Бурятии вынуждены заниматься в основном традиционным пастбищным животноводством. Фондоёмкие виды производства, требующие крупных капиталовложений, например, производство молока для фермеров республики, остаются пока лишь желанными видами производства. В то время как в Республике Татарстан, согласно докладу МСХ РФ «О реализации ОЦП: Развитие семейных животноводческих ферм» [6] за 2009–2010 гг., создано 107 новых животноводческих ферм, в том числе новых 66 и реконструировано 41. В настоящее время в республике действует более 400 семейных ферм, из них 176 молочных. До 2015 г. планируется довести до 1 000 ед. При этом большинство семейных ферм высокотехнологичны, т.е. построены и будут построены с крупными капиталовложениями и при значительной поддержке государства. Только за 2011 г. профинансировано 80 семейных ферм на сумму 155 млн р., установлено технологическое оборудование на сумму 89 млн р., предоставлено субсидий по приобретенному скоту семейными фермами в размере 20 млн р. и подведено подъездных путей к семейным фермам на сумму 101 млн р. В то время как в Республике Бурятия, согласно вышеназванному докладу, за 2009–2011 гг. создана лишь 1 ферма.

Социальная сторона является не менее важной при повышении эффективности деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств. Например, меняется статус ЛПХ с переходом в К(Ф)Х, фермер становится полноценным субъектом социально-экономической деятельности. Большую роль играет поддержка семьи, распределение функций (как правило, глава семьи является главой фермерского хозяйства, выполняет функцию производителя сельскохозяйственной продукции; жена занимается бухгалтерией, оформлением различного рода документации, а дети и другие родственники помогают). Связи между родственниками, соседями, а также деловыми партнерами, руководителями, учеными и специалистами разного ранга помогают им с финансовой и психоэмоциональной точек зрения, обеспечивают обмен информацией и т.п.

Другие проблемы фермеров связаны с проживанием на хуторах, в малых поселениях. В РБ, по данным министерства сельского хозяйства и продовольствия республики, имеется 1 815 животноводческих стоянок, где содержатся 66 811 гол. крупного рогатого скота, 79 156 мелкого рогатого скота, 15 055 лошадей и 4 313 свиней. Все они расположены в отдалении от сельских населенных пунктов. Расстояние от этих стоянок до ближайших населенных пунктов различное: от 2-3 км до 40–60 км. Например, в Еравнинском районе на территории СП «Улхасааское» стоянка фермера З.Г. Цыдыпова находится в местности «Хотогор-Шэлэ» на расстоянии 3 км от с. Улхасаа, Б.З. Гармаева (местность «Алганта») – на расстоянии 6 км; в СП «Исингинское» ферма Б.Ж.Б. Дылыкова (местность «Усть-Заза») удалена от с. Исинга на расстояние 48 км, а Т.Г. Тугалхоновой (местность «Хисагда») – на 65 км.

Несмотря на это, желающих стать фермерами, переехать на заимки и буусаны (малые поселения) и организовать там предпринимательские хозяйства много. По данным наших исследований, проведенных в Хоринском районе, желание переехать на заимку с целью расширения своего личного подсобного хозяйства отметили 21 человек, или 44,7% из числа опрошенных.

Для определения динамики развития К(Ф)Х, в случае переезда семейных ферм на малые поселения, нами в 2007 г. были исследованы несколько успешных в этом отношении хозяйств Хоринского и Кижингинского районов, в частности, Б.Ж. Жамбалдоржиева, Д.Ц.Ц. Дондокова, Л.А. Беликтуевой и Б.Н. Холбоева. Хозяйства были организованы соответственно в 1998, 1992, 2000 и 2002 гг., в настоящее время все они расположены на заимках (малых поселениях).

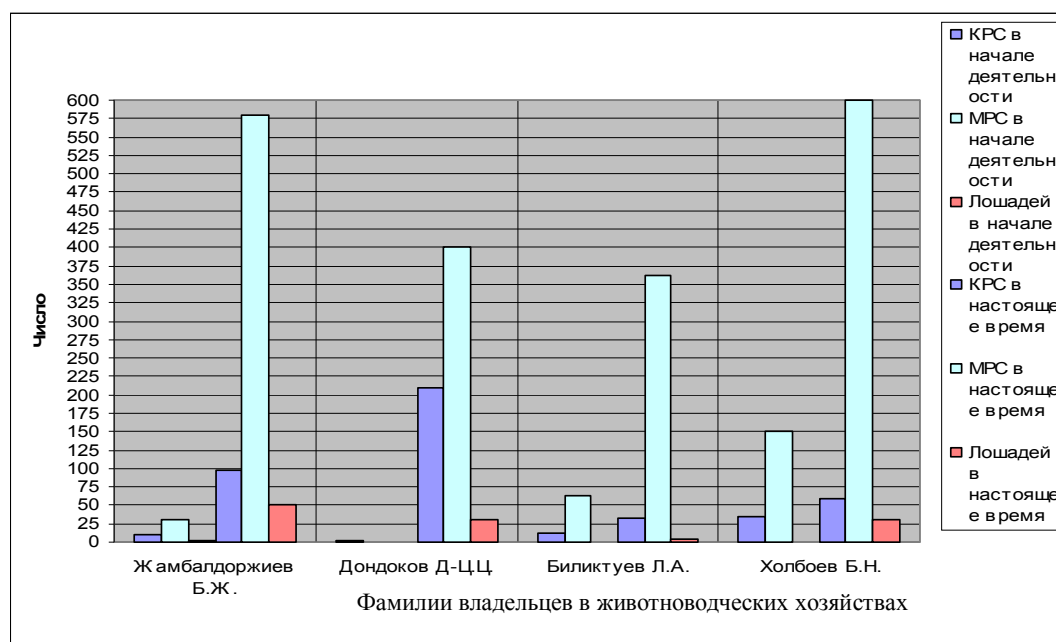

Рис. 1. Число скота в начале и в настоящее время у фермеров, проживающих в малых поселениях

В начале своей деятельности они имели в среднем по 15 голов крупного рогатого скота, 60 овец и 2 лошади, к настоящему времени численность скота соответственно возросла до 100, 490 и 30 голов. Перечисленные фермеры за 6–10 лет увеличили поголовье крупного рогатого скота в 7, овец – в 8 и лошадей – в 15 раз.

Число успешных фермеров и предпринимателей, живущих в малых поселениях, значительно выросло не только в перечисленных, но и в других районах республики. Наиболее успешные из них в Баргузинском районе – О.Ю. Цивилев, Л.Д., Малыгина в Бичурском – Д.Д. Дагбаев, Н.Т. Бурцев, Г.Л. Ульзытуев, в Еравнинском – Д.Ч. Зундуев, Р-Х.Б. Цыренова; в Закаменском – Ж.Б. Шойдонов, Н.Д. Лайжапов; в Кижингинском – Б.П. Хазкеев, Ж.Б. Балдуев; в Курумканском – В.В. Банаев; в Кяхтинском – О.В. Чимбеева; в Мухоршибирском – И.С. Гармаев; в Окинском – Б.С. Самбялов, Ю.В. Самбялов, К.Ф. Габанов, Ф.С. Сонопов; в Селенгинском – З.Ю. Цоктоев, В.С. Будаев; в Тарбагатайском – П.С. Мясников, О.В. Максимов и в Тункинском районе – Ц.Х. Ябжанов и Л.П. Янданов

В настоящее время создание новых крестьянских (фермерских) хозяйств, развитие малых поселений получило в Бурятии динамичный характер. Это подтверждается высказыванием главы Бичурского района В. Калашниковым: «Буквально три-четыре года назад даже немножко бы-

ло горестно, проезжая по территории нашего района, смотреть на те стоянки заброшенные, которые когда-то принадлежали бывшим колхозам. Сегодня радуется глаз, все стоянки заняты, распределены, на них новые хозяева. Эти стоянки, заимки родовые обрели вторую жизнь» [7].

Для дальнейшего увеличения числа успешных фермеров необходимо создавать для этого условия. Решение человека стать предпринимателем принимается обычно тогда, когда желаемое совпадает с возможным. Желание складывается под влиянием общей культуры, менталитета народа, когда человека, открывшего свое дело, уважают, одобряют, желают следовать его примеру, есть поддержка и забота со стороны государства, когда есть семейная традиция. Исследования в США и других странах показали, что в 50–72% случаев у основателей индивидуального бизнеса, по крайней мере, один из родителей имел свободную профессию. Немаловажную роль в этом деле играет и школа. Выпускники школ, в которых увлекательно велись занятия по предпринимательству, фермерскому делу, нередко выбирали своей профессией предпринимательство. И наконец, для формирования желания важно иметь общение с единомышленниками, т. е. желающими стать фермерами или с реальными фермерами.

Следовательно, в процесс развития предпринимательства должны быть вовлечены средства массовой информации, лучших фермеров надо показывать по телевидению, говорить о них по радио, писать в газетах и журналах, они должны стать своего рода героями, и не только на селе. В каждой сельской школе, сельскохозяйственном колледже или вузе должны быть курсы по организации и ведению крестьянских (фермерских) хозяйств. Знания будущему фермеру придают больше уверенности и усиливают его желание создать собственное дело. Кроме того, не зная технологических особенностей сельского хозяйства и не обновляя свои знания в различных сферах (правовых, экономических, политических и т.д.) трудно оперативно принимать решения и конкурировать на рынке. Для общения фермеров и обмена опытом между собой необходимо периодически организовывать съезды, конференции, выставки, конкурсы и др. При этом вход на эти мероприятия должен быть свободным, особенно для тех, кто в будущем хотел бы создать собственное дело. Общение с единомышленниками тоже будет укреплять желание организовать фермерское хозяйство.

Для создания возможностей организовать предпринимательское хозяйство, переехать на заимку или хутор, нужна государственная поддержка организации сельскохозяйственного предпринимательства. Даже во времена столыпинских реформ переселенцам на новые безлесные районы бесплатно выделялось по 280 бревен на строительство жилья и надворных построек, а также по 50 жердей на установку изгороди. В Германии, Дании, Швеции и других странах Западной Европы, где первоначальный способ расселения тоже был деревенским, в конце XVIII и начале XIX в.

осуществлен переход к системе хуторов, населению выдавались специальные ссуды на переселение из сел и деревень на хутора в целях создания фермерских хозяйств. В некоторых случаях, когда государственная поддержка была целевой и оказывалась непосредственно человеку, семье, переселение происходило в самых широких масштабах.

Во-вторых, фермеру необходимо создавать условия для получения соответствующей профессиональной подготовки. Знания и практический опыт, полученные во время занятий, должны дать будущему фермеру возможность рационально организовать собственное дело. И, наконец, для создания своего дела на селе нужен первичный капитал, в первую очередь земля. Кроме того, у желающих стать фермером должен быть хоть какой-то свой первичный капитал. Так, правительство П.А. Столыпина запрещало землеустроительным комиссиям и «Крестьянскому банку» передачу казенной земли люмпенам, не имевшим инвентаря и рабочего скота. Приобретать казенные земли на льготных условиях могли лишь относительно состоятельные хозяева.

Таким образом, из анализа развития крестьянских (фермерских) хозяйств видна роль государственной поддержки и в особенности важна роль личностей представителей власти как на федеральном, так и на местном уровнях. При этом государство и его представители должны быть озабочены не столько производством сельскохозяйственной продукции, а сколько созданием благоприятных условий для их реализации, улучшением социальных условий для лиц, проживающих в малых поселениях, пропаганде фермерства и др. Такая политика будет вполне соответствовать требованиям ВТО, полноправным членом которой Россия уже является. Надежды на осуществление такой политики обусловлены содержанием принятых целевых федеральных и региональных программ по развитию сельского хозяйства, различных отраслевых программ, в том числе по развитию К(Ф)Х и тем, что проект «Российский фермер» является проектом партии «Единая Россия», фактом назначения нового министра сельского хозяйства России Н.В. Федорова, который будучи президентом Республики Чувашия, многое сделал именно в развитии социальной сферы села. Перспективы развития села в целом обозначены в проекте концепции Федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 гг. и на период до 2020 г.» [8]. К сожалению, в ней никак не отражено развитие крестьянских (фермерских) хозяйств, малых поселений. Данный факт является просто казусным, когда признается необходимость развития фермерства, а решение проблем мест проживания фермеров, улучшения социальной инфраструктуры крестьянских (фермерских) хозяйств на перспективу, исходя из проекта основной социальной программы развития села, остается непонятным. Если срочно не внести поправки в вышеназванный проект, может повториться ошибка государственного масштаба, которая произошла при реализации программы

«Развитие АПК» по подпрограмме «Развитие малых форм хозяйствования». Как известно, тогда выдавались целевые льготные кредиты владельцам личных подсобных хозяйств на приобретение сельскохозяйственных животных, а они, проживая в деревнях и селах, не имея достаточных земельных ресурсов, были вынуждены использовать полученные деньги на другие цели, фиктивно оформляя приобретение скота. Поэтому необходимо стимулировать расселение сельчан по хуторам, малым поселениям в условиях достаточных земельных ресурсов.

В сельском хозяйстве земля является главным ресурсом производства, поэтому только организация неиспользуемых земель, возрождение малых сельских поселений через развитие фермерских хозяйств позволит нарастить объемы производства сельскохозяйственной продукции, создать на селе новые рабочие места, повысить уровень благосостояния людей, сформировать на селе так называемый «средний класс», улучшить социальную обстановку.

Литература

1. Бурятия в цифрах: стат. сб. / Бурятстат. – Улан-Удэ, 2011. – С. 61.
2. URL:http://burstat.gks.ru/public/sr_inform2012
3. Большая советская энциклопедия. (В 30 томах). Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. М.: Советская энциклопедия. Т. 27., 1977. – С. 203.
4. Проведение научных исследований и разработка методических рекомендаций по технико-экономическому обоснованию и составлению перспективных пилотных проектов комплексной застройки и благоустройства сельских поселений: отчет о науч.-исслед. работе (промежуточный). – М.: Финансовый и организационный консалтинг. –2008. – С. 12-18.
5. О состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения: доклад. – М.: МСХ РФ. – 2011. – С. 16-17.
6. О реализации ОЦП «Развитие пилотных семейных животноводческих ферм на базе крестьянских (фермерских) хозяйств на 2009–2011 годы: доклад. – М.: МСХ РФ. 2012. – С. 7-24.
7. URL:<http://www.bgtrk.ru/kategorii-novostey/2010-09-13-04-09-03>
8. Концепция ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» (проект).

Потаев Виктор Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой организации производства, коммерции и предпринимательства Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова. E-mail: potaev@rambler.ru

Potaev Victor Sergeevich, doctor of economic sciences, professor, head of the department of organization of production, commerce and entrepreneurship, V.R. Philippov Buryat State Academy of Agriculture. E-mail: potaev@rambler.ru

Формирование и реализация налогового потенциала регионов СФО¹

Статья посвящена исследованию теоретических и методических подходов к оценке величины налогового потенциала региона. Содержит анализ основных проблем, препятствующих оценке налогового потенциала в современных условиях, обзор и классификацию методик, приводимых в экономической литературе.

Ключевые слова: *налоговый потенциал региона, налоговая база, налогооблагаемые ресурсы, налоговые поступления, методы оценки и прогнозирования.*

L.R. Slepneva, N.L. Khantaeva

Formation and realization of tax capacity of the SFO regions

The article is devoted to research of theoretical and methodological approaches to an assessment of the tax capacity value of the region. It contains an analysis of the main problems interfering an assessment of tax potential in modern conditions, a review and classification of techniques given in economic literature.

Keywords: *tax potential of the region, tax base, taxable resources, tax revenues, assessment and forecasting methods.*

Налоговая и бюджетная политики регионов, формируемые и реализуемые в рамках Концепции реформирования бюджетного процесса в РФ и Бюджетного кодекса РФ, определяют в качестве приоритетов мобилизацию собственных доходов как осуществление функции налогов – фискальной, и развитие налогового потенциала, направленного на реализацию еще одной функции налогов – регулирующей, содействующей реформированию межбюджетных отношений и сбалансированности региональных бюджетов. Все перечисленное актуализирует вопросы оценки, эффективного использования и поиска резервов роста налогового потенциала регионов, характеризующего предельно возможный объем налогов, сборов и других обязательных платежей, рассчитанных по законодательно утвержденным ставкам (по их предельному уровню) и предназначенных для зачисления в бюджетную систему.

Налоговый потенциал, с одной стороны, предопределен экономической структурой региона и характеризуется его обеспеченностью налогооблагаемыми ресурсами, признаваемыми налоговыми объектами или ба-

¹ Статья выполнена в рамках научно-исследовательского проекта № 11-12-03004а/Т «Оценка налогового потенциала региона на основе эконометрических методов» (руководитель Слепнева Л.Р.), выполняемого при финансовой поддержке по региональному конкурсу РГНФ «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном».

зами. С другой стороны, именно налоговый потенциал составляет ту материальную основу налоговых поступлений, которая служит базой для формирования доходной части бюджетов разного уровня, в том числе и регионального. Исходя из этого, в практике оценивания величины налогового потенциала проявляется ряд проблем, связанных с осуществлением расчетов «...в условиях ограниченности и неоднородности данных об объектах налогообложения», при этом «...необходимо рассматривать разнородные по финансово-экономическим, технико-экономическим и организационным показателям объекты налогообложения, различные условия функционирования схожих объектов в различных территориальных, административных и других образованиях, а также разные условия дифференциации налоговых изъятий» [1]. Безусловно, названные проблемы приводят к некоторому усложнению в решении задачи обеспечения высокой достоверности оценки налогового потенциала.

Существенное значение для обеспечения объективности оценивания имеет и объем «теневого» оборота, оцениваемый по публикуемым данным разных источников от одной десятой до одной трети величины легального оборота. При решении проблемы легализации «теневых» средств они могли бы значительно скорректировать в сторону увеличения сумму планируемых поступлений и фактически собираемых налогов и сборов, а также совокупный объем налогооблагаемых ресурсов территории. Пока же объем «теневого» оборота должен оцениваться с существенной долей погрешности, как выпадающие доходы в величине налогового потенциала, что сильно влияет на достоверность оценки его величины.

Важнейшим фактором, трудно учитываемым в оценке налогового потенциала, является «...экспорт налогового бремени в виде прямого и косвенного налогообложения нерезидентов данного региона» [2]. Большая часть применяемых в настоящее время методов оценки налогового потенциала не учитывает в полном объеме экспорт налогового бремени (за исключением метода репрезентативной системы налоговых показателей).

Кроме того, еще одной проблемой в оценке налогового потенциала является «...сложность современной налоговой системы и ее чрезмерная динамичность» [3]. За двадцатилетний срок существования современной налоговой системы России можно проследить и выделить периоды усиления косвенного и прямого налогообложения, послабления налогового бремени для малого и крупного бизнеса. При этом ставка основного корпоративного налога – налога на прибыль организаций – изменялась пять раз (составляя, соответственно 30%, 35%, 30%, 24%, 20%). Сложность современной налоговой системы для участников налоговых отношений обусловлена большим числом разнонаправленных платежей, различающихся сроками уплаты, дифференцированностью механизма учета и опеределения налоговой базы, установленными величинами ставок и поряд-

ком предоставления отчетности по каждому налогу и сбору. По оценкам некоторых ученых и практиков, сложность современной налоговой системы еще более отягчается переменчивым, громоздким и зачастую противоречивым законодательством [4, 5 и др.].

Однако перечисленные проблемы в оценке налогового потенциала не приводят к отказу от его использования при определении налоговых возможностей, поскольку расчеты налоговых доходов по величине налогового потенциала содействуют повышению эффективности бюджетного планирования и оптимизации межбюджетного выравнивания. По мнению ряда ученых, измерение налоговых доходов с помощью показателей налогового потенциала дает следующие преимущества [6, 7]:

- повышение заинтересованности органов местного самоуправления в сокращении налоговых недоимок, поскольку уменьшение собираемости налогов не будет компенсироваться увеличением объемов финансовой помощи из вышестоящего бюджета;

- повышение заинтересованности использования налоговой базы, что предполагает отказ от предоставления необоснованных налоговых льгот.

В наши дни регионы России существенно разнятся по ряду показателей социально-экономического развития, а также по сумме налоговых поступлений в консолидированный бюджет страны. Так, для регионов Сибирского федерального округа присуща неравномерность в величине исчисленной и фактически поступившей суммы налогов и сборов в консолидированный бюджет РФ (рис. 1).

Рис. 1. Поступление налоговых платежей в бюджетную систему РФ по регионам СФО

Среди регионов СФО наибольшая сумма налоговых поступлений в бюджетную систему страны характерна для Красноярского края, Кемеровской и Новосибирской областей. При этом для большей части регионов СФО присуще нарастание сумм налоговых поступлений в бюджетную систему страны в динамике анализируемого периода. Для республик Алтай, Бурятия и Тыва характерна неустойчивость динамики, при этом колебания достигают 10-15%.

Следует подчеркнуть, что наибольший интерес представляет не столько общая сумма, исчисляемая в бюджетную систему страны, как ее величина в расчете на одного среднестатистического жителя региона.

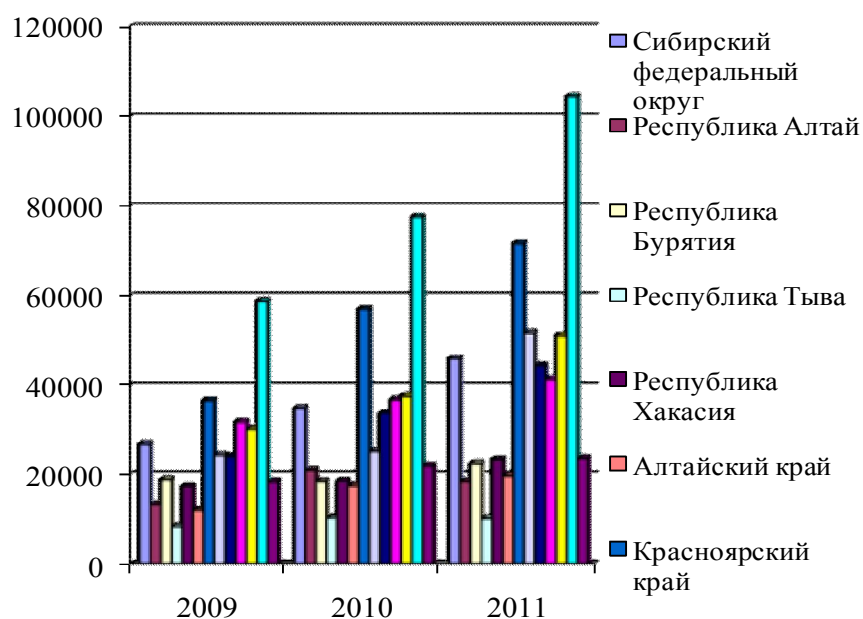

Рис. 2. Объем налоговых платежей в бюджетную систему РФ в расчете на одного жителя

Регионами-лидерами по объему платежей в бюджетную систему РФ в расчете на одного жителя являются Томская область, Красноярский край и Омская область. По мнению авторов, в большей степени данная ситуация предопределена специализацией отраслевого комплекса названных регионов, наличием в них большого числа крупных субъектов хозяйствования и их технико-технологической оснащенностью, развитостью инфраструктурного комплекса.

По оценкам многих исследователей, в наши дни в более выгодном положении оказались крупные регионы с высокодиверсифицированной структурой хозяйства и высоким уровнем развития сферы услуг, а также регионы, специализирующиеся на добыче природных ресурсов [8].

Важнейшим показателем, характеризующим эффективность реализации налогового потенциала, является коэффициент собираемости налогов и сборов, рассчитываемый как отношение фактически собранной к начисленной к уплате сумме налогов и сборов. В целом по регионам СФО отмечается значение этого коэффициента больше единицы. Однако для ряда регионов, в числе которых и Республика Бурятия, характерны периоды с неустойчивой динамикой. Учитывая данное обстоятельство, рассмотрим значение этого коэффициента в разрезе отдельных налогов и сборов (табл. 1).

Таблица 1

Динамика коэффициента собираемости налогов и сборов в Республике Бурятия

Значение показателя в разрезе отдельных налогов и сборов, доля единицы	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
ВСЕГО Консолидированный бюджет РФ (без ЕСН)	1,05	1,02	1,03	0,98
Налог на прибыль организаций	1,06	0,97	0,98	0,94
НДФЛ	1,12	1,10	1,07	1,05
НДС	0,99	0,84	1,13	0,73
Акцизы	0,99	0,99	1,00	1,00
НИФЛ (налог на имущество физических лиц)	1,06	0,86	0,82	2,24
НИО (налог на имущество организаций)	1,01	0,99	0,97	1,00
ТН (транспортный налог)	0,875	0,91	0,87	0,98
ЗН (земельный налог)	1,04	1,02	0,98	1,94
НДПИ	0,99	0,99	1,01	0,99
ВН (водный налог)	0,99	0,98	1,09	0,94
УСНО	0,85	1,97	0,92	0,91
ЕНВД	0,89	0,89	0,89	0,98
ЕСХН	0,87	1,16	0,86	0,91

Среди федеральных налогов и сборов относительно низким значением отличаются: налог на прибыль организаций, налог на добычу полезных ископаемых и водный налог. В числе региональных налогов низкий коэффициент собираемости присущ для поступлений по транспортному налогу. Некоторая неустойчивость отмечается и по поступлениям по специальным налоговым режимам. Все это требует совершенствования мето-

логии и методики налогового планирования, в том числе в оценке налогового потенциала.

Для определения налогового потенциала регионов СФО использован метод, основанный на применении данных форм налоговой отчетности и корректировке сумм фактически собранных налогов. Расчет выполнен за один налоговый период – 2011 г. При определении налогового потенциала применены следующие источники: Налоговый кодекс Российской Федерации; статистические данные о поступлении налогов, сборов и иных обязательных платежей; статистические данные о задолженности по налогам, сборам и иным обязательным платежам в бюджетную систему регионов СФО; статистические данные о результатах контрольной работы налоговых органов; данные о налоговых льготах, установленных в соответствии с действующим законодательством.

Главными преимуществами данного метода являются: простота расчетов, наличие всей необходимой информации в сборниках официальной статистики. Кроме того, итоговый результат позволяет проследить прирост/снижение задолженности по налогам и сборам; степень влияния предоставляемых льгот на совокупный объем налоговых поступлений; соотношение величин налогового потенциала и фактических налоговых поступлений в регионах СФО.

Основной недостаток метода, основанного на применении данных форм налоговой отчетности и корректировки сумм фактически собранных налогов (низкая достоверность результатов), в данном случае является допустимым, поскольку при сравнительной характеристике величин налогового потенциала регионов возможное отклонение одновременно отражается во всех вычислениях и практически нивелируется в итоговом сравнении.

В оценке за 2011 г. максимальная величина налогового потенциала отмечена в Красноярском крае, несколько меньшая – в Новосибирской и Кемеровской областях. За этот же период минимальная величина налогового потенциала установлена в республиках Алтай и Тыва. Соотношение максимальной и минимальной величин налоговых потенциалов регионов СФО достигает почти 45 раз, что свидетельствует об их существенной дифференциации (рис. 2).

Показателем эффективности использования налогового потенциала можно считать удельный вес суммы фактических поступлений налогов, сборов и иных обязательных платежей в его расчетной величине. Наибольшее значение показателя эффективности использования налогового потенциала присуще для Кемеровской области и Красноярского края (83-84%), минимальное – для Республики Тыва (менее 70%).

Оценка налогового потенциала регионов СФО в разрезе отдельных налогов свидетельствует о значительной доле налога на доходы физиче-

ских лиц (45-50%), налога на прибыль организаций (23-27%) и налога на имущество организаций (10-14%) в совокупной его величине.

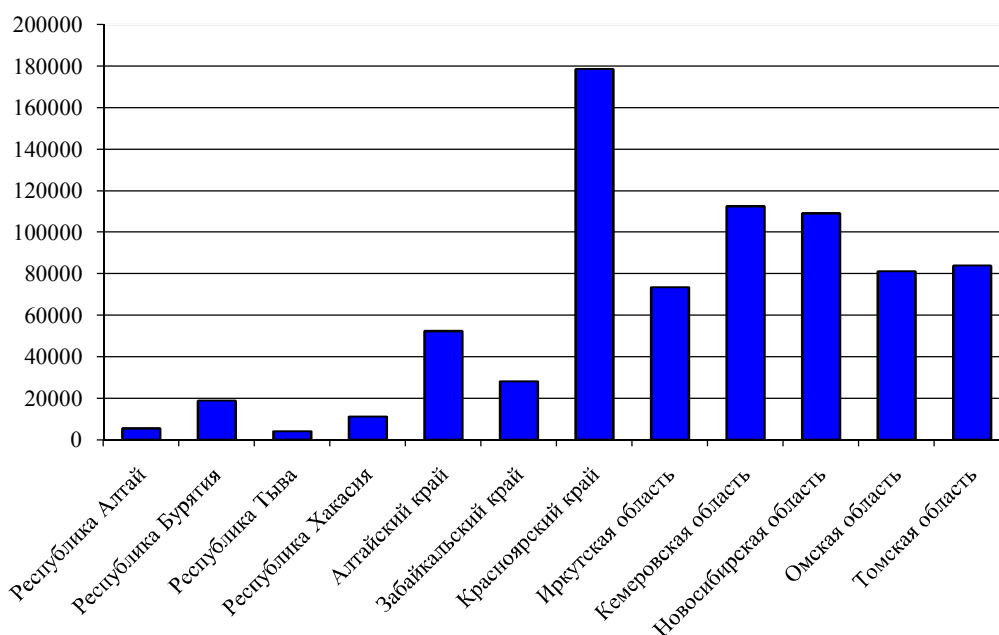

Рис. 2. Величина налогового потенциала регионов СФО в 2011 г.¹

Сложность и многоаспектность социально-экономических процессов, протекающих на региональном уровне, определяют необходимость не только оценки величины налогового потенциала, но и поиска резервов его приращения и эффективного использования с целью разработки различных вариантов экономического развития региона.

Развитию экономики региона с учетом оценивания налогового потенциала, по мнению некоторых ученых, будет содействовать формирование и реализация инвестиционно-ориентированной налоговой политики, включающей [9]:

- формирование налоговой системы, поощряющей процессы накопления в отношении юридических и физических лиц;

¹ Рассчитано авторами на основе источников:
http://www.novosibstat.ru/federal/sfo_2/default.aspx
и <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main>

- дифференцированный подход при налогообложении предприятий производственного и непроизводственного сектора, стимулирование товаропроизводителей;

- стимулирование частных инвестиций на развитие собственной производственной базы регионов;

- максимально возможное сокращение льгот, не имеющих отношения к инвестиционной деятельности и снижающих собираемость налогов.

Безусловно, предложенные направления налоговой политики будут содействовать наращению инвестиционных возможностей хозяйствующих субъектов как для самофинансирования, так и для финансирования деятельности сторонних организаций в регионе. Однако реализация предложенных направлений, по мнению авторов, может существенно снизить уровень собираемости налогов и сборов, а также деструктивно отразиться на величине налогового потенциала.

В качестве основного направления эффективного использования и увеличения налогового потенциала отдельные исследователи предлагают ужесточение контроля за соблюдением действующего законодательства по борьбе с «теневой экономикой», особенно в сфере малого бизнеса. При этом основными направлениями борьбы с «теневой экономикой» должны стать: создание условий, стимулирующих контроль одних субъектов экономических отношений за уплатой налогов другими субъектами; увеличение роли муниципальных налогов; создание коммерческих льгот для фирм с хорошей налоговой репутацией; повышение налоговой культуры [10]. Реализация названных направлений, по оценке авторов, будет способствовать решению проблемы легализации «теневых» средств, что позитивно повлияет и на объем собираемых налогов и сборов, и на величину налогооблагаемых ресурсов территории.

Существенным резервом повышения налогового потенциала может стать объединение имущественных налогов в налог на недвижимость, оцениваемой по стоимости, взаимоувязанной с рыночной. Введение налога на недвижимость, с одной стороны, позволит сформировать стабильный источник доходов бюджета, а с другой, будет стимулировать повышение эффективности использования ресурсов и модернизации производства у собственников.

Реализация перечисленных мероприятий будет способствовать повышению налогового потенциала и росту уровня собираемости налоговых платежей.

Поскольку налоговый потенциал определяет будущие налоговые поступления, то оценка его величины будет содействовать более реалистичному планированию доходов региональных и местных бюджетов, оптимизации уровня налоговой нагрузки хозяйствующих субъектов территории и выработке стратегических направлений налоговой политики.

Литература

1. Исмагилова Л.А., Сергеева И.Г., Орлова Е.В. Оценка налогового потенциала с использованием методов искусственного интеллекта // Российское общество оценщиков. Вопросы оценки. Ч. 1. – №1, 2001. – С. 2-6.
2. Лавренчук Е.Н. Налоговое прогнозирование // Финансы, денежное обращение и кредит. Экономические науки. – №1(74), 2011. – С. 257-260.
3. Прокопенко Р.А. Понятие налогового потенциала в экономическом развитии региона // Успехи современного естествознания. – № 12, 2007. – С. 113-115.
4. Барулин С.В., Ермакова Е.А., Степаненко В.В. Налоговый менеджмент. – М.: Омега-Л. – 2007. – 272 с.
5. Петров А.В., Толкушин А.В. Налоги и налогообложение. – М.: Юрайт. – 2012. – 889 с.
6. Рошупкина В.В. Концепция прогнозирования налогового потенциала субъекта Федерации на основе системы общеэкономических показателей развития региона // Вест. Северо-Кавказского гос. тех. ун-та. – № 5(9), 2006. – С. 181–183.
7. Леонов С.Н., Казанцев Т.В. Межбюджетные отношения на уровне субъекта Федерации. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 101 с.
8. Лях О.А., Урман Н.А. Оценка налогового потенциала регионов Сибирского федерального округа // Вест. Томского гос. ун-та. – №3(15), 2011. – С. 139-148.
9. Каримова А.Р., Азнабаева Г.Х. Развитие экономики региона посредством налогового регулирования // URL: <http://www.icp-ua.com/ru/node/520>.
10. Серебрякова О.В. Оценка налогового потенциала региона на основе макроэкономических показателей // Проблемы экономики и статистики в общегосударственном и региональном масштабах: сб. ст. III Всерос. науч.-практ. конф. – Пенза: РИО ПГСХА, 2006. – С. 104-108.

Слепнева Людмила Романовна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Налоги и налогообложение» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. Тел. (3012)213744. E-mail: slluro@mail.ru

Хантаева Наталья Лисмановна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Налоги и налогообложение» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. Тел. (3012)213744.

Slepneva Lyudmila Romanovna, doctor of economic sciences, professor, head of the department tax and taxation, East-Siberian State University of Technology and Management. ph. (3012)213433. E-mail: slluro@mail.ru

Khantaeva Natalya Lismanovna, candidate of economic sciences, associate professor, department of tax and taxation, East-Siberian State University of Technology and Management. ph. (3012)213433.

УДК 332.1 (571.54/55)

© И.П. Монич

Модель государственного регулирования инновационной деятельности туристской отрасли на примере Забайкальского края

В статье предложена модель государственного регулирования инновационной деятельности туристской отрасли Забайкальского края, оценена ее эффективность через мультипликативный эффект на примере особо охраняемой природной зоны заповедника на оз. Арахлей. Рассмотрены инновации, характерные для туризма.

Ключевые слова: туризм, инновации в туризме, мультипликативный эффект в туризме, кластер.

I.P. Monich

Government regulation model of innovative activity in tourist branch on the example of Zabaikalsky territory

In this article a government regulation model of innovative activity in tourist branch of Zabaikalsky territory has been proposed, its effectiveness is estimated through multiplicative effect on the example of specially protected natural zone of Arakhley. Innovations typical for tourism have been analyzed.

Keywords: tourism, innovations in tourism, multiplicative effect in tourism, cluster.

Основной целью создаваемой модели является управление инновационной деятельностью туристской отрасли с использованием инструмента снижения суммарных затрат отрасли, с учетом влияния мультипликативного эффекта через создание инновационной организационной структуры в виде туристского кластера, которая приводит к росту и диверсификации экономики региона.

Совершенствование системы управления инновационной деятельностью туристской отрасли в регионе и оценку ее эффективности мы рассматриваем в контексте инноваций. В рамках модели государственного регулирования рассматриваются следующие инновации: организационные преобразования, повышающие эффективность управления, создание нового туристического продукта, внедрение IT-систем, выход на новые рынки, применение метода оценки уровня организации туристской отрасли региона.

Для управления инновационной деятельностью в туристской отрасли со стороны Министерства международного сотрудничества внешнеэкономических связей и туризма Забайкальского края (далее Министерство МСВЭСТ) предлагается создать самостоятельный департамент по туризму. Департамент должен выступать в роли организационной структуры системы поддержки инновационной деятельности субъектов туристской отрасли.

Задачи, которые выполняет создаваемый департамент по туризму в сфере туризма и туристской деятельности по управлению инновационным развитием отрасли:

- реализует государственную политику в сфере туризма и туристской деятельности в Забайкальском крае;

- координирует разработку и реализацию краевых долгосрочных целевых программ развития туризма с точки зрения внедрения инноваций [1];

- осуществляет прогнозирование в сфере туризма;

- содействует продвижению регионального туристского продукта на внутреннем и мировом туристских рынках, что рассматривается по Й. Шумпетеру [8], как инновация;

- оказывает содействие в защите прав и интересов туристов, обеспечении их безопасности;

- содействует кадровому обеспечению в сфере туризма и туристской деятельности, в том числе развитию инновационного образования в туризме за счет курирования и поддержки программ подготовки кадров высшего профессионального образования на базе научных центров Забайкальского края;

- развивает научные исследования в сфере туризма, в том числе инновационные методы оценки состояния туристской отрасли через применение математических моделей;

- осуществляет информационное обеспечение туризма и туристской деятельности посредством создания информационной онлайн-системы о туристско-рекреационных ресурсах Забайкальского края;

- осуществляет и развивает межрегиональные и международные связи и сотрудничество в сфере туризма и туристской деятельности в установленном федеральным законом порядке;

Модель государственного регулирования инновационной деятельностью туристской отрасли региона на примере Забайкальского края представлена на рис. 1.

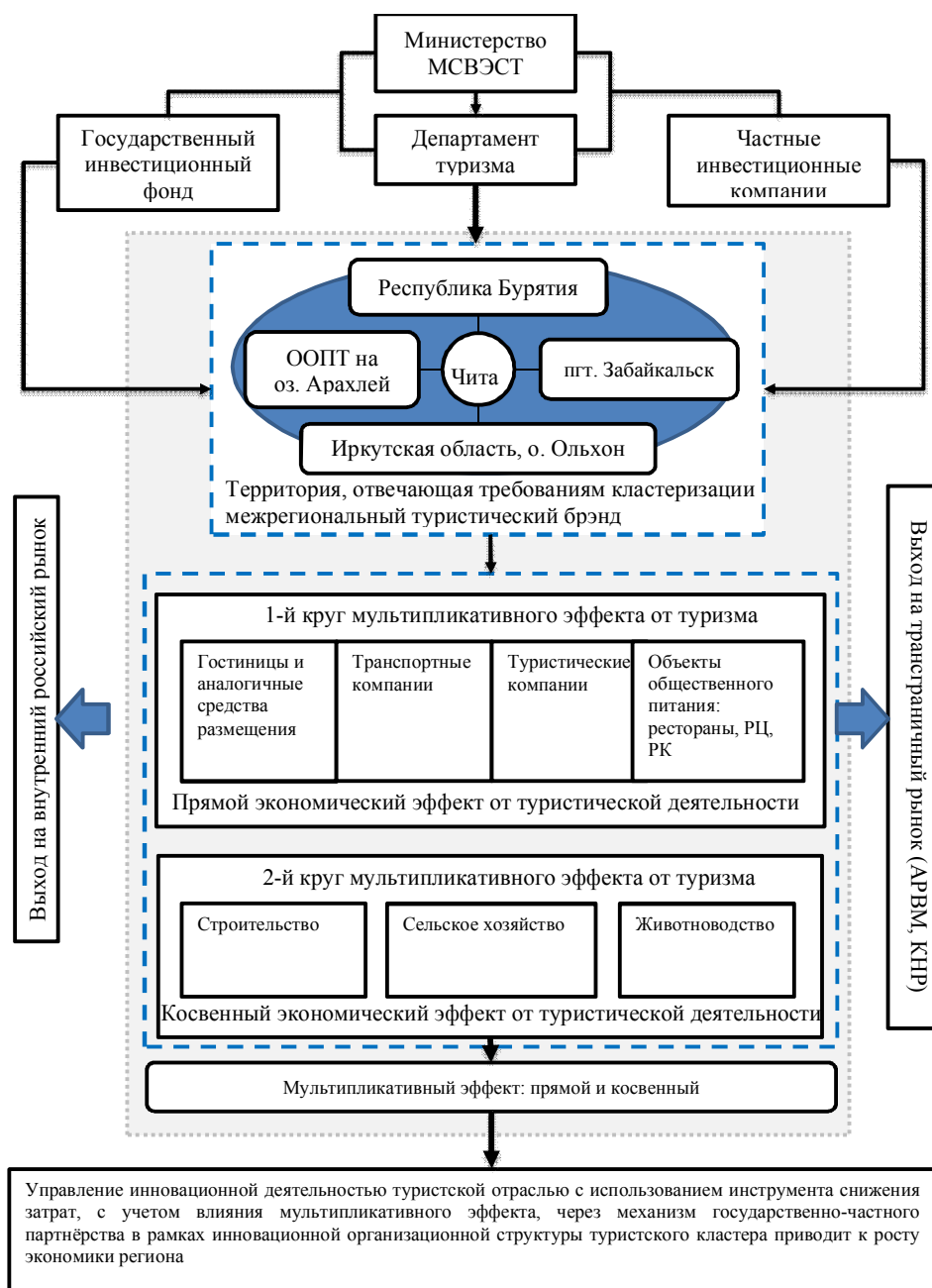

Рис. 1. Модель государственного регулирования инновационной деятельностью туристской отрасли региона на примере Забайкальского края

На территории, отвечающей требованиям кластеризации, через механизм государственно-частного партнерства, что подразумевает заключение концессионного договора, осуществляется инвестирование в объекты туристской инфраструктуры со стороны государства из федерального бюджета согласно Программе развития внутреннего и въездного туризма на 2011–2018 гг. и программ развития туризма субъектов РФ (в данном случае – Краевая долгосрочная целевая программа развития туризма в Забайкальском крае на 2011–2013 гг.). Финансирование инфраструктуры: модернизация существующих и строительство новых автодорог, подводка дополнительных электромощностей, строительство очистных сооружений. Данная инициатива является стимулом для частных компаний инвестировать в объекты туризма, которыми непосредственно пользуются туристы. Таким образом, в рамках кластера создается новый инновационный продукт, включающий в себя более качественные услуги по размещению, питанию и обслуживанию туристов. Создаваемый продукт также сочетает в себе уникальность природного потенциала территории с исторической и этнической спецификой («Русская деревня», святыни буддизма, историческое наследие декабристов), который выводится на внешний трансграничный и внутренний российский рынок с интеграцией в аналогичные туристические сегменты Бурятии и Иркутской области, а также в российские и трансграничные бренды «Восточное кольцо России», «Великий чайный путь», «Восточно-Азиатский треугольник», «Восточные ворота России: Забайкальск – Маньчжурия». При этом экономический эффект от внедрения инноваций мы рассматриваем на примере кластера на оз. Арахлей через мультипликативный эффект, который выражается в форме бюджетных поступлений в размере 430,69 млн р. к 2018 г. и создания 2 954 новых рабочих мест [2, 3, 6].

Совокупный доход от туристской отрасли в создаваемом кластере с учетом мультипликативного эффекта от смежных отраслей формируется в виде: поступлений в бюджеты всех уровней, накоплений компаниями прибыли с дальнейшим инвестированием в основные фонды.

В рамках Забайкальского края внедряется система электронного документооборота в рамках реализации Соглашения о безвизовых поездках между РФ и КНР. Указанная ИТ-система предусматривает одновременное онлайн-страхование туристов с формированием тура. Таким образом, ее можно рассматривать не только как продуктовую техническую инновацию, но и как организационную в процессе предоставления страховых услуг. Данный аспект благоприятно влияет на продвижение туристического продукта на трансграничном рынке, что также рассматривается как инновация [2, 5].

Суть инструмента снижения затрат заключается в применении инновационного метода оценки уровня организации туристской отрасли и ее оптимизации по переменному параметру – количеству туроператоров в

регионе. Согласно авторской концепции оценка уровня организации туристской отрасли региона является необходимой, но не достаточной. Основное усилие должно быть направлено на оптимизацию исследуемого объекта. Поскольку в системе массового обслуживания управление доходами является проблематичным, упор делается на управляемых издержках. Задача максимизации прибыли решается через минимизацию издержек. Данный метод может быть применен для оценки уровня организации туротрасли любого российского региона. В рамках Забайкальского края с учетом его приграничного положения проведена оптимизация количества туроператоров, входящих в Соглашение [4, 7].

Предложенная модель государственного регулирования инновационной деятельностью туристской отрасли является эффективным инструментом по управлению инновационной деятельностью приграничного региона – Забайкальского края.

Литература

1. Краевая долгосрочная целевая программа «Развитие туризма в Забайкальском крае (2011–2013 гг.) [Электронный ресурс]: утв. постановлением Правительства Забайкальского края от 15 июня 2010 г. № 238 // Федер. портал. URL: <http://www.protown.ru/russia/obl/articles/7365.html>.
2. Мониц И.П. Управление инновационной деятельностью в сфере туризма // Вестн. Читинского гос. ун-та. 2011. № 11 (78). – С. 9–14.
3. Об утверждении порядка определения внутреннего туристского потока в Российской Федерации и о вкладе туризма в экономику субъектов РФ: приказ Ростуризма от 18 июля 2007 г. № 69 // Гарант [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
4. Ованесян С.С., Мониц И.П. Оптимизация количества туроператоров в регионе на примере Забайкальского края // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный научный журнал). – 2011. – № 5.
5. Сайт народного правительства г. Хулунбуир [Электронный ресурс]: электрон. версия еженед. газеты правительства. URL: <http://www.hulunbeier.gov.cn/>.
6. Самаруха В.И., Буров В.Ю., Петухов Н.Д. Концепция развития туризма в муниципальном образовании «Тункинский район» (на период до 2020 г.). Иркутск: БГУЭП, 2009. – 42 с.
7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках от 29 февраля 2000 г. (с изм. от 17 ноября 2006 г.) // Гарант [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
8. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. – 157 с.

Мониц Иван Петрович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и бухгалтерского учета Забайкальского государственного универси-

В.В. Доржиева, А.Н. Макаров. Роль кластерных моделей интеграции в развитии регионального потребительского рынка в условиях кризиса...

тета, 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, д. 30, тел.:+79242710502, факс: +7(3022)416478, e-mail: I_V_A_N@mail.ru

Monich Ivan Petrovich, candidate of economic sciences, associate professor, department of economics and accounting, Zabaylalsky State Univetsity, Chita, Aleksandro-Zavodskaya str., 30, ph. +79242710502, fax: +7(3022)416478, e-mail: I_V_A_N@mail.ru

УДК 339.13

© В.В. Доржиева, А.Н. Макаров

**Роль кластерных моделей интеграции
в развитии регионального потребительского рынка
в условиях кризиса (на примере Республики Бурятия)**

Статья посвящена исследованию конкурентных преимуществ кластерных моделей интеграции в условиях модернизации. Проведен анализ формирования товарных ресурсов и потребностей потребительского рынка Республики Бурятия. Определены структурные различия потребительских расходов домашних хозяйств.

Ключевые слова: кластерные модели интеграции, региональный потребительский рынок, домашние хозяйства.

V.V. Dorzhieva, A.N. Makarov

**The role of cluster models of integration in the development
of regional consumer market under conditions of crisis
(on the example of the Republic of Buryatia)**

The article deals with the competitive advantages of cluster models of integration under conditions of modernization. The analysis of the formation of commodity resources and the needs of consumer market in the Republic of Buryatia has been made. The structural differences of household consumption expenditures have been identified.

Keywords: cluster models of integration, regional consumer market, households.

Важной особенностью рынка является то, что он представляет собой открытую систему, которая реагирует как на внутреннюю, так и внешнюю экономическую, социальную и политическую ситуацию, т.е. зависит от межрегиональных товаропотоков, миграции рабочей силы, движения денег и капиталов. Сбалансированность рынка по ценам, товаропотокам, количеству и качеству товаров является не только необходимой составляющей эффективно работающей экономики, но и основой оценки качества жизни населения. Наличие в нашей стране региональных различий оказывает весомое воздействие на форму проявления тех или иных законов рыночной экономики. В этой связи возникает необходимость исследования рыночных отношений в их региональных проявлениях. При этом

рынок товаров потребительского назначения рассматривается нами как часть единого рынка страны.

Специфические свойства товаров и услуг, реализуемых на потребительском рынке, обуславливают высокую степень его локализации, тесную взаимосвязь с конкретной территорией и ее населением. Изучив и систематизировав подходы к потребительскому рынку как объекту экономического исследования, сформировавшиеся в последние десятилетия в отечественной и зарубежной науке, можно сделать вывод, что потребительский рынок – это система экономических отношений, развивающихся на основе механизмов конкуренции, ценообразования, маркетинга и внешнего фактора – государственного регулирования, связывающая сферы потребления и производства, формирующая конкурентные цены, предложение и спрос в процессе купли-продажи потребительских благ на основе организованной инфраструктуры, призванная обеспечивать их баланс путём удовлетворения потребностей населения и интересов производителей [1, 2, 4].

В структуре регионального потребительского рынка, как правило, выделяют три крупных сегмента:

- рынок продовольственных товаров, предназначен для продажи продавцами и приобретения покупателями продуктов питания, продовольствия;

- рынок непродовольственных товаров, предназначен для продажи обширной группы товаров народного потребления, включая одежду, обувь, головные уборы, предметы галантереи и парфюмерии, бытовые товары и другие товары аналогичного назначения;

- рынок потребительских услуг, охватывает платные услуги по бытовому обслуживанию населения, коммунальные услуги и прилегающие к ним услуги по ремонту жилья, бытовой аппаратуры, и информационные услуги.

Региональный потребительский рынок воздействует на ряд фаз, тесно связанных между собой в едином процессе (рис. 1): потребности населения региона – производство (предложение) – денежные доходы населения – реализация (торговля) – потребление (удовлетворение потребностей) [2, с. 4-9].

Блок потребностей в начале процесса выступает в роли заявок производству, ориентирует его на определенный объем и структуру производственных ресурсов. Он является важнейшим фактором формирования политики приоритетов в производственной программе региона. Каждая из указанных фаз процесса формирования и использования фонда потребления в регионе характеризуется особенностями взаимодействия его элементов, своим механизмом движения, развития и совершенствования. Стыковка фаз формирования и конечного использования осуществляется через потребительский рынок. Сигналы, идущие от потребителей к про-

изводству, отражают реальный спрос населения на товары нужного ассортимента [11, с. 118-121].

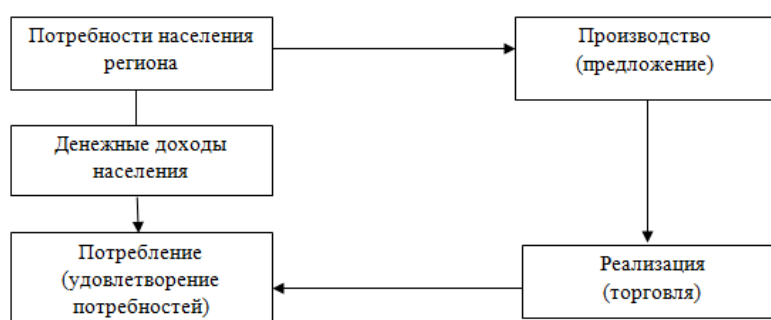

Рис. 1. Взаимосвязь фаз регионального потребительского рынка

Осуществляя комплексную диагностику процессов развития регионального потребительского рынка, необходимо учитывать следующие основные аспекты:

- основными субъектами рынка является организация оптовой и розничной торговли населению;
- в наибольшей степени на развитие рынка влияют такие факторы, как денежные доходы населения, цены на товары и услуги, производство товаров и услуг;
- характерными территориальными границами сферы влияния рынка являются город, область, республика, край;
- преобладающим типом межрегиональных связей являются межрегиональные и международные связи;
- элементами рыночной инфраструктуры являются оптово-розничные объединения, торгово-закупочные фирмы, торговые дома, выставки, ярмарки и др.;
- основные формы и методы государственного регулирования – ценовые (цены на социально значимые товары).

В процессе диагностики потребительского рынка необходимо исходить из учета следующих показателей:

- уровень потребительских расходов в совокупных доходах домохозяйств;
- динамика соотношения между расходами на потребление и накопление;
- «вклад» отраслей потребительского рынка в региональный валовой продукт;
- уровень концентрации капитала в отраслях потребления, в частности, в торговле;

- степень интегрированности логистической инфраструктуры в национальное и глобальное хозяйственное пространство;
- традиции и обычаи, культура и структура потребления, обусловленные культурно-этическими и историческими причинами.

Анализ формирования товарных ресурсов Республики Бурятия за период 2006–2008 гг., по данным статистического бюллетеня «Ввоз-вывоз потребительских товаров и продукции производственно-технического назначения», показал превышение в денежном выражении ввозимой продукции над производимой в регионе, за исключением продовольственных товаров [5, с. 305-307]. В 2008 г. в Республике Бурятия по сравнению с 2007 г. снизилось производство потребительских товаров во всех сегментах, в том числе производство продовольственных товаров сократилось на 3,04%. В 2008 г. в структуре товарооборота продовольственного рынка сократился удельный вес местных производителей основных продуктов питания – мяса и мясопродуктов, молока и молочных продуктов, сыра, масла животного, хотя в структуре товарооборота они по-прежнему занимают лидирующее положение.

Субъектами регионального потребительского рынка являются производители потребительских благ и услуг и их потребители: потребители данного региона, других регионов Российской Федерации и других стран, пользующиеся указанными товарами и услугами. С точки зрения системы товародвижения, существенное значение приобретает исследование следующих секторов: производство, оптовая торговля, посреднические организации, розничная торговля, домашние хозяйства.

При этом сектор «Домашние хозяйства» играет важнейшую роль и далеко не полностью оцененную роль в обеспечении кругооборота потребительских благ и услуг. Домашние хозяйства непосредственно или косвенно владеют экономическими ресурсами и в конечном счете являются основными поставщиками этих ресурсов, одновременно выступая основной потребительской группой в экономике. Следует учитывать, что необходимость оценки потенциала домашних хозяйств – это, по сути дела, социальный заказ общества, посредством которого должна быть решена основная цель социально-экономического развития страны и, в частности, региона.

Сопоставление объемов продовольственных товаров (производства, ввоза, вывоза) с реальным потреблением и рекомендуемым уровнем, разработанным Институтом питания РАМН, за период 2006–2008 гг. показало, что в Республике Бурятия потребительский рынок перенасыщен продовольственными товарами по товарной группе «хлеб и хлебобулочные изделия», близок к насыщению по товарным группам «рыба, включая сельдь» и «мясопродукты» [5, с. 308]. Обеспеченность населения республики по всем другим группам продовольственных товаров не достигает уровня норм потребления, рекомендуемых Институтом питания РАМН. Недостаток потребления мясных и молочных продуктов восполнялся за счет хлебных продуктов. На наш

взгляд, потребление населением белковых продуктов питания ниже нормы связано с низким уровнем доходов и высокими ценами на эти продукты. Безусловно, рост доходов населения приведет к совершенствованию структуры питания, повлечет за собой снижение потребления зерновых и увеличение потребления мяса, молока и овощей.

В целях анализа объемов продаж продукции по группам потребителей в разрезе домашних хозяйств были использованы данные Росстат. Так, потребительские расходы домашних хозяйств в 2009 г. выросли почти в 2 раза по сравнению с 2005 г., в структуре расходов увеличились затраты на питание, снизились расходы на непродовольственные товары, на том же уровне остались расходы на оплату услуг (табл. 1).

Таблица 1

Потребительские расходы домашних хозяйств в среднем на члена домохозяйства в год за период 2005–2009 гг.

Показатели	2005		2006		2007		2008		2009	
	р.	%	р.	%	р.	%	р.	%	р.	%
Потребительские расходы, всего в том числе:	37201	100	37679	100	53137	100	67106	100	61310	100
Расходы на покупку продуктов для домашнего питания	10430	28,0	11775	31,3	13996	26,3	18049	26,9	19100	31,2
Расходы на питание вне дома	651	1,7	423	1,1	635	1,2	999	1,5	1426	2,3
Расходы на покупку алкогольных напитков	804	2,2	725	1,9	746	1,4	814	1,2	944	1,5
Расходы на покупку непродовольственных товаров	15788	42,4	14254	37,8	24153	45,5	31344	46,7	23685	38,6
Расходы на оплату услуг	9528	25,6	10503	27,9	13607	25,6	15900	23,7	16163	26,4

На неравномерность распределения общего объема денежных доходов населения повлиял кризис, это неизбежно привело к структурным различиям потребительских расходов в различных группах населения (по уровню доходов). Свидетельством этому – материалы выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств (табл. 2). Социальные противоречия проявляются не только в сфере денежных доходов населения, но и в об-

ласти потребительских расходов. Диспропорция потребительских расходов наглядна.

Для потребительского рынка характерна значительная социальная неоднородность и социальное неравенство, что, безусловно, сказалось на уровне и структуре покупательского спроса. Неравенство в социально-экономической сфере сложилось не сегодня, но кризисные явления только усугубили разрыв между богатым и бедным населением. Это проявляется в том, что люди, получающие ограниченный доход, приобретают значительно меньше товаров и покупают товары низшего качества по сравнению с более обеспеченным населением. Степень официального расслоения (коэффициент фондов) в 2009 г. достигла 12,4 р. (по экспертной оценке).

Таблица 2

Структура потребительских расходов домашних хозяйств Республики Бурятия по группам населения в зависимости от уровня доходов, % [8]

Показатели	Группа населения с наименьшими доходами		Группа населения с наибольшими доходами	
	в 4 кв. 2008 г.	в 4 кв. 2009 г.	в 4 кв. 2008 г.	в 4 кв. 2009 г.
Потребительские расходы, в среднем на члена домохозяйства в месяц:	100	100	100	100
– продовольственных товаров	50,5	45,2	18,3	21,7
– непродовольственных товаров	22,7	24,5	67,8	59,7
– расходы на оплату услуг	26,8	30,3	14,0	18,6

Тем не менее, потребительский рынок Республики Бурятия динамично развивается и характеризуется высокой насыщенностью, разнообразием ассортимента продовольственных и непродовольственных товаров. Объем розничного товарооборота в 2008 г. по Республике Бурятия составил 68,1 млрд р., по сравнению с прошлым годом вырос на 9,5%. На одного жителя он составил 71,1 тыс. р. (рост на 25,4%), что свидетельствует о невысокой покупательной способности населения Республики Бурятия. В целом по России величина этого показателя оценивается в 98,1 тыс. р. (рост на 28%). Оборот оптовой торговли в 2008 г. по Республике Бурятия составил 59,9 млрд р., по сравнению с прошлым годом вырос на 15,8%. Продолжает расти материально-техническая база оптовой и розничной торговли потребительского рынка. Обеспеченность торговыми площадями в Республике Бурятия составляет 353,5 м² на 1 тыс. населения. Увеличение материально-технической базы обусловлено появлением на рынке

новых хозяйствующих субъектов, прежде всего мега-сетей, супермаркетов, формированием сети фирменной торговли.

В общем объеме ввоза соотношение между продукцией производственно-технического назначения и потребительскими товарами примерно равное. Лишь, начиная с 2008 г., темпы роста ввоза продовольственных товаров стали опережать другие группы ввозимых товаров (рис. 2).

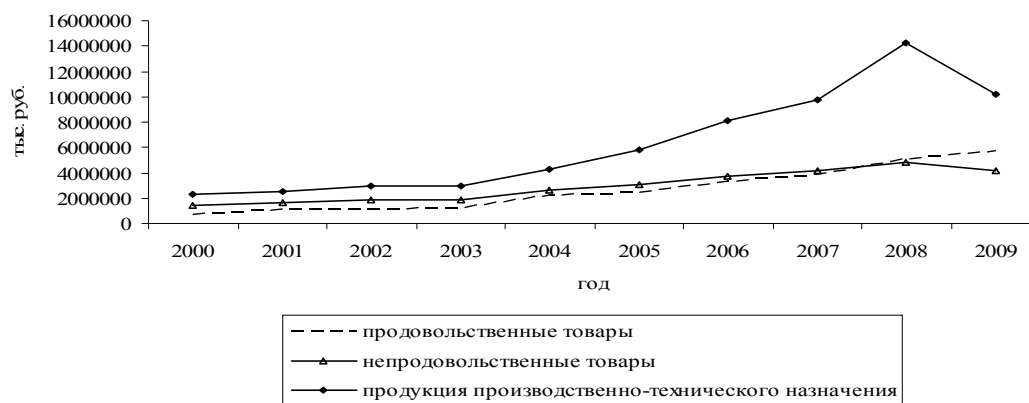

Рис. 2. Динамика объемов ввоза продукции РБ за 2000–2009 гг. из других стран и регионов России

Сравнительный анализ динамики ввоза и вывоза товаров потребительского и производственно-технического назначения по Республике Бурятия в 2000–2009 гг. показал, что темп роста объемов ввозимой продукции увеличивается в среднем на 20% в год, а темп роста объемов вывозимой продукции – на 15,7% (рис. 3). Причем, начиная с 2008 г., происходит сокращение объемов ввозимой и вывозимой продукции.

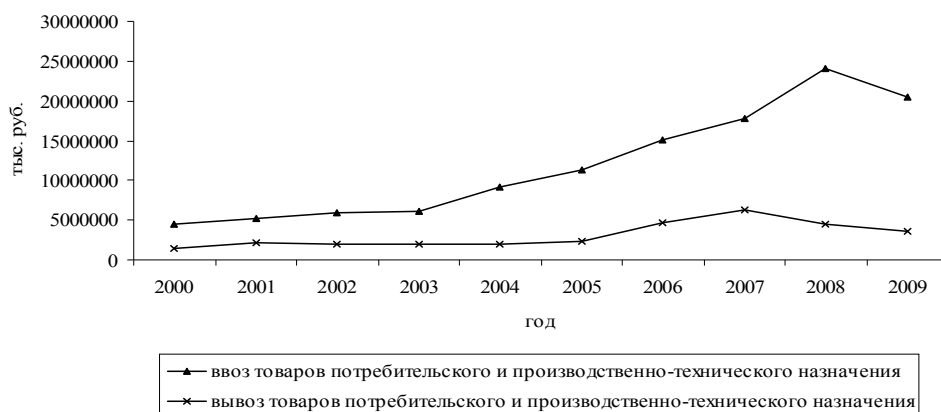

Рис. 3. Динамика ввоза и вывоза товаров потребительского и производственно-технического назначения за 2000–2009 гг. по РБ

Продукция производственно-технического назначения занимает наибольший удельный вес в структуре вывозимой продукции. Лишь начиная с 2007 г., темпы роста вывоза продовольственных товаров стали опережать другие группы ввозимых товаров (рис. 4). Среднегодовой темп прироста составляет 24,4%. Удельный вес продовольственных товаров в общем объеме вывоза варьирует в пределах от 16,9 до 47,2%.

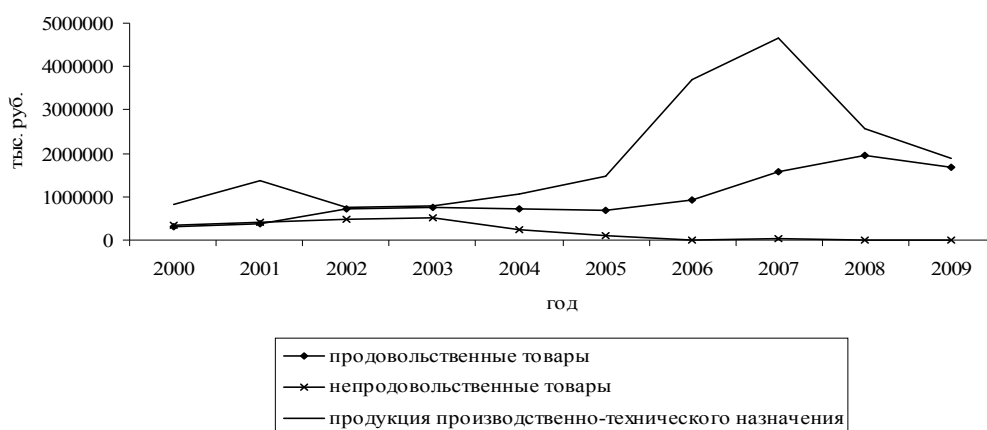

Рис. 4. Вывоз товаров с территории РБ за 2000–2009 гг.

География и структура вывоза потребительской продукции из Республики Бурятия представлены на рис. 5.

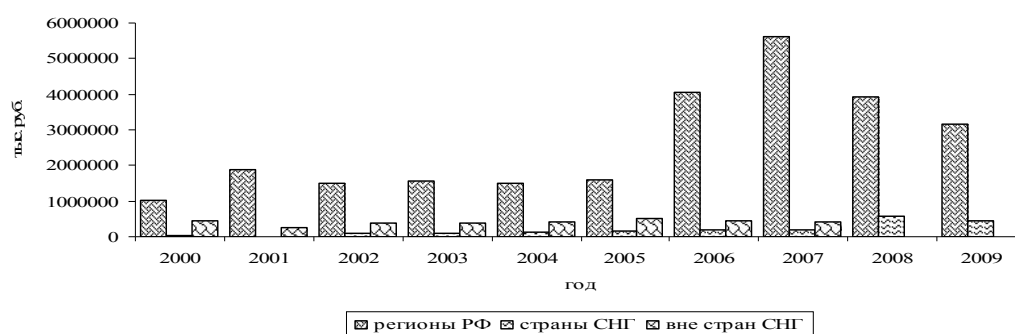

Рис. 5. Структура вывоза потребительской продукции и товаров производственно-технического назначения за 2000–2009 гг. по РБ, тыс. р.

Согласно данным, наибольшие объемы поставок в регионы РФ наблюдаются в период с 2000–2009 гг. Средний темп прироста составляет 23,5% в год. Доля товаров, вывозимых в регионы РФ в разные годы, ко-

леблется в пределах от 68,6% до 90,2%. Наименьший удельный вес составляют товары, вывозимые в страны СНГ. Их доля изменяется в пределах от 0,6% до 7,1%.

Анализ объемов производства и ввоза товарных ресурсов по Республике Бурятия показал, что наблюдается опережающий рост доходов и спроса населения по сравнению с динамикой внутрирегионального производства товаров. Возникающий дисбаланс покрывается за счет наращивания импорта, а также поставок из других регионов РФ [3, с. 217-220].

Принципиальное отличие получила макроструктура оборота розничной торговли, отличительной особенностью которой является устойчивое увеличение доли продовольственных товаров. В 2008 г. доля продовольственных товаров составила 57,72%, в 2009 г. – 58,44% (табл. 3).

Таблица 3

Структура оборота розничной торговли
в Республике Бурятия в 2006-2009 гг.

Показатели	2006		2007		2008		2009	
	млн р.	%	млн р.	%	млн р.	%	млн р.	%
Оборот розничной торговли, всего в том числе:	42269,5	100	54454,5	100	68253,8	100	75365,9	100
продовольственные товары	22934,4	54,26	29663,9	54,47	39396,6	57,72	44040,3	58,44
непродовольственные товары	19335,1	45,74	24790,6	45,53	28857,2	42,28	31325,6	41,56

Сдвиг структуры оборота розничной торговли в сторону снижения доли непродовольственных товаров является косвенным индикатором снижения уровня жизни населения, т. к. все большая часть доходов населения уходит на насущные потребности – покупку продуктов питания, а более популярными среди покупателей становятся дешевые рынки.

Сравнительный анализ динамики темпов изменений оборота розничной торговли за 1997–2010 гг. в периоды экономических кризисов, произошедших в 1998 г. и в 2008 г., показал, что кризисные явления меньше повлияли на потребительский рынок после кризиса 2008 г., чем 1998 г. Волатильность темпов изменения прироста розничного товарооборота в различные годы существенно отличается (рис. 6).

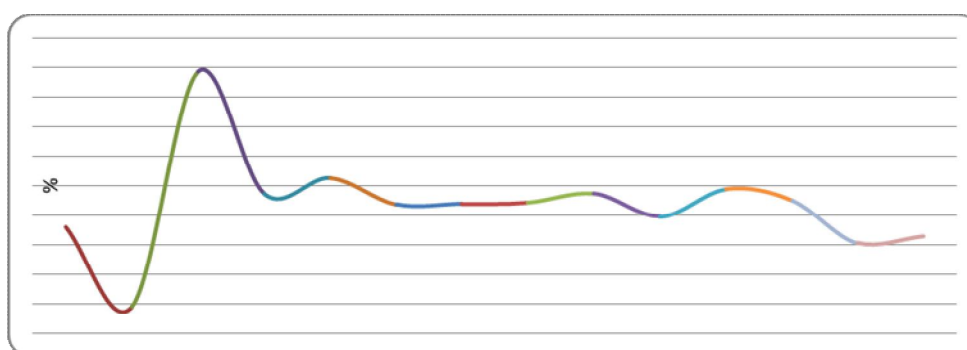

Рис. 6. Динамика темпов изменений прироста оборота розничной торговли за 1997–2010 гг., %

В период с 1997 по 2000 г. среднее квадратическое отклонение темпов роста оборота розничной торговли составило 33,8%, а с 2007 по 2010 г. – всего 8,9% (меньше на 24,9%) (табл. 4).

Таблица 4

Показатели, характеризующие темпы изменения розничного товарооборота в периоды кризисов 1998 г. и 2008 г., %

Показатель	1997-2000 гг.	2007-2010 гг.
Среднее выборочное случайной величины (\bar{x}_B) – средний темп изменения розничного товарооборота	25,20	19,37
Выборочная дисперсия (показатель, характеризующий степень разбросанности (изменчивости) темпов розничного ТО вокруг среднего значения) D_B	1094,59	80,00
Выборочное среднеквадратическое отклонение, σ_B	33,08	8,94

Следует отметить, что кризис 1998 г. был исключительно финансовым, преимущественно бюджетным. Основной отличительной чертой стало государственное банкротство, банкротство финансовых институтов, огромное сокращение курсов акций, реальных доходов населения. С макроэкономической точки зрения он означал превышение потребления над производством ВВП за счет огромной иностранной задолженности. В то же время он проявился в условиях огромного избытка производственных мощностей и неиспользованной рабочей силы. Поэтому он никоим образом не был классическим циклическим кризисом – кризисом перепроизводства и существовала возможность относительно быстрого его преодо-

ления как раз благодаря наличию огромных производственных резервов и отказу платить по многим внешним долгам.

Кризис 2008 г. происходил в исключительно благоприятных внутренних финансовых условиях. Были накоплены колоссальные валютные и бюджетные резервы. Бюджет и платежный баланс до сих пор положительные. Даже внешняя задолженность (преимущественно частная) намного менее опасна, т. к. краткосрочная ее часть значительно меньше, чем валютные резервы, в отличие от 1998 г. Современный кризис разворачивается при минимальных производственных резервах и поэтому является циклическим. Он гораздо в большей степени, чем в 1998 г., является системным. В то же время он совпадает с мировым экономическим кризисом. Поэтому первоначальные последствия кризиса за счет накопленной «подушки безопасности» были значительно слабее, чем в 1998 г. Но выход из него окажется более продолжительным. Выход из кризиса будет осложнен тем, что он предъявит более суровые, чем после кризиса 1998 г., требования к структурной перестройке экономики. Тогда она шла по линии более дешевого, преимущественно потребительского, нефондозамещающего импортозамещения. Теперь же потребуются огромное расширение несырьевого экспорта и качественного инвестиционного импортозамещения, что очень плохо получается у российских компаний ввиду слабости кадров и недостатка собственных инвестиций, ресурсов и кредитов.

Наконец, кризис 1998 г. в минимальной степени затронул производство товаров. Оно сократилось, по нашим расчетам, лишь на 7%. Но уже в следующем году это сокращение было компенсировано намного более высоким ростом. Цена этого подъема была очень высока: его обеспечило четырехкратное падение курса рубля и огромное снижение реального уровня доходов, усилившие конкурентоспособность реального сектора экономики при огромных производственных резервах. Теперь такие резервы появятся только по завершении циклического кризиса, но они быстро исчезнут после достижения докризисного уровня производства и даже раньше, т. к. за время кризиса основные фонды еще больше сократятся.

Основное внимание в современной государственной промышленной политике уделяется формированию предпринимательской среды, повышающей возможности предприятий быть инновационными, гибкими и конкурентоспособными, без жесткой привязки к отраслевым приоритетам при укреплении стратегического взаимодействия государства и бизнеса на условиях равноправного партнерства. В этом плане современный экономический кризис окончательно подтвердил роль государства во взаимодействии с частным сектором, особенно на стадии формирования новых отраслей и производств, нуждающихся на этом этапе в специальных условиях.

Необходим переход к формированию кластерной модели экономики региона, высокодиверсифицированной структуре бизнеса, формированию корпоративных вертикально-интегрированных структур, в рамках которых необходимо согласовывать интересы различных групп участников интеграции [6, 7, 9]. Главной задачей внедрения кластерной модели является изменение психологии предпринимателей, достижение понимания ими возможности честного, открытого и взаимовыгодного сотрудничества всех участников кластерного объединения ради общей экономической выгоды [10].

Потребность российской экономики в крупных, вертикально интегрированных и в то же время диверсифицированных промышленных объединениях начала появляться еще в 60-е гг. XX в., что нашло отражение в эксперименте с совнархозами, появлении научно-производственных объединений (НПО), всесоюзных промышленных объединений (ВПО), торгово-промышленных объединений (ТПО), агропромышленных комплексов (АПК) вплоть до Госагропрома, территориально-производственных объединений. В период перестройки их сменили государственно-производственные объединения (ГПО), главной задачей которых было сокращение времени прохождения этапов: «научные исследования и разработки – инвестиции – производство – сбыт и обслуживание». Вновь вопрос о создании высоко интегрированных межотраслевых объединений встал в 1993 г. в связи с разрушением отраслевой структуры управления промышленностью и ослаблением координации производственной деятельности предприятий по выпуску многих видов технологически сложной продукции [10, с. 91-94].

Элементы кластерной политики как направление к переходу «к инновационному социально-ориентированному типу экономического развития» Правительством РФ заложены в Концепции долгосрочного социально-экономического развития до 2020 г., использование кластерного подхода заняло одно из ключевых мест в стратегиях социально-экономического развития ряда субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, причем многие проекты развития территориальных кластеров реализуются в инициативном порядке. На федеральном уровне сформированы механизмы, позволяющие обеспечить гибкое финансирование мероприятий по развитию кластеров.

В основе создания кластерной модели лежит идея привлечения инвесторов для организации конкурентоспособных промышленных производств путем предоставления конкретного земельного участка и необходимого комплекса инженерно-коммунальных и других инфраструктурных услуг. При реализации проекта создания территориального кластера применяются принципы государственно-частного партнерства.

Создание территориального кластера обеспечит территориальную концентрацию финансовых, материальных и интеллектуальных ресурсов

для становления и развития высокотехнологичных, конкурентоспособных производств инновационного характера; наиболее полное использование недозагруженных площадей промышленных объектов; внедрение современных систем управления, информационных коммуникаций и логистики.

Территориальные кластеры призваны обеспечить развитие высокотехнологичных отраслей экономики, создание адекватной производственной и социальной инфраструктуры, качественно новых рабочих мест, привлечение квалифицированных специалистов и в результате – формирование новых полюсов конкурентоспособности. Такие кластеры должны быть ориентированы на новейшие технологические платформы с учетом тенденций развития мировой экономики.

Кластеры станут важнейшим перспективным конкурентоспособным элементом инновационной инфраструктуры Республики Бурятия. Геоэкономическое значение создания кластеров в контексте перспективного развития Республики Бурятия связано с укреплением его статуса как агропромышленного, производственного, туристско-рекреационного, инновационного, научного центра региона.

Предпосылками создания кластеров в Республике Бурятия являются:

- значительный потенциал квалифицированных кадров, обладающих уникальными навыками и технологиями, развитая образовательная база (высшего и среднего профессионального образования), способная обеспечить специалистами различной направленности;
- наличие научно-технической инфраструктуры в сфере машиностроения, строительства, агропромышленного комплекса и других секторах экономики, имеющей значительный опыт в области проектирования и разработки инновационной продукции;
- обеспеченность территории всеми видами транспорта, возможность развития логистической системы в интересах различных производств.

Литература

1. Андреев А.В., Борисова Л.М., Плучевская Э.В. Основы региональной экономики: учеб. пособие. – М.: КНОРУС, 2007. – 336 с.
2. Антонюк В.С., Пасешник Н.П. Место регионального потребительского рынка в экономической системе Уральского федерального округа / Вестн. ЮУрГУ. – 2010. – № 39. – С. 4-9.
3. Атанов Н.И., Доржиева В.В. Конкурентная среда на потребительском рынке приграничного региона / Эволюция биогеохимических систем (факторы, процессы, закономерности) и проблемы природопользования: материалы конф.; геоэкологические, экономические и социальные проблемы природопользования: материалы симпозиума, посвященных 30-летию ИПРЭК СО РАН (27-30 сентября 2011 г., г. Чита, Россия). – Изд-во ЗабГГПУ, 2011.
4. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 495 с.

5. Доржиева В.В., Буянтуева Д.В. Развитие конкуренции на потребительском рынке продовольственных товаров Республики Бурятия / Социальная среда – потенциал конкурентоспособного развития регионов: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 359 с.
6. Доржиева В.В., Чимитдоржиева Е.Ц. Развитие агропромышленных интегрированных объединений в зерновой отрасли Республики Бурятия / Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2012. – №2. – С. 61-64.
7. Дугина Е.Л., Доржиева В.В. Создание вертикально-интегрированных структур в Республике Бурятия / Вестник Восточно-Сибирского государственного технологического университета. – 2011. – №2(33). – С. 110-116.
8. Итоги обследования бюджетов домашних хозяйств в 4-м квартале 2008-2009 годов: стат. бюл. №04-02-02 // Бурятстат. – Улан-Удэ, 2010. – 18 с.
9. Макаров А.Н., Доржиева В.В., Чимитдоржиева Е.Ц. Модель оптимального управления агропромышленным интегрированным образованием холдингового типа / Экономический анализ: теория и практика. – 2011. – №16. – С. 35-44.
10. Мансуров Р.Е. Об экономической сущности понятий «конкурентоспособность предприятия» и «управление конкурентоспособностью предприятия» // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 2. С. 91-94.
11. Чаплина А.Н. Управление потребительским рынком в региональной экономике // Проблемы современной экономики. – 2003. – №2(6). – С. 118-121.

Доржиева Валентина Васильевна, кандидат экономических наук, доцент, начальник научно-инновационного отдела, Бурятский научный центр СО РАН. 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8. E-mail: vv2006uu@yandex.ru

Макаров Александр Николаевич, доктор экономических наук, заслуженный экономист Республики Бурятия, Председатель Совета директоров «Байкал-энерго». 670000, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева 7а, офис 401. E-mail: an-makarov2008@yandex.ru

Dorzhiyeva Valentina Vasilevna, candidate of economic sciences, associate professor, head of research and innovation department, Buryat Scientific Center RAS. 670047, Ulan-Ude, Sakhyanova str., 8. E-mail: vv2006uu@yandex.ru

Makarov Alexander Nikolaevich, doctor of economic sciences, Honored Economist of the Republic of Buryatia, Chairman of the board of directors «Baikalenergo». 670000, Ulan-Ude, Borsoev str., 7a, off. 401. E-mail: an-makarov2008@yandex.ru

Оценка востребованности ИТ-специалистов на региональном рынке труда

В статье рассматривается опыт подготовки ИТ-специалистов в Бурятии. Приводятся результаты исследований по проблеме востребованности выпускников на рынке труда. Анализ рынка ИТ-услуг в регионе показал структурные сдвиги и основные тенденции его развития.

Ключевые слова: *спрос, рынок ИТ-услуг, ИТ-образование, региональный рынок труда.*

I.V. Antokhonova

Estimation of IT experts demand at a regional labor market

This paper considers the experience of training IT experts in Buryatia. The results of labor market studies are presented. The analysis of IT services in the region has shown structural shifts and main tendencies of its development.

Keywords: *demand, market of IT services, IT education, regional labor markets.*

Качество специалистов с высшим образованием определяет профессиональный и интеллектуальный уровень бизнеса и управления в регионе, прорывной характер и конкурентоспособность на общероссийском и международном рынке.

По оценкам аналитиков, российский рынок ИТ-специалистов в среднем удовлетворен не более, чем на 10%. Однако он характеризуется территориальной неоднородностью, активно развиваясь в мегаполисах и крайне медленно в регионах. На заседаниях УМО по направлению «Прикладная информатика» подчеркнута необходимость формирования компетенций будущих специалистов в рамках ФГОС ВПО на основе профессиональных стандартов, которые должны соответствовать реальным потребностям российской экономики. В разработке профессиональных стандартов и экспертизе ФГОС ВПО принимает участие сообщество работодателей и исследовательских центров, дополняя и уточняя предметные области и компетенции.

Рынок ИТ-специалистов является самым динамичным и выполняет системообразующую роль в экономике. Согласно данным, приведенным в аналитическом исследовании [3, с. 38], в странах-лидерах имеют место профессиональная (горизонтальная) и квалификационная (вертикальная) миграция, масштабы и характер которых определяются спросом и предложением в различных секторах экономики.

Доля ИТ-персонала в общей численности трудоспособного населения России составляет 1,18%, в то время как в США 3,79%, Германии и Великобритании – 3,4% [3, с. 28]. Исследования рынка труда в сфере ИТ

должны охватывать не только индустрию ИТ, но и остальные сегменты экономики, составляющие пользовательскую базу рынка товаров и услуг.

Экспертами ОЭСР «узкое» определение ИТ-специалистов включает только специалистов нескольких квалификационных уровней. Для регионального рынка труда, в том числе Республики Бурятия, в большей степени подходит «широкое» определение. Оно включает контингент специалистов, обладающих профессиональными ИТ-компетенциями, в том числе в других секторах экономики.

Кафедра «Макроэкономика, экономическая информатика и статистика» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления ведет подготовку ИТ-специалистов в экономике с 1992 г. Это специальности «Информационные системы в экономике», «Прикладная информатика», в настоящее время – направления «Прикладная информатика» и «Бизнес-информатика». Введены образовательные программы инновационного характера, основанные на выраженной существенной мотивации освоения со стороны студентов и их стремлении к самостоятельному поиску информации и знаний. В общей сложности подготовлено около 500 аналитиков и специалистов по специализациям «Информационные системы в административном управлении», «Информационные системы в бухгалтерском учете», «Информационные системы в маркетинге». В последующем по специальности «Прикладная информатика» подготовка велась по специализациям «Бухгалтерские информационные системы», «Корпоративные информационные системы» и «Информационные системы в инвестиционной деятельности».

Выбор специализаций обусловлен спросом прежде всего со стороны основных потребителей – государственного сектора, банков и страховых компаний, ритейла и строительных компаний. Переход на уровневую подготовку связан с выбором профилей «Экономика», «Менеджмент» и «Государственное и муниципальное управление» по прикладной информатике и «Архитектура предприятия» и «Электронный бизнес» по бизнес-информатике.

Подготовка ориентирована на компетенции и информатика и экономиста, что дает выпускникам большой запас востребованности. Значительная часть выпускников кафедры сделала карьеру от начальников отделов в банках и на предприятиях до высших должностей в государственном управлении Республики. Есть немало успешных экономистов, менеджеров, программистов.

Однако наиболее амбициозные выпускники с опытом работы, полученным во время учебы, уезжают из региона и работают на проектах в Москве и других центрах. Оставшиеся в регионе, даже если не работают непосредственно в ИТ-сфере, участвуют в создании информационной культуры управления и бизнеса, работают в вузе после защиты кандидатских диссертаций. Для успешного продвижения необходимы системное

мышление, логика, опыт работы и активного использования возможностей современных коммуникационных технологий, локальных и глобальной сетей.

Подготовка выпускников в условиях усложнения бизнес-процессов ориентирована на моделирование слабо структурированных задач и поддержку принятия решений. Содержательных и сложных задач немного. Принятие решений в бизнес-среде с учетом системных и внутренних рисков не очень популярно среди региональных руководителей. В основном задачи связаны с созданием баз данных, учетом и вопросами автоматизации и систематизации документов.

Университет с 2008 г. сотрудничает с университетом NEUSOFT в г. Далянь, КНР (www.neusoft.edu.cn). Процесс совместной разработки учебного плана в китайских университетах показал большую ориентированность обучения на реальные потребности рынка.

Для оценки потенциала будущих выпускников Республики Бурятия в условиях сохраняющейся структурной безработицы было проведено анкетирование студентов вузов г. Улан-Удэ [1].

Опрошенных можно условно разделить на следующие 4 массовые группы обучающихся в государственных и коммерческих вузах:

- будущие специалисты в области экономики (устойчиво популярная группа специальностей, по которой происходит количественное насыщение на рынке труда);
- будущие специалисты в области туризма (относительно новое направление, которому сопутствует реализуемая в настоящее время стратегия развития Бурятии в качестве туристско-рекреационной зоны);
- будущие специалисты прикладного направления по специальностям инновационного характера, в том числе «Прикладной информатики»;
- будущие специалисты аграрного сектора, приоритетного для региона, не имеющего в настоящий момент «сильного пиара».

В этой связи интересными представляются результаты опроса студентов названных групп по принципиальным позициям. Ответы на вопрос о характере выбора специальности распределились следующим образом: 183 выбрали специальность осознанно и 59 – спонтанно. Среди мотивов осознанного выбора респонденты в основном отметили перспективность специальности, а также интерес к будущей профессии¹:

¹ Поскольку вопрос являлся не альтернативным, сумма ответов превышает 100%.

Таблица 1

Распределение респондентов по мотивации выбора

1	Высокооплачиваемая специальность	13,51%
2	Перспективность	56,28%
3	Интерес к специальности и будущей профессии	44,81%
4	Легкость обучения	1,09%

Осознанность выбора специальности и последующая удовлетворенность слабо взаимосвязаны с ее принадлежностью к тому или иному направлению. Гипотеза об отсутствии связи находит подтверждение в значениях коэффициентов корреляции, которые равны 0,112 и 0,092 для пар признаков «направление – вид выбора» и «направление – удовлетворенность выбором» соответственно.

Ответы на следующий вопрос анкеты «Удовлетворены ли Вы своим выбором?» распределились следующим образом: 215 респондентов довольны осуществленным выбором, 27 – нет. При этом среди причин положительного ответа 119 человек из 215 (42,8%) указали на полезность выбора, 92 респондента – на получаемое от учебы удовольствие (55,3%).

Анализ ответов студентов на вопрос «Удовлетворены ли Вы своим выбором?», совершивших осознанный выбор (183 человека) показал, что 16 из них в итоге остались недовольны по причинам: выбранная специальность оказалась неинтересной – 10 чел., трудно учиться – 4 чел. и неперспективность специальности – 1 чел. Самым «обманчивым» мотивом среди неудовлетворенных выбором оказалась высокая оплата. Из респондентов, которые в качестве главного мотива выбора выделили высокую оплату, в результате оказалось 19 удовлетворенных и 5 неудовлетворенных выбором (79,2% и 20,8% соответственно).

Среди опрашиваемых, которые в качестве главного мотива выбора отметили перспективность, 95 удовлетворены и 8 не удовлетворены (92,2% и 7,8% соответственно). Респонденты, которые руководствовались интересом к специальности, в основном оказались довольны своим выбором (78 человек или 95,1%).

Удельный вес респондентов, уверенных в трудоустройстве по специальности, не превышает и 50% по всем выделенным направлениям. Наибольшее его значение принадлежит группе специалистов в области туризма. Наименьший процент уверенных в трудоустройстве по специальности принадлежит группе «прикладников». В данной группе – самый высокий удельный вес студентов, планирующих уехать из республики с целью трудоустройства по специальности в другом регионе.

Опрос подтвердил завышенные ожидания по заработной плате выпускников ИТ-специальностей и, соответственно, низкую готовность к трудоустройству в регионе.

И.В. Антохонова. Оценка востребованности ИТ-специалистов на региональном рынке труда

В удаленных районах основной спрос на ИТ-решения формируется со стороны региональных органов государственного управления, торговых сетей, банков и телекоммуникационных компаний. Компаниями среднего и малого бизнеса информационные технологии востребованы в сфере учета и документооборота.

Анализ развития информационных технологий по России и Сибирскому федеральному округу характеризуется ростом затрат [2]. Снижение затрат в 2009 г. связано с кризисом и, как следствие, замораживанием большинства ИТ-проектов в регионах (табл. 2).

Таблица 2

Динамика ИТ-услуг в регионах
Сибирского Федерального округа в 2007-2009 гг.

Территории	ИТ-услуги					
	2007		2008		2009	
	в млрд р.	в % к 2006	в млрд р.	в % к 2007	в млрд р.	в % к 2008
Российская Федерация	49,3	122,5	92,5	187,7	85,2	92,11
Сибирский ФО	4,2	152,4	7,44	177,2	6	80,65
Республика Бурятия	0,3	417	0,53	175,8	0,11	20,75
Иркутская область	0,31	103,6	0,69	222,5	0,75	108,7
Забайкальский край	0,07	140,5	0,15	209,4	0,11	73,33

Специфика исследуемого рынка ИТ-услуг в том, что они являются нематериальным продуктом, и на деятельность рынка не влияет удаленность поставщика ИТ-услуг от потребителей, географические границы рынка могут быть достаточно размытыми от Москвы до Дальнего Востока.

Потребители ИТ-услуг в Бурятии предпочитают услуги из центральных регионов, где уровень информатизации и автоматизации бизнес-процессов является более высоким.

Оценка продуктовых границ рынка проведена на основе данных, полученных в ходе обследования субъектов рынка ИТ-услуг Бурятии. Структура по видам предоставляемых ИТ-услуг представлена на рис. 1, основная доля ИТ-услуг в Республике Бурятия равномерно распределена между такими видами услуг как сетевая и системная интеграция, разработка ПО и ИТ-консалтинг. Причем сетевая и системная интеграция больше представлена компаниями, оказывающими провайдерские услуги, чем компаниями, занимающимися автоматизацией бизнес-процессов. При этом наименьший удельный вес занимают услуги, связанные с ИТ-аутсорсингом (10%). Опрос показал, что в ближайшие 3-4 года наиболее

востребованными ИТ-услугами в Бурятии останутся ИТ-аутсорсинг и ИТ-консалтинг.

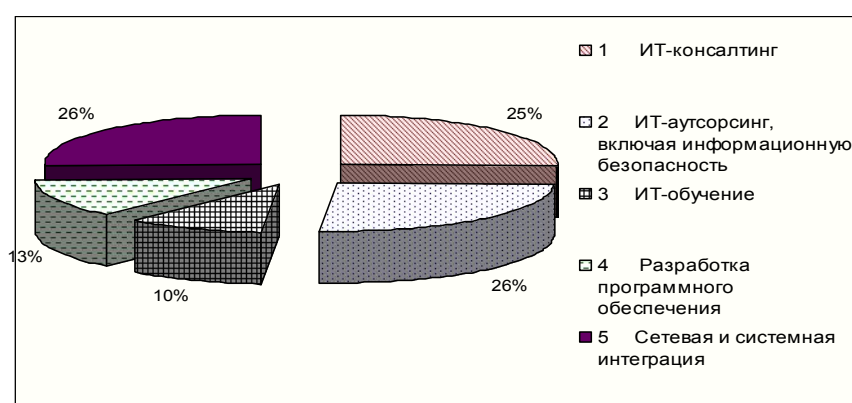

Рис. 1. Структура ИТ-услуг, реализованных ИТ-компаниями Бурятии в 2010 г.

На протяжении последних трех лет компании наращивали рынок в основном за счет дистрибуции и поставок оборудования и ПО в рамках интеграционных проектов.

В условиях неблагоприятной демографической ситуации и высокой конкуренции между вузами перспективными являются новые возможности удаленной работы, реализация стартапов будущими ИТ-специалистами без отъезда из региона. В 2011 г. был проведен Интернет-турнир «Информационное общество» среди школьников Бурятии: написание эссе на тему «Я в информационном обществе 2017 г.» и on-line тестирование в среде М-тест, разработанное местной компанией «Сибирь-софт», оказавшей техническую поддержку турнира. Лучшие эссе представлены на сайте кафедры www.esstu-meis.ru

Литература

1. Антохонова И.В., Ильина Е.Г. Оценка готовности студентов к освоению инновационных специальностей в вузах г. Улан-Удэ // Сб. тр. науч.-метод. конф. Улан-Удэ, 2009.
2. Антохонова И.В., Полухина О.А. Статистическое исследование использования информационных технологий и их влияния на развитие экономики России // Вопросы статистики. – №5. – 2010. – С. 61-68.
3. ИТ-кадры 2006–2012 // Мировая конъюнктура рынка труда. – М.: АП КИТ, 2007.

Антохонова Инна Владимировна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Макроэкономика, экономическая информатика и ста-

Ю.В. Слепнева. Роль инновационной деятельности вузов в интеграции образования, промышленности и науки

тика» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. E-mail:iv.antokhonova@gmail.com

Antokhonova Inna Vladimirovna, doctor of economic sciences, professor, head of the department of macroeconomics, economic computer science and statistics, East-Siberian State University of Technology and Management, E-mail:iv.antokhonova@gmail.com

УДК 339.138

© Ю.В. Слепнева

Роль инновационной деятельности вузов в интеграции образования, промышленности и науки

Статья посвящена изучению содержания и алгоритма проведения инновационной деятельности в вузах. Автором выделены характеристики инновационной деятельности в вузах и подчеркнута их роль в развитии экономики региона. Проанализированы динамика числа организаций, осуществляющих подготовку аспирантов и докторантов, а также выпуска из аспирантуры с защитой диссертаций в России, СФО и Республике Бурятия.

Ключевые слова: инновационная деятельность вузов; интеграция образования, промышленности и науки; экономика региона; интегрированная система.

Yu.V. Slepneva

The role of innovative activity of higher education institutions in integration of education, industry and science

The article is devoted to a study of content and algorithm of carrying out innovative activity in higher education institutions. The author has revealed characteristics of innovative activity in higher education institutions; their role in the development of economy of the region has been underlined. Dynamics of a number of organizations providing training of postgraduate and doctoral students, as well as graduation from postgraduate study with defense of dissertations in Russia, SFO and the Republic of Buryatiya have been analysed.

Keywords: innovative activity of higher education institutions, integration of education, industry and science, region economy, integrated system.

Процесс модернизации экономики несет с собой значительные изменения во всех сферах научно-исследовательской деятельности, в том числе и в сфере высшего образования. Научно-исследовательская деятельность призвана решать актуальные проблемы выхода из ситуации технологической отсталости, удовлетворять растущие потребности современного общества посредством создания инновационных продуктов и механизмов.

В самом общем виде научно-исследовательская деятельность предусматривает процедуру преобразования исследуемого объекта в соответст-

вии с поставленными задачами. Такую процедуру характеризует некий алгоритм, включающий в себя ряд основных шагов:

1. Последовательное изучение исследуемого объекта.
2. Выявление всех качеств и свойств объекта, а также механизмов и условий его функционирования.
3. Реконструкция исследуемого объекта: придание нужных форм и свойств для получения положительного результата.

Научно-исследовательская деятельность вуза преследует такие цели, как высокое качество подготовки специалистов и повышение квалификации преподавательского и научно-педагогического состава, а также использование научного потенциала для достижения высоких результатов. Но качественная подготовка и выпуск высококвалифицированных специалистов остаются ведущей задачей всех вузов.

В условиях перехода экономики на инновационный путь развития целесообразным видится вовлечение будущих специалистов в научно-исследовательскую деятельность еще на этапе учебы в вузе. Подобные мероприятия позволят студентам получить представление о процессе научной деятельности, инструментах и методах научной работы, что в свою очередь благоприятно скажется на профессиональной состоятельности будущих инноваторов.

Сегодня инновационная деятельность вузов является одним из главных условий их конкурентоспособности и играет важную роль в становлении и развитии инновационной экономики. При этом огромное значение для развития инновационной экономики регионов имеет наличие и динамика организаций, выполняющих научные исследования, и организаций, осуществляющих подготовку научно-педагогических и научно-исследовательских кадров.

В целом по Сибирскому федеральному округу за последние десять лет отмечается положительная динамика по количеству организаций, готовящих аспирантов и докторантов. Так, в период с 2000 по 2010 г. число организаций, осуществляющих подготовку аспирантов и докторантов, возросло на 24 единицы (или 14%). Наибольшая доля организаций, осуществляющих подготовку аспирантов и докторантов в Байкальском регионе, сосредоточена в Иркутской области (около 13-14%), при этом их число в динамике рассматриваемого периода растет (табл. 1).

Свой вклад в инновационное развитие экономики региона вузы вносят в виде достижения поставленных целей:

1. Подготовка и выпуск квалифицированных специалистов.
2. Разработка и реализация научной продукции: теории, идеи, учебные, социальные, информационные и управленческие технологии, стратегии социально-экономического развития, инновационные проекты.
3. Производство и реализация научно-технической продукции (например, образцы новой техники).

Таблица 1

Динамика числа организаций,
осуществляющих подготовку аспирантов и докторантов

Наименование региона	Значение показателя в динамике лет					
	2000	2005	2007	2008	2009	2010
Число организаций, ведущих подготовку аспирантов						
СФО	171	184	182	187	194	195
Республика Бурятия	5	9	9	9	9	9
Забайкальский край	4	5	5	5	5	5
Иркутская область	23	23	23	25	27	27
Число организаций, ведущих подготовку докторантов						
СФО	54	63	85	89	89	89
Республика Бурятия	1	3	2	2	4	5
Забайкальский край	1	2	3	4	4	4
Иркутская область	9	8	9	10	10	13

Основным проявлением современной экономики, основанной на знаниях, является растущий спрос на высококвалифицированный труд. Процесс перехода стран от экономики, основанной на машинном производстве, к экономике, основанной на автоматизированном производстве, только повышает спрос на высококвалифицированных специалистов. Косвенным проявлением данного процесса является рост специалистов с высшим образованием, имеющих ученую степень кандидата или доктора наук, работающих в организациях и учреждениях различных организационно-правовых форм и отраслевой направленности. Динамика выпуска из аспирантуры с защитой диссертаций, приведенная на рис. 1, свидетельствует о некотором синхронном изменении данного показателя по России в целом и по Сибирскому федеральному округу в отдельности. За рассматриваемый период наибольшие показатели отмечены в 2005 и 2009 гг., отличающихся некоторой стабильностью, и ростом основных макроэкономических показателей в стране (рис. 1).

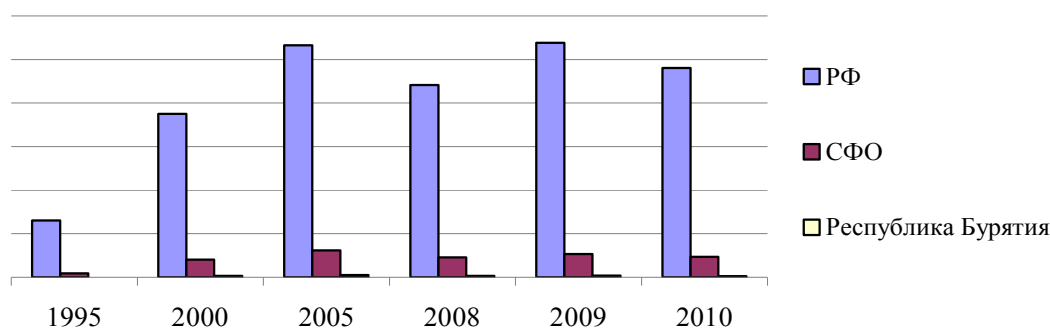

Рис. 1. Динамика выпуска из аспирантуры с защитой диссертаций (чел.)

Эффективная интеграция деятельности образовательных учреждений, промышленных предприятий и организаций науки способна решать социально-экономические проблемы регионов, способствовать реализации федеральных, целевых и отраслевых программ, связанных, в первую очередь, с технологическим развитием приоритетных отраслей и подготовкой кадров для участия в инновационных процессах.

Как производителям научно-технической продукции высшим учебным заведениям присущ ряд основных характеристик:

1. Составление и реализация комплексных разработок с привлечением специалистов различного профиля с общенаучных и специальных кафедр.
2. Регулярное привлечение новых участников для поисковых НИР за счет стажёров, аспирантов, докторантов, студентов.
3. Целевое распределение студентов и аспирантов в целях сопровождения реализуемой научно-технической продукции.

Основная задача высших учебных заведений как организаций, занимающихся инновационной деятельностью – создание специфического инновационного продукта – высококвалифицированного специалиста.

Под инновационной деятельностью понимается вид деятельности, связанной с трансформацией идей (обычно результатов научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений) в технологически новые или усовершенствованные продукты или услуги, внедренные на рынке, в новые или усовершенствованные технологические процессы или способы производства (передачи) услуг, использованные в практической деятельности. Инновационная деятельность предполагает целый комплекс научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, и именно в своей совокупности они приводят к инновациям [3].

Инновационная деятельность является не только основополагающим фактором развития современной экономики, но и важнейшей тенденцией развития высшей школы России. В связи с этим интеграция деятельности высших учебных заведений, промышленных предприятий и организаций науки выходит на первый план среди проблем становления и развития инновационного потенциала региона, а также инновационной деятельности внутри высших учебных заведений.

В цикле стратегических целей развития инновационной деятельности и формирования инновационной экономики в России на ближайший период особое место занимает проблема комплексного развития отечественных производств, повышение их конкурентоспособности.

Обеспечить достижение поставленной цели невозможно без использования такого ресурса, как система высшего образования. Но система высшего образования не в силах функционировать в рамках программ по формированию и развитию инновационной экономики страны и регионов без ее интеграции с деятельностью промышленных предприятий и организаций науки.

Интеграция в этом случае превращается в инструмент для достижения совокупной эффективности деятельности составляющих интеграционных групп.

Интеграция представляет собой структуру элементов инновационного процесса, объединенных общей инновационной средой и взаимодействующих в целях обеспечения эффективного достижения всех целей, стоящих перед составляющими, а также общих стратегических целей.

В связи с вышеизложенным, система высшего образования видится наиболее перспективной для построения на ее основе интегрированной системы, предназначенной для соединения деятельности науки и промышленности всех регионов и отраслей. Итогом такого процесса могло бы стать формирование инновационных исследовательских комплексов, центров, союзов, ориентированных на инновационное прорывное развитие организаций и учреждений региона, их технико-технологическое совершенствование. Главным критерием эффективности деятельности формируемых исследовательских комплексов, центров, союзов должна стать результативность исследований и уровень коммерциализации новаций.

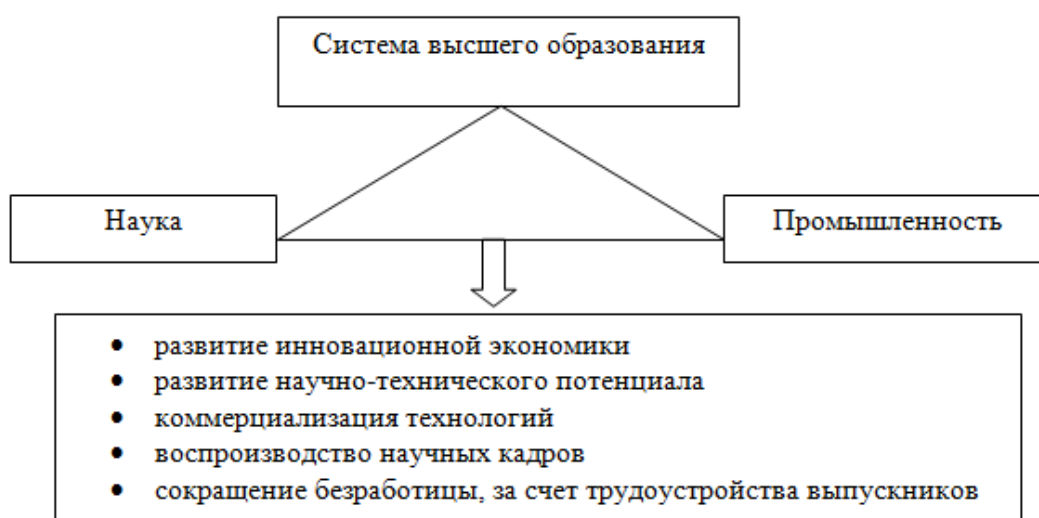

Рис. 2. Интегрированная система деятельности образовательных учреждений, промышленных предприятий и организаций науки, объединенных общими целями

Схема, представленная на рис. 2, наглядно демонстрирует возможную модель интегрированной системы деятельности образовательных учреждений, промышленных предприятий и организаций науки, отражая лишь некоторые общие цели участников инновационного процесса.

Помимо указанных в схеме целей, можно назвать и такие, как повышение потенциальной производительности труда за счет самореализации и самовыражения выпускника, улучшение взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг, совершенствование эргономики труда на предприятиях региона и т.д.

В рамках интегрированной системы инновационный процесс должен представлять собой единый поток, состоящий из различных стадий. Все стадии находятся во взаимосвязи и обеспечить успех способны лишь при интеграции их в единое целое. В то же время каждая из этих стадий, будь то научная разработка идеи, новой технологии, получение нового продукта, его реализация, существенно отличаются друг от друга и по форме организации процесса, и по методам управления, и по степени финансирования.

В связи с этим при работе с инновационными процессами необходимо использовать такие формы организации, при которых результат каждой стадии становился бы началом следующей. Это позволит сделать инновационный процесс наиболее эффективным и динамичным.

Таким образом, интеграция деятельности представителей образовательных учреждений, промышленных предприятий и организаций науки

является одним из решающих факторов в процессе социально-экономических преобразований, в преодолении кризисных явлений и стабилизации экономики. А основная роль системы высшего образования в совместном функционировании составляющих интеграционных групп заключается в обеспечении всех сфер общества высококвалифицированными специалистами. Данная тенденция позволяет эффективно использовать человеческий потенциал для генерирования знания с целью превращения его в капитал, что определяет сущность современной инновационной экономики.

Литература

1. Волосевич К.Е. Оценка достижения целей интеграции в инновационной среде вуза. – URL: <http://www.uecs.ru/uecs-29-292011/item/483-2011-06-03-07-11-44>
2. Носов С.Б. Интеграция инвестиционных ресурсов в структуре стратегического альянса // Вопросы экономики. № 1. 2002. – 145 с.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: сб. ст. / Росстат. – М., 2010.

Слепнева Юлия Валерьевна, аспирант Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. E-mail: slluro@mail.ru
Slepneva Yuliya Valerevna, postgraduate student, East-Siberian State University of Technology and Management. E-mail: slluro@mail.ru

УДК 332

© А.Г. Бадмаев

Методологические основы формирования региональной экономики

В статье проанализированы методологические основы формирования региональной экономики. Определены шесть основных этапов формирования региональной экономики, которые описаны с позиций организационной структуры мировой экономики.

Ключевые слова: *региональная экономика, формирование региональной экономики.*

A.G. Badmaev

Methodological fundamentals for the Formation of Regional Economy

In the article the methodological fundamentals for the formation of regionaleconomy have been analysed. Six general stages of formation of regional economy have been determined, they are described from the positions of organizational structure of global economy.

Keywords: *regional economy, formation of regional economy.*

Феномен региональной экономики, которая играет все большее значение в условиях складывающегося современного мирового хозяйства, связан со становлением системы воспроизводственных отношений, в основе которых лежит внутренняя взаимосвязь с природными, социокультурными процессами, носящая трансграничный характер. Исторически и логически она выступает как результат эволюции форм организации общественного производства в широком смысле от таких простых, как промышленные площадки, узлы, до таких сложных, как территориально-производственный комплекс, экономический район. В основе данного процесса лежит рост концентрации и кооперации всех звеньев воспроизводственного цикла, их вертикальной интеграции в границах регионального пространства, разделение функций организации и управления. При этом необходимым следствием и условием выступает рост внутренней взаимозависимости ее участников.

Глубина и многоплановость этого процесса находят отражение в противоречивости существующих определений и подходов, доминировании частных аспектов, отдельных сторон региональных отношений (административно-правовых, социальных, геополитических и т.д.). Региональная экономика должна рассматриваться прежде всего как высшая форма организации общественного производства, представляющая собой определенное трансграничное хозяйство в виде всесторонне развитой системы отношений по типу экономического района, основанного на диверсификации капитала и интеграции всех звеньев в границах воспроизводственного цикла посредством механизма природной взаимозависимости и обратной общественной социально-духовной связи хозяйствующих субъектов. Как таковая она представляет собой неотъемлемую составную часть современного мирового хозяйства.

Основными формами региональной экономики, отражающими взаимосвязь с историческими этапами социального развития и экономических циклов на основании ряда критериев (организационно-правовых отношений; форм управления; содержания производственных процессов) являются: 1) простое хозяйство; 2) горизонтальное хозяйство; 3) сложное хозяйство; 4) промышленное хозяйство; 5) постиндустриальное хозяйство; 6) общественное хозяйство.

Возникнув как целостное образование, региональная экономика рассматривается первоначально как простое хозяйство – объединение участников, основанное на концентрации промышленности и отношениях внешней зависимости. Отсюда неотъемлемым условием его организации становится некий внешний импульс, внеэкономическое принуждение по отношению к его участникам.

Его сторонами являются простое общество и потребительское хозяйство. Элементарной ячейкой (таксоном) формирующейся системы отношений выступает единичное предприятие, на материальной основе кото-

рого происходит формирование поселения как формы организации социальных взаимосвязей в ограниченном пространстве.

Идеальной средой существования простого хозяйства является состояние статичного равновесия в экономике, предполагающее исходное равенство доходов в различных отраслях. Математической формой представления такого равновесия в экономике является модель межотраслевого баланса В. Леонтьева. Для его сохранения необходимо выполнение таких условий, как отсутствие информации о структуре и уровне издержек на производство продуктов у других участников, а также ненулевое потребление всех продуктов в границах некоей унифицированной «потребительской корзины», лежащей в основе потребительской функции в экономике. При этом основой для получения дополнительного дохода для каждого отдельного участника является увеличение концентрации производства и возникающий в связи с этим эффект в виде прибавочного продукта. Деньги в такой системе не имеют места, т. к. они выступают в качестве меры стоимости, т.е. идеального эквивалента.

Процесс развития региональной экономики выступает как разложение простого хозяйства в условиях спада производства и роста специализации отдельных предприятий в регионе на основе складывающихся *промышленных площадок*, средой социальных отношений которых выступает *микрорайон*. Сторонами такого хозяйства являются *горизонтальное (или родовое) общество* и *обменное хозяйство*. При этом в сфере непосредственного производства происходит формирование горизонтальных объединений в промышленности на основе картелирования товарного рынка и становления товарно-торгового капитала. Цель – снижение операционных издержек, связанных с реализацией товаров и обеспечение «первоначального накопления» капитала в регионе.

Рост комбинирования технологически сопряженных предприятий в условиях промышленных узлов и возникающих агломераций приводит к расширению отраслевой структуры в регионе и образованию сложного хозяйства как формы региональной экономики, предполагающей создание системы распределительных отношений и выделение специальных органов управления. Примером в теории является так называемая экономика «дефицита» (Я. Корнай), на практике – плановая экономика СССР. При этом за счет локализации производства происходит увеличение внутренних источников развития, повышение ее эффективности. В условиях, когда доминирующей организационной формой выступают межотраслевые объединения по типу «чеболя» (Ю. Корея), значительно облегчен перелив капитала и проведение структурной перестройки в экономике региона в целом.

Кризис размытых конгломератов предполагает переход к региональной экономике по типу территориально-производственного комплекса (ТПК), основанного на производственной кооперации участников вос-

производственного процесса и становлении промышленного капитала на базе вертикальных концернов по типу «кейрецу» (Япония). Возникающие при этом конурбации основаны на взаимоотношениях индустриального общества. Данные ТПК включают в себя в качестве элементов организационной структуры как отдельные предприятия, так и промплощадки, и узлы. Введение пропорциональности означает появление базы для увеличения доходов участников экономики и всего общества вследствие оптимизации производственных процессов. В то же время нарастает противоположность между характером производства в регионе, механизмом природопользования и формами общественных отношений, социальной средой. Он проявляется в нарастании разрывов в цикличности процессов в границах региона, прочих кризисных явлениях.

Высшую форму данное противоречие приобретает с образованием на базе ТПК экономического района как следующей внутренней формы региональной экономики. С одной стороны, отношения между участниками приобретают характер плановых, что позволяет использовать все преимущества организации производства в ТПК. С другой стороны, выделение местного банковского капитала позволяет отделить цели производства от целей движения капитала и создает необходимую базу для интеграции экономических структур в трансграничных формах. Господствующий тип социальных отношений (урбанизация) определяет форму складывающегося постиндустриального общества.

Высшей или предельной формой развития организационной структуры общественного производства является собственно региональная экономика уже как общественное хозяйство, как некое единство, сторонами которого выступают уникальность местных условий и становление глобальной экономики. При этом региональная система обретает состояние динамического равновесия, основанного на выделении устойчивых целей и органическом единстве интересов всех участников экономики в регионе.

Литература

1. Арженовский И. Экономика региона как наука и учебная дисциплина (Нижний Новгород) // Рос. эконом. журн. – 1998. – № 4. – С. 117-119.
2. Бабинцева Н.С., Кузнецова Н.П. Региональная экономика: предмет и принципы исследования // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. – 1996. – № 2. – С. 43-48.
3. Безруков Л.А., Бондаренко Е.А. Глобальный кризис в региональном измерении // ЭКО. – 2010. – № 3. – С. 46-63.
4. Белоцерковский О.М., Быстрай Г.П., Цибульский В.Р. Экономическая синергетика: Вопросы устойчивости. – Новосибирск: Наука, 2006. – 116 с.
5. Бирюков Ю.М. Исследование устойчивости развития региональных экономических систем // Микроэкономика. – 2010. – № 6. – С.100-109.

6. Бобылев С.Н., Смолин А.А. Проблемы отраслевой, межотраслевой и региональной экономики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. – 1991. – № 4. – С. 40-48.
7. Василенко В.А. Устойчивое развитие регионов: подходы и принципы. – Новосибирск: ИЭОПП, 2008. – 207 с.
8. Волошина А.Ю. Образование мегарегионов как вектор регионального развития в условиях глобализации // Нац. проекты. – 2010. – № 12. – С. 39-41.
9. Евсеенко А.В. Интеграционные процессы в экономике региона. – Новосибирск, 1996. – 194 с.
10. Зырянов А.И. Регион: пространственные отношения природы и общества. – Пермь: ПГУ, 2006. – 372 с.
11. Ларина Н.И. Региональные кластеры и территориально-производственные комплексы как формы территориальной организации производства // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 4. – С. 126-138.

Бадмаев Алдар Гальчиевич, кандидат экономических наук, директор Бурятского филиала ОАО «Страховая группа МСК». Тел. 89025642774, alpin2002@yandex.ru

Badmaev Aldar Galchievich, candidate of economic sciences, head of the Buryat Branch of MSK Insurance Group. ph. 89025642774, alpin2002@yandex.ru.

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 32.001

© Ц.Б. Будаева, А.А. Дугарова

Теоретические концепции местного самоуправления

Статья посвящена анализу теоретических концепций местного самоуправления, разработанных зарубежными и отечественными учеными.

Ключевые слова: *местное самоуправление, теория свободной общины, государственная теория местного самоуправления, дуалистическая теория.*

Ts.B. Budaeva, A.A. Dugarova

The theoretical concepts of Local Government institute

The article analyzes theoretical conceptions of local governance developed by foreign and homeland scientists.

Keywords: *local governance, theory of free community, state theory of local governance, dualistic theory.*

Вопросами становления и развития местного самоуправления интересовались и интересуются как зарубежные, так и отечественные ученые. Это обусловлено тем, что проблемы согласования интересов государства с интересами местных сообществ, определение оптимальной границы – меры между централизацией и децентрализацией власти – относятся к числу фундаментальных проблем любого государства. Поэтому активно обсуждаются разные концепции, объясняющие сущность местного самоуправления. Их познание имеет огромное значение в деле формирования и развития государственной политики, направленной на регулирование местного самоуправления.

Впервые теория, объясняющая сущность местного самоуправления, возникла в середине XIX в. в Бельгии и во Франции. Это теория свободной общины, представителями которой были Т. Джефферсон, О. Лабанд, А. Токвиль, Дж.С. Милль, Э. Мейр и многие другие. По их мнению, естественные права выше законов, издаваемых государственной властью, поэтому противоречия между ними должны решаться в пользу естественных прав; общинные институты играют примерно ту же роль, что начальные школы для науки, они открывают путь к свободе и учат пользоваться этой свободой, и без общинных институтов нация может сформировать свободное правительство, однако не появится истинный дух свободы.

В нашей стране истоки этих теорий начали зарождаться примерно в середине XIX в., когда стали широко обсуждаться вопросы социального устройства общества, и нашли отражение в трудах В.Н. Лешкова, В.П. Безобразова, А.Д. Градовского, Н.И. Лазаревского. Теоретические рассуждения строились вокруг выработки оптимальной модели сочетания государственной власти и местного самоуправления и, кроме того, были тесно связаны с реформами того периода.

Отечественные мыслители, занимающиеся разработкой теории местного самоуправления, с одной стороны, находились под влиянием мировых веяний, с другой – стремились учитывать особенности российской культурно-политической среды, призывали к осторожному заимствованию зарубежного опыта.

Содержательный анализ сущности теории свободной общины представлен в работе местных ученых И.И. Осинского и М.И. Добрыниной. Как отмечают авторы, к числу западных ученых, наиболее полно разработавших теорию свободной общины, относятся, прежде всего, Дж. Локк и Ж.Ж. Руссо. Они видели в качестве источника власти не государство и даже не народ, а объединения индивидов, именуемые «свободными общинами», которые самостоятельно управляли собственными и общественными делами. Люди, по мнению Дж. Локка и Ж.Ж. Руссо, вышли из естественного состояния благодаря общественному договору, отчуждающему права индивидов в пользу общины, и община не зависит от государства, она отделена от него и должна действовать по своим внутренним законам [1].

Теория свободной общины нашла своих сторонников и среди отечественных ученых, особенно среди славянофилов (К.С. Аксакова, И.Д. Беляева, А.С. Хомякова и др.), которые считали основой жизнеустройства русского народа крестьянскую общину, где «не подавлена личность, а только лишь лишена буйства, эгоизма и где основные вопросы общины решаются сообща».

Видный представитель теории свободной общины Н.И. Лазаревский писал, что «община действительно исторически была старше государства. Опираясь на этот исторический факт, можно было говорить об общине как естественном, в силу вещей необходимом союзе, который создан не государством и который поэтому является для государства неприкосновенным» [2].

Теория свободной общины получила достаточно широкое распространение во времена земской реформы в России и была дополнена хозяйственной концепцией, приписывающей общине исключительно хозяйственную функцию. К числу видных сторонников данной теории прежде всего относится славянофил, профессор В.Н. Лешков. Он полагал, что:

- идея земства происходит от русской общины, отличающейся своей стабильностью и устойчивостью;

- общинный образ жизни накладывает отпечаток на общественные отношения всех сословий, групп населения и отношений, складывающихся между разными общинами;
- общинный образ жизни определяет привязанность людей к земле и консолидацию их интересов в рамках местного сообщества;
- земство, базирующееся на общинном образе жизни, имеет народное основание;
- земство для защиты интересов народа должно выступать в качестве юридического лица, иметь свои учреждения и права;
- земство, развиваясь в рамках государства, не должно терять свои права на самостоятельное существование и т.д. [3]

Таким образом, с точки зрения участия местного сообщества в общественных делах и приближения местной власти к жителям, наиболее привлекательной является общественная теория самоуправления, которая возникла на базе теории свободной общины, имеющей большое распространение в период поиска оптимальной модели общественного устройства.

К числу сторонников хозяйственной концепции также относятся князь А.И. Васильчиков, П.А. Кропоткин, Л.И. Велихов и другие. Они считали земские учреждения не государственными, а общественными, созданными для реализации особых хозяйственных дел. В течение десятилетий наблюдалось стремление к реализации данной идеи. Более того, были приняты «Положения о губернских и уездных земских учреждениях», которые продемонстрировали реальную правоприменительную практику [4].

Однако правоприменительная практика натолкнулась на серьезные проблемы, которые были вызваны невозможностью четкого разграничения собственно местных (общинных) и государственных дел, а также из-за нереальности разграничения частноправных и публично-правовых функций управления обществом. Эта практика продемонстрировала невозможность полной изоляции местного самоуправления от государственных интересов и неизбежность присутствия государственных дел на уровне местного сообщества.

Многие другие исследователи того периода, (например, Н.М. Коркунов, Б.Н. Чичерин и др.) предприняли попытки совершенствования этих теорий. Они, признавая общину в качестве естественно сложившейся организации, пытались упорядочить права местного сообщества и государства в решении местных дел. Так, по мнению Н.М. Коркунова, местное самоуправление имеет право самому ведать собственными делами и самостоятельно обозначить круг вопросов, делегируемых государству. Свою позицию он изложил в работе «Русское государственное право», изданной в начале XX в. В ней говорится, что «общественная теория видит сущность самоуправления в предоставлении обществу права самому ведать своими общественными интересами, в со-

хранении за правительственными органами заведования одними только государственными делами. Общественная теория исходит, следовательно, из противоположности местного общества государству, общественных интересов политическим, требуя, чтобы общество и государство, каждое ведало только свои интересы» [5].

Таким образом, по мнению сторонников общественной теории, органы власти местного самоуправления должны наделяться максимальными правами, а государство не должно вмешиваться во внутренние дела местного сообщества. Здесь наблюдается жесткое противопоставление местного сообщества государству, наделение структуры местной власти (трактующиеся как элементы гражданского общества) максимальной независимостью от государственной власти.

Следующая теория, получившая название «государственная теория местного самоуправления», также была разработана западными учеными, к числу которых относятся Р. фон Моль, Л. Штейн, Р. Гнейст и другие. Они считали, что самоуправление есть одна из форм организации местного государственного управления, источником полномочий органов местного самоуправления является государственная власть, и все дела, решаемые на местах, имеют государственную природу. Тем не менее, считали они, самоуправление все же нужно и в отличие от государственного управления должно осуществляться не правительственными чиновниками, а местными жителями, знающими местные проблемы и заинтересованными в их решении. Они утверждали, что государственные чиновники, подчиняясь вышестоящим органам, не только лишены инициатив, но и не подконтрольны местному сообществу. Единство их взглядов в основополагающих моментах не исключало и некоторые различия. В частности, Р. Гнейст считал, что одна лишь выборность органов местного самоуправления отнюдь не означает их самостоятельности. Самостоятельность может обеспечиваться, если местное самоуправление будет базироваться на неоплачиваемых должностях. Человек, получающий за свою работу определенную оплату, не может саму работу воспринимать как неотчужденную, поэтому человек должен выполнять почетную миссию.

Л. Штейн в отличие от Р. Гнейста, большое внимание уделил правовым аспектам местного самоуправления. Он утверждал, что органы местного самоуправления все-таки есть органы местного сообщества, на которые государство возлагает осуществление задач государственного управления. Тем самым он в местном самоуправлении видел особый субъект права, вступающий с государством в правовые отношения.

К числу отечественных ученых, придерживающихся государственной теории местного самоуправления, относятся А.Д. Градовский, В.П. Безобразов, Б.Н. Чичерин, Н.И. Лазаревский и многие другие. Они, также как их западные коллеги, рассматривали местное самоуправление как часть государственной власти, действующей на основе государствен-

ных законов. По мнению А.Д. Градовского, выборные органы местного самоуправления должны действовать как органы государства, пользуясь данными от него полномочиями осуществлять свою власть на основе законов и нести ответственность за их нарушение [6].

Сторонниками государственной теории местного самоуправления были в основном юристы – государствоведы, которые прекрасно знали русскую крестьянскую общину, самоорганизацию и саморегуляцию ее жизнедеятельности. Поэтому никто из сторонников государственной теории местного самоуправления не критиковал общинный характер крестьянства, крестьянские общины. Полемика в основном велась вокруг вопроса организации власти на уровне губернии и уезда, то есть на уровне земства, земского управления.

Итак, основной смысл государственной теории местного самоуправления, по мнению ее сторонников, сводится к тому, что самоуправление есть одна из форм организации государственного управления на местах. Исходя из этого, ее сторонники полагают, что органы местного самоуправления по существу являются органами государственного управления. Поэтому их компетенция целиком и полностью регулируется государством. Как видим, сторонники государственной теории местного самоуправления акцентировали свое внимание на том, что источником полномочий органов местного самоуправления является государственная власть, и все дела, рассматриваемые на местах, решаются государственными органами власти. Значит, государственная теория местного самоуправления предусматривает полную централизацию власти.

Рассмотренные теории не относятся к числу сугубо абстрактных. Они появились в условиях активного поиска моделей социального устройства как форма ответа на вызовы общественной практики, поэтому нашли реальное воплощение во многих государствах.

Каждая теория, наряду с позитивными сторонами, не лишена и недостатков, которые активно обсуждаются в научной литературе. Например, Н.И. Лазаревский, критикуя сущность общественной теории, писал, что «самое слабое место в этой теории состоит не только в том, что ее сторонникам не удается составить достаточно пространного списка негосударственных публично-правовых дел, предоставляемых органам самоуправления, сколько в том, что таких дел вовсе не может быть» [7]. Тем не менее, данная концепция нашла реальное воплощение во многих государствах, особенно в зарубежных, поэтому она относится к числу живых и востребованных общественной практикой теорий. Она же нашла отражение и в современном российском законодательстве о местном самоуправлении, в первую очередь в Конституции Российской Федерации, которая гласит, что «местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти»

(ст. 12). Здесь подчеркивается самостоятельность местного самоуправления, исключается административный подход к управлению территориальными сообществами и предоставляется право местному сообществу самостоятельно решать свою судьбу.

Оппоненты «государственной теории местного самоуправления» акцентируют свое внимание на нецелесообразности государственного вмешательства во внутренние дела местных сообществ. Они утверждают, что попытки решать вопросы местного значения при помощи государственной власти без учета интересов местного сообщества и без привлечения энергии местного населения обречены на провал. Напротив, жесткая централизация власти, подчинение интересов местных сообществ только лишь интересам государства, активное вмешательство в местные вопросы служат причинами разрыва связей между обществом и государством.

Опыт развития местного самоуправления России и других стран наглядно показал наличие двух противоборствующих тенденций. С одной стороны, это стремление местных сообществ к суверенизации и дистанцирование от государственного вмешательства, а также активизация попыток самостоятельного решения местных проблем, а с другой, вмешательство во внутренние дела территорий, подчинение интересов территорий интересам государства в целом. Названные тенденции, как было уже указано, нашли отражение в теоретических концепциях, среди которых ведущими являются общественная теория и государственная теория местного самоуправления.

Кроме рассмотренных теорий – общественной теории, базирующейся на идеях свободной общины, и государственной теории местного самоуправления – существует и третья – дуалистическая или государствоведческо-общественная теория. По мнению И.И. Осинского и М.И. Добрыниной, «появление данной теории относится к концу XIX в., когда в России, как и во многих европейских государствах, начался процесс практического сочетания местного управления и местного самоуправления. Согласно дуалистической теории, местное самоуправление – власть, имеющая государственно-общественный характер. Здесь местное самоуправление и государство не противопоставляются, а рассматриваются как части единой публичной власти, взаимодействующие не на принципе иерархической подчиненности, а на принципе субсидиарности» [8].

Следовательно, основной смысл государствоведческо-общественной теории заключается в том, что органы местного самоуправления исполняют часть местных общественных дел самостоятельно и под свою ответственность. Кроме того, государство вправе делегировать местному самоуправлению часть своих функций, связанных с оптимизацией жизнедеятельности.

тельности населения данной территории. В этой части органы местного самоуправления действуют как подотчетные государству.

Со временем развитие государствоведческо-общественной теории привело к возникновению юридической концепции, стремящейся к разработке правового статуса местных структур через определение оптимальной модели сочетания государственной и местной властей. Последней предписывалась определенная самостоятельность в решении местных проблем, которая мыслилась как осуществление определенных государственных функций. Обобщенно феномен местного самоуправления трактовался как относительно децентрализованная форма государственного управления на местах.

В основе государствоведческо-общественной теории или теории дуализма лежат представления о двойственном характере самого местного самоуправления и деятельности его органов. С одной стороны, подчеркивается самостоятельность в местных делах, с другой – важность участия государства в решении местных проблем. Данный подход предостерегает от попыток низвести местное самоуправление до самодеятельности, лишенной властного потенциала. В то же время в рамках данной концепции императивно ставится вопрос о новых формах участия граждан в управлении делами общества на местном уровне и об оптимальной государственной поддержке, оказываемой местному сообществу.

Литература

1. Осинский И.И., Добрынина М.И. Политология. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 241-242.
2. Лазаревский Н.И. Самоуправление. Мелкая земельная единица: сб. ст. СПб., 1903. – С. 7.
3. Лешков В.Н. Опыт теории земства и его земских учреждений по Положению 1864 г. января первого // День. 1865. – №42. – С. 12.
4. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. Утверждено указом Александра II 1 января 1864 г. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. XXXIX. – №40457. URL: <http://emsu.ru/lm/monf/library/MUN4/4.htm> (Дата обращения 18.09.2011).
5. Коркунов К.М. Русское государственное право. СПб., 1909. – Т.2. – С. 489.
6. Градовский А.Л. Начала русского государственного права. – Т.9. – СПб, 1904. – С. 25.
7. Лазаревский Н.И. Самоуправление. Мелкая земская община. – СПб., 1908. – С. 7.
8. Осинский И.И., Добрынина М.И. Политология. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 348.

Будаева Цыцык Батоевна, доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Бурятского государственного университета. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, тел. 8(301-2) 21-35-06.

Дугарова Альбина Аюшеевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Бурятского государственного университета. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, тел. 8(301-2) 21-35-06. E-mail: albinabur@mail.ru

Budaeva Tsytsyk Batoevna, doctor of political sciences, professor, department of state and municipal management, Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, Smolin str., 24a, ph. 8(301-2) 21-35-06.

Dugarova Albina Ayusheevna, candidate of political sciences, senior teacher, department of state and municipal management, Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, Smolina, 24a, ph. 8(301-2) 21-35-06. E-mail: albinabur@mail.ru

УДК 338.3

© **В.Ю. Савченко-Бельский, Р.А. Черепов**

Экономические риски авиапредприятий при изменениях летной годности воздушных судов

В статье раскрываются понятия «экономические риски» применительно к авиапредприятию, к важнейшему критерию безопасности полетов – летной годности воздушных судов. Раскрывается современная система обеспечения летной годности, влияния на нее различных факторов. Предлагается для авиапредприятий новая услуга по страхованию летной годности воздушных судов.

Ключевые слова: экономические риски, авиапредприятие, летная годность, страхование.

V.Yu. Savchenko-Belsky, R.A. Cherepov

Economic risks of aviation enterprises at changes in the flightworthiness of air vessels

The article reveals a concept “economic risks” referring to aviation enterprise, especially to the most important criterium of flights safety– flightworthiness of air vessels. A modern system of flight worthiness provision is revealed, as well as the influence of different factors on it. A new service of ensuring flightworthiness of air vessels is offered for aviation enterprises.

Keywords: economic risks, aviation enterprise, flightworthiness, insurance.

Среди рисков транспортных предприятий (финансовых, инновационных, коммерческих, социальных) наиболее часто встречаются экономические, тесно связанные с производственными, вызываемыми техническими неисправностями подвижного состава, их простоями, потерями от аварий, проведения дополнительных организационно-технических мероприятий.

Результаты деятельности авиапредприятий в значительной степени зависят от работы технических наземных служб. Возникновение рисков авиатранспортных предприятий из-за деятельности отдельных технических подразделений оказывает существенное влияние на комплексные экономические показатели, в том числе за счет повышения безопасности полетов, сокращения простоев воздушных судов (ВС), уменьшения штрафных санкций из-за срывов или задержки рейсов и др.

Как известно, риск и опасность потерь присущи любой экономической деятельности. В связи с тем, что однозначная формулировка категория «риск» еще не установилась даже в научных специализированных кругах, была предпринята попытка определить это понятие законодательно. Она нашла свое отражение в Федеральном законе «О техническом регулировании». В соответствии с законом риск характеризуется как категория, от значения которой зависят те или иные действия хозяйствующих субъектов – партнеров. В законе отмечается: «Риск» – вероятность причинения вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни и здоровью животных и растений с учетом тяжести этого вреда».

По нашему мнению, риск – это экономическая категория, характеризующая особенность финансово-хозяйственной деятельности субъектов экономики в условиях неопределенности, показатель качества принимаемого решения, направленного на получение ожидаемого результата деятельности компании на рынке товаров и услуг. Результатом наступления рискованного события становится отклонение от поставленной стратегической цели. Риск – категория объективная, неотъемлемый элемент функциональной структуры системы управления организацией и проявляется как множество отдельных обособленных рисков. С другой стороны, риск как фактор достижения целей предприятия, формирующий поведенческое пространство индивида, всегда субъективен, т. к. содержание рискованного поведения субъективно. Любое действие, связанное с риском, всегда целенаправленно. Риск может проявляться негативно, привести к потере дохода, к убытку, а также может позитивно влиять на потенциал предприятия, результатом может стать прибыль, доход. Часто с целью получения прибыли менеджмент принимает решение, содержащее определенный риск (например, при вложении капитала, кредитовании организации технических процессов). В этом случае должны быть предусмотрены все варианты реализации принимаемого решения.

Предлагаемое определение в большей степени, во-первых, учитывает существующие подходы в обобщенном виде, и, во-вторых, отражает способность лица, принимающего решение, выбрать в условиях неопределенности его оптимальный вариант и оценить последствия реализации принятых решений.

Можно согласиться и с встречающимся в современной экономической литературе утверждением, что категория «риск» представляет собой событие, которое может произойти или не произойти. При совершении такого события возможны три результата: отрицательный (проигрыш, ущерб, убыток); нулевой; положительный (выигрыш, выгода, прибыль). Другими словами, риск можно охарактеризовать как опасность потенциально возможной, вероятной потере ресурсов или недополучения доходов по сравнению с вариантом, рассчитанным на рациональное использование ресурсов в данном виде деятельности. Приведенное определение характеризует риск с качественной стороны и создает основу для перевода понятия «риск» в количественную категорию.

Многим специалистам в теории риска это определение не представляется удачным. Они уверены, что целесообразно иметь два толкования понятия «риск» – качественное и количественное. Качественное понятие может объединить все возможные случаи использования этого понятия как наличия некоей опасности (угрозы) без попыток количественно определить данный показатель. Примененное в законе определение понятия «риск» могло бы служить приемлемым для всех качественных определений, если заменить первое слово в определении «риска» – «вероятность» на слово «возможность», а в конце определения записать «с учетом величины ущерба». «Вероятность» в математике есть количественная величина, и применение этого слова в определении «риска» в законе может толковаться как количественное определение, что на самом деле противоречит складывающимся в науке и на практике представлениям о риске как о произведении вероятности неблагоприятного события на его последствия (ущерб, вред). Использование в качестве критерия только «вероятности» без установления масштаба последствий заставит учитывать множество незначимых событий.

На самом деле риск – всегда вероятное будущее, проблема настоящего. В более широком смысле под риском понимают следствие действия, либо бездействия, в результате которого существует реальная возможность получения результатов, влияющих на деятельность организации, на достижение целей бизнеса как положительно, так и отрицательно. С экономическим риском связана возможность не только возникновения ущерба, но и выгоды, т. е. любые отклонения (отрицательные и положительные), потребуют от руководства транспортного предприятия адекватного управленческого решения.

Таким образом, мы приходим к выводу, что категорию «риск» характеризуют следующие основные черты, составляющие ее содержание: 1) возможность отклонения от предлагаемой цели, ради которой осуществлялась выбранная альтернатива; 2) вероятность достижения желаемого результата; 3) возможность материальных, нравственных и других потерь, связанных с осуществлением выбранной в условиях неопределенности

альтернативы. Эти черты составляют основное содержание категории «риск» и достаточно четко проявляются в его функциях.

Как количественная категория риск определяется абсолютным и относительным уровнем потерь. В абсолютном выражении риск может определяться величиной возможных потерь в материально-вещественном (физическом) или стоимостном (денежном) выражении, если только ущерб поддается такому измерению. Как правило, в абсолютном выражении риск исчисляется, когда речь идет об одной конкретной цели.

В относительном выражении риск определяется как величина возможных потерь, отнесенная к некоторой базе, в виде которой наиболее удобно принимать либо имущественное состояние, либо общие затраты ресурсов на данный вид деятельности, либо ожидаемый доход (прибыль) от операции. Выбор той или иной базы не имеет принципиального значения, но следует предпочесть показатель, определяемый с высокой степенью достоверности. Относительные показатели применяются, если необходимо определить допустимый уровень риска при совершении различных операций.

Необходимо отметить, что риски, связанные с безопасностью деятельности авиатранспортных предприятий, могут возникать в различных ее элементах. (Мы не рассматриваем непосредственно проблемы, связанные с управлением полетами, деятельностью летного состава). Ниже мы подробнее остановимся на системе сохранения летной годности (ВС) как одного из важнейших факторов уменьшения риска безопасности полетов.

Для авиапредприятий (АП) принято считать, что летная годность (ЛГ) – это комплексная характеристика ВС, определяемая реализованными в его конструкции принципами и решениями, позволяющими совершать безопасные полеты в ожидаемых условиях и при установленных методах эксплуатации. Летная годность обеспечивается на этапе конструирования ВС в соответствии с действующими авиационными правилами (нормами летной годности). Затем, в течение всего периода эксплуатации ВС, его летная годность должна сохраняться путем соблюдения установленных правил летной эксплуатации, технического обслуживания и ремонта. Под сохранением летной годности подразумеваются все мероприятия, которые обеспечивают в любой момент срока службы ВС соответствие действующим правилам летной годности, и его техническое состояние обеспечивает безопасную эксплуатацию. В настоящее время появились новые реальности в деятельности авиапредприятий, серьезно влияющие на процессы сохранения летной годности ВС. Так, в гражданской авиации РФ вместо единого Аэрофлота появилось более 200 самостоятельных авиапредприятий; изменилась система государственного управления транспортной отраслью; парк ВС очень медленно обновляется; российские предприятия используют ВС иностранного производства; материально-

техническая база аэропортов не всегда соответствует современным требованиям.

Система сохранения летной годности ВС учитывает следующие основные особенности: обеспечение высокой степени живучести конструкции ВС; усиление требований в отношении обеспечения эксплуатационно-технических характеристик современных ВС; широкое использование при создании современных ВС принципа «безопасности повреждаемости конструкции», в отличие от принципа «безопасного срока службы»; широкое применение на современных ВС бортовых систем диагностирования работоспособности узлов и агрегатов; отказ от проводимых традиционных капитальных ремонтов ВС; ориентация на применение режимов технического обслуживания и ремонтов узлов и агрегатов ВС по их техническому состоянию.

Нормы летной годности гражданских самолетов были разработаны на основе рекомендаций международной организации гражданской авиации (ИКАО) в начале 70-х годов прошлого века, постоянно модернизировались и сейчас внедрены в практику промышленности гражданской авиации и авиационного регистра при создании и сертификации всех новых ВС. Ведется работа по сближению отечественных норм летной годности с аналогичными нормами США и Западной Европы по структуре и содержанию требований, с учетом обеспечения конкурентной способности отечественных типов ВС. При этом учитываются ожидаемые условия эксплуатации для каждого конкретного типа ВС.

Основными факторами сохранения летной годности ВС являются:

- эксплуатационная живучесть конструкции ВС;
- сохранение целостности конструкции ВС по условиям прочности;
- установление и продление ресурсов и сроков службы ВС;
- человеческий фактор при техническом обслуживании и ремонте

ВС.

Эффективность работы по сохранению летной годности ВС в значительной степени зависит от организационно-управленческого обеспечения деятельности авиапредприятия; развития и совершенствования производственной базы; материально-технического обеспечения; системы информационного обслуживания.

В соответствии с требованиями Воздушного Кодекса РФ, контроль за летной годностью ВС осуществляется специально уполномоченным органом Международного авиационного комитета (МАК) и Федеральной службы по надзору в сфере транспорта (ФСНСТ). Одной из важнейших задач, направленных на сохранение летной годности ВС, является сертификация каждого экземпляра ВС, находящегося в эксплуатации у авиатранспортного предприятия. Общий принцип сертификации ВС состоит в следующем: с момента начала эксплуатации ВС имеют место два одновременно происходящих процесса. Один – это постоянно вносимые под

влиянием требований по повышению безопасности полетов и экономической эффективности в типовую конструкцию ВС изменения и усовершенствования. Другой – это естественные изменения технического состояния ВС под воздействием внешних факторов (нагрузки, коррозия, старение материалов и др.). Иными словами, в период эксплуатации фактическое состояние ВС оценивается переменными характеристиками. Требования безопасности полетов обязывают, чтобы фактически состояние всех элементов ВС соответствовало его типовой конструкции. Для этого в авиапредприятиях организуется техническое обслуживание, ремонт и контроль ВС.

Программы работы по оценке конкретного экземпляра ВС осуществляются центром по сертификации и включают следующие основные процессы: проверку конструктивной и эксплуатационной документации; проведение детального осмотра конструкции узлов, агрегатов, систем и оборудования; осуществление проведения наземных и летных испытаний.

Сертификат летной годности (далее ЛГ) выдается или продлевается на период действующих сроков службы (ресурсов) конкретного экземпляра ВС или до капитального ремонта, но не более, чем на два года. На величину ЛГ влияет большое количество различных факторов. Их условно можно разделить на три группы. К первой относятся показатели ЛГ, а именно: уровень ЛГ с учетом влияния эксплуатационных факторов, вероятность возникновения отказа техники, средний налет ВС на одно событие (отказ), степень тяжести последствий отказов. Ко второй группе показателей относят: объем транспортной работы авиапредприятия (АП); производительность ВС за час полета, степень удовлетворения спроса на перевозки, уровень качества работы; регулярность перевозок. Третья группа включает следующие показатели: себестоимость перевозок; рентабельность рейсов; ущерб от возникновения отказов техники; доход авиапредприятия за определенный период; расходы авиапредприятия за тот же период.

Практически каждое серьезное нарушение в работе техники ВС приводит к дополнительным затратам авиапредприятия на проведение наземных работ по диагностике отказа, ремонту или замене отдельных узлов и агрегатов ВС. Все это в конечном итоге отражается на ЛГ воздушного судна и приводит к дополнительным затратам АП, т.е. увеличению экономических рисков.

Как в этих условиях можно сократить их величину? По нашему мнению, необходимо разработать и внедрить новую услугу, а именно страхование летной годности ВС. В настоящее время в гражданской авиации широко используются различные методы страхования. Любой имущественный интерес, связанный с эксплуатацией ВС, является объектом авиационного страхования. Обычно при установлении тарифа по авиастрахованию практикуется принцип индивидуального подхода при оценке рис-

ка. Основными критериями при оценке риска являются данные, представляемые представителем авиационного предприятия. Тариф зависит от таких факторов, как рыночная стоимость борта, год выпуска, тип ВС. Тип ВС особо влияет на повышающий или понижающий коэффициент по тарифу, т.к. по каждому типу существует определенная статистика убытков. Кроме того, на величину тарифа влияет число пассажиро-мест, грузовых мест, квалификация летного состава, который привлекается к эксплуатации ВС, а также техническое обслуживание судна. Во внимание, кроме всего прочего, принимается география полетов ВС, ведь условия рейсов в страну с повышенной опасностью отличаются от стран, где политическая ситуация стабильна. На величину тарифной ставки влияют также показатели тонно-километров, самолето-километров, пассажиро-километров. Плюс ко всему вышеперечисленному, принимаются во внимание количество погибших самолетов за несколько лет и их стоимость. Цена по полису ответственности формируется в соответствии с пассажироместимостью ВС. Это объясняется тем, что основная часть ответственности – это ответственность перед пассажирами, а не перед третьими лицами. Кроме того учитываются маршруты, на которых работают ВС, статистика показывает повышающие и понижающие коэффициенты. Средние базовые страховые тарифы с ответственностью за гибель и повреждение судна – 1,9–6,3, с ответственностью за повреждения – 0,7–0,8, с ответственностью за полную гибель – 0,6–0,7. Базовые тарифы являются основными для применения к ним повышающих и понижающих коэффициентов при рассмотрении обстоятельств, влияющих на степень риска. На практике оценку риска производят сюрвейеры, которыми пользуются показатели безопасности полетов, принятые ИКАО.

Виды страхования, используемые в авиации:

- страхование воздушных судов КАСКО;
- страхование авиационных двигателей и запчастей;
- страхование ответственности авиационных перевозчиков перед третьими лицами и пассажирами;
- страхование здоровья и жизни летного состава;
- страхование летного состава на случай утраты профессиональной трудоспособности.

В последнее время сложилась сложная ситуация, когда на общем фоне старения российского парка ВС любая крупная авиакатастрофа может повлечь за собой крах – но отнюдь не страховщика (у него, как правило, всегда все перестраховано!), а в первую очередь – авиапредприятия. Авиастрахование является особо рискованной позицией в транспортном страховании и проводится на случай гибели (полной или конструктивной), пропажи без вести или повреждения ВС, наступившего в результате повреждения во время полета, руления или стоянки. Могут быть застрахованы ВС как в целом, так и отдельные агрегаты, установ-

ленные на борту. Имеет место и страхование убытков от простоя, страхование от перерывов в производстве. Это вид страхования, в соответствии с условиями которого страховщик компенсирует потери в связи с остановкой производственной деятельности страхователя. Страховыми событиями по такому случаю могут быть: коммерческие факторы (остановка производства в связи с недопоставкой ресурсов, отсутствием финансовых средств, изменением конъюнктуры рынка и т.д.); общественно-политические факторы (военные действия, демонстрации, забастовки и др.); технические неисправности оборудования; пожары, взрывы, аварии, стихийные действия, неблагоприятные климатические условия, хищения. Убытком от простоя производства считается потерянная производственная прибыль, дополнительные затраты по сокращению размера убытков и текущие расходы страхователя. В страховом договоре указывается минимальный срок остановки производственного процесса, по истечении которого страхователь имеет право на возмещение убытков. За страховую сумму по данному страхованию чаще всего принимают сумму прибыли от реализации товаров и оказания услуг страхователем и расходов, которые продолжают иметь место в случае приостановления процесса производства. Размер утраченной прибыли рассчитывается отнесением норматива прибыли к сумме выручки, не полученной в связи с остановкой производства. Текущие расходы на производство возмещаются только в том случае, если их необходимо было осуществлять или с правовой точки зрения, или если бы они производились и в случае бесперебойной работы производства. В мировой практике этот вид страхования относится к полисам «потери прибыли» или «потери, являющейся следствием». Их цель – возмещение страхователю потерянных доходов от деятельности его фирмы и доходов, которые могли бы быть получены при продолжении его функционирования. Такие потери могут возникнуть вследствие пожара или других застрахованных рисков. При первичном страховании (огневое страхование или страхование оборудования) затрат, которые не входят в покрытие, обеспечиваемое полисом, возникает необходимость возмещения потерь от приостановки деятельности предприятия. Помимо материального ущерба у страхователя возникают дополнительные издержки: производственные расходы (например, заработная плата) могут остаться прежними, несмотря на снижение объема продаж; снижение доходов; дополнительные временные затраты (например, на использование временного помещения). Одно из преимуществ данного вида страхования состоит в том, что страхователь может сам определить «восстановительный период». Обычно он составляет 12 месяцев, но может быть и больше. Рассчитываемый страхователем этот период бывает достаточно продолжительным для того, чтобы страхователь смог выйти на прежний уровень оборота. Страховой полис не оплачи-

вает потери оборота так такового, но в соответствии с принципом возмещения страховщик пытается восстановить то финансовое состояние страхователя, которое было у него до наступления страхового случая. Цель этих действий (при условии, что страховая сумма адекватна риску) – выплата компенсации расходов, которые независимо от снижения оборота остались неизменными после наступления страхового случая и чистой прибыли, относящейся к рассматриваемому периоду. В каждом конкретном рынке существует своя практика формулирования условий полисов, позволяющих достичь этого. В полис всегда включается оговорка о том, что сумма претензий по страхованию перерывов в производстве должна учитывать осуществленные до того выплаты по страхованию имущества или ответственности. Перечисленные выше принципы страхования от простоев могут быть успешно использованы при разработке общей методики страхования изменения летной годности ВС. При этом надо учитывать, что это авиастрахование должно применяться как при сокращении периода ЛГ, вызванной отказами техники, так и при увеличении периода ЛГ, устанавливаемой компетентными органами сертификации. Такая система дополнительного страхования может стать важным элементом управления экономическими рисками авиапредприятий.

Литература

1. Качалов Р.М. Управление хозяйственными рисками на предприятиях. – М.: Наука, 2002.
2. Клейнер Г.Б., Тамбовцев И.Л., Качалов Р.М. Предприятия в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность / под общ. ред. С.А. Панова. – М.: Экономика, 1997.
3. Савченко-Бельский В.Ю. Управление экономическими рисками транспортных предприятий. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2002.
4. Смирнов Н.Н., Чинючин Ю.М., Тарасов С.П. Сохранение летной годности воздушных судов: учебное пособие. МГТУГА. – М., 2005.

Савченко-Бельский Владимир Юрьевич, доктор экономических наук, профессор Государственного университета управления (ГУУ). Тел. 8917555218. E-mail: IRINA.SBF@mail.ru

Черепов Роман Александрович, аспирант Государственного университета управления. E-mail: romanche82@mail.ru

Savchenko-Belsky Vladimir Yurevich, doctor of economic sciences, professor, State University of Management. ph. 8917555218. E-mail: IRINA.SBF@mail.ru

Cherepov Roman Alexandrovich, postgraduate student, State University of Management. E-mail: romanche82@mail.ru

УДК 338.2 (571.54)

© В.Б. Прокопьев

**Анализ системы местного самоуправления
в Республике Бурятия в процессе реформирования**

В статье рассмотрена правовая основа местного самоуправления в Республике Бурятия, сделан анализ организации местного самоуправления в процессе его реформирования

Ключевые слова: закон, устав муниципального образования, местное самоуправление, органы государственной власти.

V.B. Prokopyev

**The analysis of a system of local governance in the Republic
of Buryatia in the course of reformation**

In the article a legal basis of local governance in the Republic of Buryatia is considered, the analysis of organization of local governance in the course of its reformation has been made.

Keywords: law, municipality chapter, local governance, state authorities.

Важнейшим условием эффективности местного самоуправления являются его организационные основы, с помощью которых на муниципальном уровне происходит формирование и организация практической работы различных органов местного самоуправления, координация их деятельности, а также взаимодействие с органами государственной власти.

Правовую основу местного самоуправления в Республике Бурятия, помимо общепризнанных принципов и норм международного и федерального законодательства, составляют:

- Конституция Республики Бурятия, принятая Верховным Советом Республики Бурятия 22 февраля 1994 г.;
- Закон Республики Бурятия от 5 сентября 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Республике Бурятия»;
- Закон Республики Бурятия от 7 декабря 2004 г. «Об организации местного самоуправления в Республике Бурятия» и др.
- Уставы муниципальных образований, решения, принятые на местных референдумах и сходах граждан, и иные муниципальные правовые акты.

В Конституции Республики Бурятия в 8 ст. из 122 содержатся нормы, имеющие непосредственное отношение к осуществлению местного самоуправления. В частности, в них содержатся такие концептуальные установления, как: гарантированность местного самоуправления (ст. 6 и 107), самостоятельность местного самоуправления в пределах своих полномочий (ст. 6, 104, 105, 106), обязательность соблюдения органами местного

самоуправления Конституции Республики Бурятия и законов (ст. 11), осуществление местного самоуправления населением как непосредственно, так и через представителей (ст. 3, 30, 105), организационная обособленность местного самоуправления от системы органов государственной власти (ст. 6), возможность передачи органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий при условии передачи необходимых для реализации передаваемых полномочий материальных и финансовых средств (ст. 106), осуществление местного самоуправления с учетом исторических и иных местных традиций (ст. 105).

Однако правовая неурегулированность отношений в сфере местного самоуправления в законодательстве Российской Федерации, так и отдельных ее субъектов, в т.ч. и в законодательстве Республики Бурятия, сохраняется до настоящего времени.

Наиболее существенными проблемами в рассматриваемой сфере являются:

- несовершенство регулирования федеральным законодательством вопросов территориальной организации местного самоуправления, в зависимости от типа поселения, вследствие чего крупные города и небольшие сельские поселения наделяются по сути одинаковым объемом полномочий;
- отсутствие в федеральном и республиканском законодательстве четкой правовой регламентации процедуры учета мнения населения при образовании, объединении, преобразовании и упразднении муниципальных образований;
- отсутствие четкого правового разграничения полномочий и компетенции между органами местного самоуправления и органами государственной власти Республики Бурятия.

В главе 3 ст. 14 Федерального закона № 131 определен перечень вопросов местного значения в количестве 33 наименований. Но в процессе реализации муниципальной реформы и дальнейшего становления и развития местного самоуправления указанный объем полномочий увеличился.

Органами государственной власти Республики Бурятия проведена необходимая работа по проведению реформы местного самоуправления на территории республики. В связи с реформированием системы муниципального управления в республике, степень влияния отдельных субъектов на процесс решения вопросов местного значения изменилась. Анализ рассмотренных вопросов показывает, что они серьезно влияют на решение вопросов местного значения глав муниципальных образований, затем по степени влияния идут местная администрация, Глава Республики Бурятия, Народный Хурал республики, представительный орган местного самоуправления, население муниципального образования, руководители предприятий, территориальное общественное самоуправление, общественные объединения. Происходящие в последнее время события в Буря-

тии, как и во многих субъектах Федерации, дают определенные надежды на то, что общественные объединения граждан являются одной из основ становления гражданского общества.

Пока же минимальная роль общественных объединений в процесс принятия управленческих решений на уровне местного самоуправления свидетельствует о том, что в России говорить о зрелом гражданском обществе преждевременно.

Существующая действительность вызывает необходимость передачи части вопросов местного значения, определенных действующим законодательством, на уровень республики – это обеспечение противопожарной безопасности, муниципальное дорожное строительство и ряд других.

Продолжая анализ существующих проблем, связанных с несовершенством федерального и республиканского законодательства, можно выделить следующие недостатки в рассматриваемой сфере:

- неурегулированность межбюджетных отношений между республикой и муниципальными образованиями, что проявляется в свете законодательных инициатив Улан-Удэнского городского Совета депутатов, выдвинутых в последние годы;

- правовая неопределенность статуса главы муниципального образования. Это заметно по складывающейся ситуации в ряде муниципальных образований республики. Наиболее ярко это наблюдается в городском округе «город Улан-Удэ».

Одним из важнейших факторов, влияющих на эффективность самоуправления как способа организации публичной власти, дающих возможность населению самостоятельно решать вопросы местного значения, является территория муниципального образования.

Основные правовые нормы, обеспечивающие регулирование территориальной организации местного самоуправления в стране определены ст. 131 Конституции Российской Федерации и Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», однако значительная часть правоотношений в этой области регулируется законодательством субъектов Федерации.

Реализация Федерального закона №131 привела к тому, что в субъектах Российской Федерации сформировались три модели территориальной организации местного самоуправления: административно-территориальная (районная), поселенческая и смешанная.

Для Бурятии характерна административно-территориальная модель с одноуровневыми муниципалитетами, сформированными на базе крупных городов и административных районов, которая действует в 47 субъектах Российской Федерации, то есть в большинстве регионов страны, в том числе у наших соседей: в Забайкальском крае и Иркутской области.

В рамках административно-территориальной модели местного самоуправления в Республике Бурятия было создано 23 муниципальных обра-

зования на базе существующих административных районов, а также г. Улан-Удэ и Северобайкальск.

Принятие этой модели позволяло обеспечить сохранение принципа территориального управления, концентрацию финансовых бюджетных средств, эффективное расходование средств на приоритетных участках, программное развитие местной экономики и др.

Проблемы территориальной организации местного самоуправления, взаимосвязанные с проблемами разграничения полномочий и финансово-экономической обеспеченности муниципальных образований, мешают эффективному развитию местного самоуправления.

Если органы местного самоуправления имеют в своем распоряжении достаточные административные, бюджетные, налоговые ресурсы, то это создает благоприятные условия для развития муниципального образования. И кроме того, важнейшим фактором является широкое участие населения в осуществлении местного самоуправления и его контроль за органами муниципальной власти.

В настоящее время федеральная власть приходит к пониманию того, что для эффективного функционирования местного самоуправления государство должно принять меры, чтобы финансовые ресурсы муниципального образования были соразмерны их компетенции.

Что касается конкретных направлений по повышению действенности местного самоуправления, оно должно оставаться, по меткому выражению В.В. Путина, «властью шаговой доступности» – то есть муниципалитеты не должны бесосновательно укрупняться. Кроме того, муниципалитеты должны стать действительно финансово состоятельными и автономными, иметь достаточные источники для исполнения своих полномочий при решении вопросов местного значения.

В статье «Демократия и качество государства», опубликованной 6 февраля 2012 г. в «Коммерсанте», В.В. Путин предлагает передать на уровень муниципалитетов все налоги малого бизнеса, который сейчас работает в условиях специальных налоговых режимов. При этом необходимо сбалансировать полномочия между субъектами Федерации и муниципалитетами.

Усиление экономической самостоятельности особенно необходимо крупным и средним городам. Здесь в основном сосредоточен экономический потенциал региона, в нашем случае г. Улан-Удэ. В таких городах и наиболее активные граждане. Города выступают источниками экономического роста и очагами гражданских инициатив.

Отдельная проблема – это судьба малых городов, в которых живет значительная часть граждан, которые, не имея нормальных доходных источников, вынуждены жить на трансферты из регионального бюджета. Это относится и к городами Бурятии: Бабушкин, Гусиноозерск, Закаменск, Кяхта, за исключением, возможно, г. Северобайкальск.

В то же время малый город – это в ряде случаев благоприятная площадка для муниципальной демократии.

А. Солженицын писал о роли местного самоуправления: «Только в таком объёме люди безошибочно смогут определить избранцев, хорошо известных им и по деловым способностям и по душевным качествам. Здесь не удержатся ложные репутации, здесь не поможет обманное красноречие или партийные рекомендации».

Без правильно поставленного местного самоуправления не может быть добропорядочной жизни, да и само понятие «гражданская свобода» теряет смысл.

Литература

1. Конституция Российской Федерации, 1993 г.
2. Федеральный закон №131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г.
3. Конституция Республики Бурятия (в редакции 30 декабря 2003 г. №562-III) от 22 февраля 1994 года.
4. Закон Республики Бурятия «Об организации местного самоуправления в Республике Бурятия» от 7 декабря 2004 г.
5. Устав городского округа «Город Улан-Удэ» от 24 мая 2007 г.
6. «Коммерсант». 6 февраля, 2012 г.

Прокопьев Владимир Борисович, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Бурятского государственного университета. E-mail: Gmu.kafedra@mail.ru

Prokopyev Vladimir Borisovich, candidate of science in pedagogy, the Head of the department of government and municipal government, Buryat State University. E-mail: Gmu.kafedra@mail.ru

УДК 311.1

© Ц.Б. Жанчипова

Повышение квалификации государственных гражданских служащих как механизм укрепления и развития кадрового состава государственной гражданской службы

Статья посвящена важной проблеме развития кадрового потенциала государственной гражданской службы Российской Федерации. Механизмом ее развития рассматривается система дополнительного профессионального обучения, в частности, система повышения квалификации государственных служащих.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, повышение квалификации, дополнительное профессиональное образование.

Ц.Б. Жанчипова. Повышение квалификации государственных гражданских служащих как механизм укрепления и развития кадрового состава государственной гражданской службы

Ts.B. Zhanchipova

Professional development of civil employees as a mechanism to strengthen and develop the staff of state civil service

The article is devoted to the important problem of personnel potential development of the Russian Federation state civil service. A system of additional professional training, in particular, the system of civil employees training is considered as a mechanism of its development.

Keywords: *state civil service, professional development, additional professional training.*

Несмотря на то, что административная реформа, в рамках которой модернизируется и государственная служба, имеет довольно продолжительный временной срок, проблема укрепления кадрового состава государственной службы по-прежнему сохраняет свою актуальность. Кадровое обеспечение – одно из самых уязвимых мест функционирования органов государственной власти

За прошедшие 20 лет кадры государственной службы претерпели существенные изменения: если 15 лет назад анализ кадрового состава позволял сделать вывод о том, что, с одной стороны, на государственной службе заняты специалисты, получившие высшее образование и профессионально социализированные в условиях административно-командной системы, и потому не отвечающие вызовам современной среды, с другой стороны, в условиях политических реформ на государственную службу пришли люди, профессионально слабо подготовленные к исполнению должностей; выдвижение на руководящую работу зачастую производилось без учета профессиональной подготовленности, а новые руководители нередко меняли руководящие должности без полноценного их освоения.

Федеральным законом от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» установлено, что к должностям государственной гражданской службы, в зависимости от категории и группы, устанавливаются требования к уровню профессионального образования, стажу гражданской службы (государственной службы иных видов) или стажу (опыту) работы по специальности, профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей.

По данным федеральной службы государственной статистики по состоянию на 1 октября 2009 г., должностной состав кадров государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации (исполнительные органы государственной власти) в самой своей многочисленной категории «специалисты» по возрастам представлял следующую картину: до 30 лет – 60,6%, до 40 лет – 60,9%, 62 % имели высшее профессиональ-

ное образование, из них по профилю «государственное и муниципальное управление» – 58,2%.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что за последние 20 лет существенно обновился кадровый состав гражданских служащих и по возрасту и по образованию, а также произошло качественное изменение профессиональной подготовки государственных гражданских служащих.

Несмотря на приведенные данные, проблема кадрового обеспечения государственной гражданской службы профессионально подготовленными специалистами поднимается в ежегодных Посланиях Президента Российской Федерации к Федеральному собранию, во встречах лидеров государства с молодежью, на научных семинарах и пр.

Анализ научных публикаций, выступлений подводит к выводу о том, что многие исследователи сходятся на низкой оценке уровня профессионализма кадров государственной службы. Это не может не сказаться на успешности функционирования государственного управления, ведь эффективность государственного управления в решающей степени зависит от уровня профессионализма и компетентности служащих.

Конечно, в соответствии с федеральным законом, в процессе формирования кадрового состава органов государственной власти особое место должен занять «входной контроль» при приеме на службу. К сожалению, приходится констатировать, что существующая ныне система конкурсного отбора из-за применения классических методов (собеседование) не позволяет полностью «разглядеть» потенциал конкурсанта, а в условиях такого региона как Бурятия, с достаточно узким рынком труда, по-прежнему сохраняются и традиционные «технологии» прохождения конкурсного отбора: знакомства, родственные связи.

Очевидно, что выход из создавшегося положения следует искать прежде всего в организации профессиональной подготовки служащих, которая представляет собой целевое, конкретно направленное обучение. Его конечная цель – обеспечение органов государственной власти достаточным количеством служащих, чьи профессиональные качества в полной мере соответствуют предъявляемым к ним требованиям. Как обстоят дела, какие проблемы решают органы государственного управления в этом направлении у нас в Бурятии?

Организационное обеспечение переподготовки и повышения квалификации государственных служащих включает механизм формирования, размещения и исполнения государственного заказа на переподготовку и повышение квалификации государственных служащих. В республике указом Президента Республики Бурятия от 30 января 2009 г. № 6 «Об организации профессиональной переподготовки, повышения квалификации и стажировки государственных гражданских служащих Республики Бурятия, лиц, замещающих государственные должности Республики Бурятия в

Ц.Б. Жанчинова. Повышение квалификации государственных гражданских служащих как механизм укрепления и развития кадрового состава государственной гражданской службы

исполнительных органах государственной власти Республики Бурятия» было утверждено «Положение о порядке формирования, утверждения, финансирования и исполнения государственного заказа на профессиональную переподготовку, повышение квалификации и стажировку государственных гражданских служащих Республики Бурятия, а также лиц, замещающих государственные должности Республики Бурятия в исполнительных органах государственной власти Республики Бурятия». При этом функции по организации формирования и контроля за исполнением государственного заказа на профессиональную переподготовку, повышение квалификации и стажировку государственных гражданских служащих Республики Бурятия, а также лиц, замещающих государственные должности Республики Бурятия в исполнительных органах государственной власти Республики Бурятия, возлагались на Администрацию Главы и Правительства Республики Бурятия.

Необходимо отметить, что повышение квалификации кадров проходило по общим вопросам государственного управления, таким как управленческое, организационно-экономическое, планово-финансовое, правовое, информационно-аналитическое, размещение государственных заказов, противодействие коррупции в таких учебных заведениях как РАН-ХиГС, Дипакадемия МИД Российской Федерации, НИУ Высшая школа экономики в г. Москве и др.

В Республике Бурятия также сложился рынок образовательных услуг. Подготовкой специалистов по специальностям и повышением квалификации государственных служащих занимаются Бурятский государственный университет, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, работают филиалы учебных заведений других городов (Москва, Томск).

Налаженная система повышения квалификации кадров принесла, на наш взгляд, положительные результаты: если в 2000 г. при анализе образовательного уровня государственных и муниципальных служащих Республики Бурятия было выявлено, что доля государственных служащих, не имеющих высшего образования, составляет 4,1%, то по состоянию на сегодняшний день этот показатель составляет менее 0,3%.

Особое рассмотрение получают вопросы, связанные с финансированием государственного заказа, денежным содержанием государственных служащих в период обучения. По сравнению с началом XXI в. финансирование выросло: если в 2000 г. было выделено 698,6 тысяч р., то в 2011 г. – 2 948,6 тысяч рублей.

Анализ заявок органов государственной власти показывает, что большая часть государственных служащих желает пройти обучение в центральных учебных заведениях страны, республиканские учебные заведения являются менее востребованными, т. к. качество предлагаемых обра-

зовательных услуг местных учебных заведений несколько ниже. Справедливости ради стоит отметить, что есть здесь и субъективные моменты со стороны государственных служащих. Тем не менее, учебным заведениям республики необходимо более тщательно подойти к организации обучения служащих, предложить им кроме цены и востребованное содержание занятий.

Несколько слов о том, почему наши специалисты не хотят повышать квалификацию в местных вузах. Можно рассмотреть несколько причин.

Во-первых, большинство специалистов – выпускники местных вузов, и, конечно, хочется совместить приятное с полезным во время учебы: и квалификацию повысить, и мир, так, сказать, повидать. В желании выехать за пределы города для повышения квалификации в другие города нет ничего плохого. Как мы знаем из практики, опыт общения с коллегами из других регионов порой дает больше в плане профессионального роста, понимания своей работы, чем просто посещение лекций. С этой точки зрения, конечно, очень жаль, что все больше идет переход на дистанционную систему обучения.

Во-вторых, сейчас речь идет о специальности «государственное и муниципальное управление», на повышение квалификации бывшие студенты возвращаются в свои родные учебные заведения. Практика показывает, что зачастую преподаватели высших учебных заведений, в том числе и преподающие управленческие дисциплины, большей частью не владеют теорией управления. Это связано с рядом обстоятельств. Во-первых, многие преподаватели практически не имеют опыта управленческой работы, и сами, к сожалению, имеют весьма смутное представление о практике управленческой деятельности; знания, которыми они оперируют, также часто отстают от реалий. И пришедшие на повышение квалификации государственные служащие часто выражают недовольство тем, что не дают им того, чего они жаждали бы услышать. Это проблема не только улан-удэнских вузов, эта проблема носит более глобальный характер. Автор статьи проходила повышение квалификации в Москве, в Высшей школе экономики, со специалистами категории «руководители». Читали нам лекции все ведущие преподаватели, ниже должности «профессор» не было. И, тем не менее, по окончании курсов со стороны слушателей также раздавались речи о том, что они не совсем удовлетворены лекциями, что наука и практика управленческой деятельности – слишком разные вещи. В качестве предложения хочется отметить, что возможным представляется организация курсов повышения квалификации для преподавателей, круглых столов с помощью руководителей-практиков управленческой деятельности. Ведь преподаватели в силу загруженности, инерции не имеют представления об изменениях, которые происходят в системе государственного управления, к примеру, той же законодательной базы. Сближение вуза и органов государственной власти поможет организовать

Ц.Б. Жанчинова. Повышение квалификации государственных гражданских служащих как механизм укрепления и развития кадрового состава государственной гражданской службы

разработку фундаментальных и прикладных проблем государственного управления.

В 2012 г. система повышения квалификации в республике претерпела существенные изменения. В соответствии с указом Президента Республики Бурятия от 18.07.2011 г. № 178 «О внесении изменений в указ Президента Республики Бурятия от 30.01.2009 г. № 6 «Об организации профессиональной переподготовки, повышения квалификации и стажировки государственных гражданских служащих Республики Бурятия, лиц, замещающих государственные должности Республики Бурятия в исполнительных органах государственной власти Республики Бурятия», Администрация Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия, начиная с 2012 г., осуществляет функции исключительно формирования и контроля за исполнением государственного заказа.

Функции по размещению, финансированию и исполнению государственного заказа осуществляют теперь непосредственно государственные органы Республики Бурятия.

Одной из причин такого нововведения было желание самих исполнительных органов распоряжаться средствами, полагающимися на повышение квалификации. С чем же столкнулись наши органы? Финансовых средств оказалось не так много, как представлялось. По-прежнему нет возможности организовать выездное повышение квалификации, т. к. средства на командировочные расходы в бюджете исполнительного органа по-прежнему ограничены. Отчеты показывают, что сократился и список центральных вузов, которые по системе дистанционного обучения повышали квалификацию нашим специалистам.

Государственная служба – карьерная служба. Одним из условий продвижения по иерархической лестнице должно быть постоянное повышение квалификации государственного служащего как самостоятельное, так и плановое. К сожалению, сформировавшаяся система служебного продвижения не способствует выработке у государственных служащих мотивированной потребности в повышении уровня профессиональной подготовки. Укреплению и развитию кадров государственной службы способствовало бы закрепление правовых норм, обеспечивающих корреляцию должностных перемещений государственных служащих с результатами их обучения и применения ими полученных знаний. Различные виды формы переподготовки и повышения квалификации целесообразно увязать не только с замещением конкретных государственных должностей государственной службы, но и с этапами служебного продвижения от приема на государственную службу до ухода в отставку, с уровнем денежного содержания. Это будет способствовать формированию мотивационного механизма, направленного на повышение эффективности деятельности государственных служащих.

Жанчипова Цыжып Бадмадоржиевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Бурятского государственного университета. E-mail:zhanchipova.c@govrb.ru
Zhanchipova Tsyzhyp Badmadorzhievna, candidate of sociological sciences, associate professor, department of government and municipal management, Buryat State University. E-mail:zhanchipova.c@govrb.ru

УДК 316.42

© С.Д. Дагбаева

Качество жизни и социальные сети поддержки в адапционных стратегиях населения

В статье раскрываются адапционные стратегии населения, выявленные в результате социологического исследования. Социальные сети поддержки и их возможности были запланированы в оперативных и стратегических планах населения, поскольку доказали свою эффективность. Адапционные стратегии были условно разделены на актуальные и неактуальные, экстенсивные и интенсивные.

Ключевые слова: социальные сети поддержки, адапционные стратегии, качество жизни.

S.D. Dagbaeva

Quality of life and social support networks in the adaptation strategies of population

The article describes the adaptation strategies of population, identified through the sociological survey. Social support networks and their abilities are planned in operational and strategic plans of population, as they have proved their effectiveness. Adaptation strategies have been arbitrarily divided into topical and non-topical, extensive and intensive.

Keywords: social support networks, adaptive strategies, quality of life.

В последние годы тема социальных сетей поддержки довольно активно изучается и обсуждается в социологическом научном дискурсе. Интерес к изучению социальных сетей поддержки обусловлен значимостью социальных связей как важнейшего параметра социального капитала человека в решении различных жизненных проблем и механизмом повышения уровня и качества жизни. Социальные сети поддержки – это устойчивая совокупность взаимосвязей и отношений между ее участниками по обмену различными ресурсами. Базисом сетей поддержки являются т.н. «неформальные отношения», основанные на кровном родстве, дружеской или приятельской близости, этнической солидарности. Сеть поддержки выступает для индивидов своеобразным адапционным механизмом к системам официальных, институционально-нормативных установлений,

правил и регламентаций, представляет собой некий фундамент повседневной жизни, компенсирующий недостатки формальных социальных институтов.

Социальные сети поддержки семей во время системного кризиса на Западе выполняли важную роль «социального амортизатора» в стратегиях выживания семей, помогали развитию индивидуального предпринимательства и формированию бизнес-сообществ в сфере экономики. Некоторые исследователи отмечают (например, Дж. Скотт) на примере крестьянских сообществ общинные формы взаимовыручки, различные формы помощи и поддержки в условиях необходимости поддержания и укрепления уровня и качества жизни населения. Необходимо изучить возможности использования социальных сетей поддержки в технологиях повышения качества жизни населения.

Качество жизни признано международным сообществом одной из главных категорий, характеризующих развитие стран и народов. Под системой внутренних и внешних факторов качества жизни понимается взаимосвязанная в процессе жизнедеятельности интеграция экономических, социальных, политических и других условий существования социума, под воздействием которых развиваются социальные процессы региона. Внешние факторы характеризуют влияние, оказываемое на качество жизни и развитие региона со стороны других регионов, страны и различных государств. Среди внешних факторов, влияющих на качество жизни, можно выделить, например, состояние мировой экономики или экологическую обстановку в мире, природные условия, уровень развития соседних государств, демографические проблемы ассиметричных регионов или стран и т. д. Внешние факторы позволяют сравнить качество жизни населения регионов и стран, что не входит в задачи нашего исследования. Внутренние факторы характеризуют качество жизни населения внутри отдельно взятой территории (региона). Внутренние факторы оцениваются с точки зрения объективных и субъективных условий социального бытия, особенностей жизненного пространства индивида, социальных взаимодействий внутри региона.

Оценивая факторы, влияющие на качество жизни населения региона, необходимо широко использовать результаты соответствующих социологических исследований. Это поможет не только наиболее точно определить круг индикаторов, составляющих конкретный фактор качества жизни, но и оценить его влияние на качество жизни социума.

В рамках проведенных исследований в 2007–2008 гг. был использован синтез субъективного и объективного подходов. Субъективный подход базируется на самоидентификации респондентов (в 2007 г. был проведен социологический опрос жителей г. Улан-Удэ, 450 респондентов; в 2008 г. – в Республике Бурятия; с использованием многоступенчатой стратифицированной выборки опрошено 938 респондентов). В рамках объективно-

го подхода была использована методика, разработанная во Всероссийском Центре изучения уровня жизни на основе соотношения среднедушевых доходов с системой потребительских бюджетов.

Изучение социальных сетей поддержки позволяет выявить концепцию жизненных сил человека. Концепция жизненных сил может рассматриваться в качестве теоретико-методологической основы качества жизни, поскольку она позволяет объединить различные подходы, такие, как философский, экономический, психологический, медицинский и экологический.

Большое значение для исследования качества жизни имеет понятие «жизненная субъектность», которую можно рассматривать как способность субъекта к удовлетворению своих потребностей в его жизненном пространстве в процессе активной деятельности. Поэтому качество жизни не является чем-то предопределенным, а проектируется и достигается усилиями каждого человека

Категория «качество жизни» является интегральной качественной характеристикой жизни людей, раскрывающей не только жизнедеятельность, жизнеобеспечение, но и жизнеспособность общества как целостной саморазвивающейся системы. Жизнеспособность общества обеспечивается в том числе и «социальными сетями поддержки». Жизненные силы понимаются как «способность людей воспроизводить и совершенствовать свою жизнь индивидуально-личностными и организационно-коллективными средствами». Жизненные силы, воздействуя на жизненное пространство, среду обитания, вызывают определенные социальные отношения владения, пользования, распоряжения. В процессе воздействия жизненного пространства на жизненные силы возникают отношения распределения, присвоения, потребления. От того, как развиты жизненные силы, зависит участие человека в отношениях владения, пользования и распоряжения. Это участие определяет уровень и форму распределения, присвоения, потребления материальных и культурных благ. Показателем развитости, наполняемости этих отношений, характеристикой их состояния является качество жизни.

Особенности трансформации социальной структуры Республики Бурятия определяются природно-экономическими факторами, специализацией экономики, особенностями региональной политики. Эти особенности повлияли на формирование различий в структуре общества: доля богатых и состоятельных людей в республике ниже, чем в среднем по России, выше уровень людей, живущих за чертой бедности, но ниже процент людей, находящихся на «социальном дне». Такое положение объясняется вероятнее всего эффективностью социальных сетей поддержки и восточной традицией – не оставлять в беде родных и близких. В меньшей степени это зависит от уровня развития социальной защиты. Механизм социальных сетей поддержки достаточно эффективно в настоящее время ис-

пользуется в рамках программы «Тоонто нютаг – традиция жива» в профилактике семейного неблагополучия.

Общеизвестно, что ценности выступают мотивом сознательного поведения индивида. На их основе складываются социокультурные типы отношений граждан к процессам, происходящим в обществе. В ходе анализа был выявлен набор ценностей, которым респонденты отдают предпочтение. Это прежде всего ряд базовых ценностей, которые присущи всем профессиональным, образовательным и возрастным группам.

Первое место в шкале ценностей занимает хорошая семья (50,5%) На втором месте в шкале ценностей – здоровье (43,5%). Третье место по значимости занимает материальное благосостояние (29,5%); четвертое – хорошая, интересная работа (29,25%); пятое – уважение людей (22%); шестое – жизнь без волнения и забот (13,5%); седьмое – хорошая репутация (7,75%); последнее – иметь власть, положение в обществе (6,75%).

Сужение границ социума, где респондентам психологически комфортно, приводит к тому, что свои коммуникативные потребности они могут реализовать в основном в семье.

Что касается материального достатка, то здесь целесообразно обратить внимание на два обстоятельства. С одной стороны, выдвигание материального достатка в число первоочередных ценностей обусловлено снижением жизненного уровня населения. С другой, несоответствие социальных ожиданий и реальных результатов осуществления реформ для каждого индивида приводит к повышению рейтинга уровня благосостояния. Анализ результатов исследования свидетельствует, что уровень дохода оценивается респондентами прежде всего с психологической стороны, то есть сопоставления его с расходами. Закон повышающихся потребностей, действующий в экономике, экстраполируется и на социальные процессы. Поэтому субъективный характер оценки качества жизни нередко приводит к занижению его действительного показателя.

Выбор ценностей, связанных с профессиональной деятельностью (хорошая, интересная работа), обусловлен содержанием профессии и возрастом респондентов. Данные ценности указали в числе приоритетных представители высокооплачиваемых профессий, предприниматели. Среди работников бюджетной сферы данные ценности присутствуют в основном у возрастной группы до 30 лет.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что и небогатый человек может прожить долгую и счастливую – высококачественную – жизнь, занимаясь любимым делом, воспитывая детей, внуков и правнуков. Достойный уровень жизни при этом определяется относительно уровня жизни окружающих его людей, а также уровнем развития собственных потребностей и ценностными ориентациями.

Позитивные изменения в социальной сфере и экономике, зафиксированные в статистических показателях, нашли свое отражение и в ответах

респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете собственную жизнь, становится ли она лучше или хуже с течением времени?». Каждый пятый из числа опрошенных отметил позитивные изменения; две трети населения (59,7%) видят разнонаправленные процессы, т.е. в чем-то лучше, в чем-то хуже; 13,3% считают, что становится хуже и 6% – затруднились с ответом.

Затем были сформулированы уточняющие открытые вопросы: «Если Вы видите улучшение (ухудшение), то в чем?». Полученные ответы были сгруппированы: на улучшение (ухудшение) 1) в личной жизни; 2) в социальной; 3) в социально-экономической сферах.

Позитивные последствия респонденты связывают в большинстве с изменениями в личной жизни – 25,65% (в семье; реализация собственных планов; рождение детей (внуков); создание семьи; дети (внуки) стали помогать; стало больше свободного времени; улучшилось здоровье; удачный переезд; устройство на работу и т.д.).

Улучшение жизни связывают с развитием социальной сферы 15,75% (повысилось качество образования, культуры, доступнее стали услуги здравоохранения; города (республика) стали красивее; улучшение демографической ситуации; социальная стабильность и т.д.).

Улучшение жизни 8,5% из числа опрошенных связывают с экономическими изменениями (рост производства; повышение материального уровня жизни, рост зарплаты, пенсий, пособий). В целом повышение качества жизни населения отметили 3,75% респондентов.

Ухудшение жизни 25,5% опрошенных в основном связывают с экономическими последствиями (плохое материальное благосостояние; нехватка денег; маленькая зарплата (пенсия); мировой кризис; финансовая нестабильность; инфляция и т.д.).

Вторая по значимости причина негативной оценки происходящих изменений связана с социально-экономическими последствиями – 20,75% (бедность; безработица; различия в доходах населения, социальная дифференциация и т.д.).

Далее, в порядке убывания частоты упоминаний, причины ухудшения жизни респонденты связывают с социальной сферой – 8,25% (образование, ухудшение медицинского обслуживания; обилие негативной информации в СМИ; ухудшение экологической обстановки; отсутствие социальной стабильности в обществе; плохая власть и т.д.).

6,75% респондентов связывают ухудшение жизни с личными проблемами (с появлением своего дела – новые проблемы; повышаются потребности; нарушение личных планов; семейные проблемы; старение и т.д.).

Самые положительные оценки своей жизни населения связаны с семейными отношениями (общение с детьми, прочность семьи, психологический комфорт в семье, отношения в коллективе, отношения между друзьями). Оценка самого качества жизни имеет значения, близкие с

оценками материальных потребностей, что еще раз показывает значительную роль последнего в восприятии качества жизни и жизненного пространства.

В целом можно сделать вывод о том, что в РБ именно с личными успехами и семейным счастьем связано ощущение благополучия и удовлетворенности жизнью, эта часть жизнедеятельности более подвластна контролю со стороны индивидов. Очевидно, что основной потенциал совершенствования качества жизни находится в плоскости повышения условий для удовлетворения материальных потребностей.

Социоструктурная развертка оценки качества жизни показывает следующие результаты: оценки горожан несколько выше, чем у сельских жителей; молодежь демонстрирует самое позитивное восприятие своего качества жизни, а люди в возрасте 50-59 лет – самое негативное (по возрастным группам); мужчины в целом дают более высокие оценки качества своей жизни, чем женщины; высшее образование позволяет воспринимать качество своей жизни более положительно, чем более низкие уровни образования. Несмотря на то, что наличие детей увеличивает иждивенческую нагрузку, тем самым ухудшая материальные характеристики, тем не менее повышает оценку качества жизни в целом. Наиболее позитивная оценка у тех, у кого два ребенка; в то же время наиболее негативные оценки у многодетных семей (3 и более детей). Скорее всего, такое положение дел объясняется тем, что дети действительно могут повышать качество жизни, формируя высокую удовлетворенность семейной жизнью и наполняя ее смыслом. Наличие двух детей в большей степени соответствует представлению об идеальной семье, чем один ребенок или отсутствие детей. Однако очевидно, что наличие трех и более детей снижает оценки качества жизни, делая его неудовлетворительным почти у половины их представителей. Тут можно отметить перспективность технологий поддержки многодетных семей и формирования их позитивного имиджа с целью оптимизации демографических процессов.

Гендерную асимметрию в оценках материального положения, успешности обнаружили Е. Ярская-Смирнова [1], О. Хасбулатова и Л. Егорова [2], И. Янкина [3]. Подобную гендерную асимметрию можно прокомментировать, обратившись к результатам исследований положения женщин в городской среде, которое было проведено Е. Ярской-Смирновой. Она считает, что «экономическая реформа в России ... ухудшила возможности женщин на рынке труда» [1]. Поэтому, находясь в одной социальной среде, мужчины позиционируют себя как более обеспеченные и успешные, в то время как женщины более сдержанны в оценках своей успешности и обеспеченности. Скорее всего, мужчины оценивают уровень материального благосостояния по своему заработку, а женщины – по доходу семьи.

Респонденты понимают роль социальных сетей поддержки, поскольку и этот аспект они закладывают в свои адаптационные стратегии достаточно

популярным методом, который был запланирован в повышении качества жизни, это «Приобретение полезных связей и влиятельных друзей».

Для состояния удовлетворенностью жизнью для человека существенное значение имеет удовлетворенность «социальными сетями поддержки» и участие в них не только как реципиент, но и как донор. Это обстоятельство было отмечено в оперативных и стратегических планах жителей Республики Бурятия, где пункт «оказать существенную материальную поддержку родственникам» является более приоритетным, нежели просто завести «полезные связи и знакомства».

Под адаптивной стратегией понимаем социально обусловленный выбор индивидом траектории поведения в социальной среде, который соотносится с его возможностями и интересами, ориентирован на достижение желаемого качества жизни, исходя из имеющегося у него представления о жизненных нормах и характеристиках жизненного пространства. Значительная часть респондентов улучшение своего положения связывает с трудовой занятостью. Популярность этих практик связана с их хорошей освоенностью, и они оправдали себя как удобные, соответствующие возможностям и желаниям.

Таблица 1

Оперативные и стратегические планы жителей Бурятии

Адаптивные практики	планируют				не планируют
	в течение года	через 2-3 года	через 5 лет	в отдаленном будущем	
Совершенствовать навыки работы на компьютере	42,18	7,34	4,25	4,25	41,98
Завести «полезные» связи и знакомства	33,64	10,25	5,84	5,84	44,43
Повысить уровень образования	20,63	15,67	5,84	5,84	52,02
Найти более подходящую работу	17,56	15,63	5,84	5,84	44,87
Оказать существенную материальную поддержку родственникам	20,63	15,67	15,67	25,63	22,4
Приобрести (расширить) жилплощадь	7,34	10,25	15,84	25,64	40,93
Родить (взять на воспитание) ребенка	5,84	13,74	10,25	5,84	64,33
Организовать свой бизнес	4,83	4,83	5,84	7,34	77,16
Изучать иностранные языки	12,46	10,25	5,84	10,25	61,2
Повысить квалификацию	13,64	10,25	5,84	5,84	64,43
Работать на нескольких работах, подработка	27,56	10,25	5,84	-	56,35

Чаще всего наиболее простые и малозатратные практики запланированы на краткосрочный и среднесрочный период. План на 5 лет и более включает более капиталоемкие задачи. Актуальными, но ухудшающими рекреационные составляющие жизнедеятельности, можно считать все виды практик, связанные с подработками, поэтому их условно назвали экстенсивные стратегии. В качестве интенсивных могут рассматриваться следующие адаптивные практики: поиск более подходящей работы; приобретение новых навыков, в том числе образовательных; поскольку они предполагают наращивание человеком новых компетенций. Как правило, их приобретение связано с затратами финансов, времени, сил, дают результаты не сразу, а в перспективе и могут существенно повысить качество жизни в будущем.

В целом стратегии, используемые населением, нами условно были разделены на актуальные (часто используемые) и неактуальные (редко используемые); экстенсивные и интенсивные.

В краткосрочный период адекватной может считаться и экстенсивная стратегия, но в долгосрочном плане для повышения качества жизни более желательно использование интенсивных стратегий, что актуализирует реализацию технологий управления качеством жизни, связанных с реализацией интенсивных стратегий.

Литература

1. Ярская-Смирнова Е. Социальная защищенность городской монородительской семьи // Мир России. – 2004. – №2. – С. 66-95.
2. Хасбулатова О., Егорова Л. Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России // Социологические исследования. – 2002. – № 11. – С. 48-54.
3. Янкина И. Стратегии адаптации населения провинциального города в условиях формирования конкурентоспособной России: реалии, ретроспектива и перспективы (опыт социологической экспертизы городской среды). – Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2008.

Дагбаева Сэмбрика Доржо-Нимаевна, доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Байкальского института природопользования СО РАН. sambrika@mail.ru 79025650183.

Dagbaeva Sambrika Dorzho-Nimaevna, doctor of sociological sciences, associate professor, senior researcher, Baikal Institute of Nature Management, SB RAS. sambrika@mail.ru 79025650183.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет экономики и управления
Кафедра экономики

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Бурятский государственный университет приглашает Вас принять участие в работе всероссийской научно-практической конференции **«Современное состояние регионов Востока России: экономические, социальные и демографические проблемы (к 20-летию реформ в новой России)»**.

Конференция будет проходить 18-19 декабря 2012 г. в г. Улан-Удэ на базе Бурятского государственного университета.

В рамках конференции предполагается обсуждение следующих вопросов:

- проблемы и приоритетные направления пространственного социально-экономического развития регионов Сибири и Дальнего Востока;
- факторы и пути повышения инвестиционной и потребительской привлекательности, финансового потенциала регионов Сибири и Дальнего Востока;
- оценка влияния экономических реформ на сложившееся состояние экономики, социальной сферы, народонаселения азиатской части России;
- анализ влияния историко-культурных, социальных, эколого-географических факторов на демографическое развитие восточных регионов России;
- проблемы развития аграрно-промышленного комплекса в Сибири и на Дальнем Востоке России.

Для участия в конференции необходимо в срок до 19 ноября 2012 г. направить в оргкомитет заявку об участии в конференции и статью для публикации в журнале «Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент» (специальный выпуск). Рабочие языки конференции – русский и английский.

Требования к статьям представлены на сайте университета www.bsu.ru в разделе Издательство/Вестник.

ЗАЯВКА НА УЧАСТИЕ
во всероссийской научно-практической конференции
**«Современное состояние регионов Востока России:
экономические, социальные и демографические проблемы
(к 20-летию реформ в новой России)»**

ФИО (полностью)	
Место работы, должность	
Гражданство	
Ученая степень, ученое звание, академический статус	
Форма участия	
Наименование секции	
Название доклада	
Контакты (адрес, телефон, электронная почта)	
Потребность в гостинице	

Контактная информация оргкомитета:

670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 5. Бурятский государственный университет, кафедра экономики. Тел.: (83012) 21-35-06, (83012) 21-37-44; факс: (83012) 21-05-88;

e-mail: feu-bsu@mail.ru

Председатель оргкомитета: Янданова Цыремжид Николаевна.

Секретарь: Батожаргалова Гунсыма Баторовна.

О СОЗДАНИИ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА БАЗЕ БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Приказом ректора Бурятского государственного университета С.В. Калмыкова №167-ОД от 14 сентября 2012 г. создан Институт экономических исследований Бурятского государственного университета.

Основой создания ИЭИ БГУ является научно-методический потенциал университета, научный опыт ведущих ученых Байкальского региона и России, опыт управленческой и предпринимательской деятельности успешных руководителей и бизнесменов региона.

Целью Института является организация и проведение фундаментальных и прикладных научных исследований, направленных на решение актуальных проблем экономики, управления и предпринимательства в интересах Республики Бурятия, Байкальского региона и России.

Ведущими научными направлениями ИЭИ определены:

- инновации в экономике;
- малое предпринимательство;
- мировая и региональная экономика;
- экономическая безопасность и теневая экономика;
- государственное и муниципальное управление.

За время работы Института разработан и введен в действие сайт Института (<http://www.ieg.bsu.ru>), оформлены заявки на получение грантов РГНФ и РФФИ, проведены методологические семинары в г. Улан-Удэ и в г. Иркутск с аспирантами и докторантами Бурятского государственного университета и Забайкальского государственного университета.

С целью генерирования и транслирования новых знаний и опыта в области экономики, управления, экономической социологии и психологии зарегистрирован электронный научный журнал «Известия Института экономических исследований» (ISSN 2305-3453). Он призван познакомить читателей с передовым мировым опытом в различных областях экономики, торговли, политики и социологии, а также оказать методическую помощь при подготовке научных и управленческих кадров. Сегодня формируется первый номер журнала.

В редакционный совет вошли ведущие ученые России в области экономики и управления: Н.И. Атанов, д-р экон. наук, профессор, председатель совета (г. Улан-Удэ), Ш.И. Алибеков, д-р экон. наук, профессор (г. Кизляр), В.И. Гурман, д-р физ.-мат. наук, профессор (г. Переславль-Залесский), В.О. Исправников, д-р экон. наук, профессор (г. Москва), В.Н. Лексин, д-р экон. наук, профессор (г. Москва), Б.В. Мелентьев, д-р экон. наук, профессор (г. Новосибирск), П.А. Минакир, д-р экон. наук, профессор (г. Хабаровск), С.С. Ованесян, д-р экон. наук, профессор (г. Иркутск), В.С. Потаев, д-р экон. наук, профессор (г. Улан-Удэ), А.П. Суходолов, д-р экон. наук, профессор (г. Иркутск).

Редакционную коллегию журнала возглавил д-р пед. наук, профессор, чл.-кор. РАО, ректор БГУ С.В. Калмыков. В редакционную коллегию журнала вошли В.Ю. Буров, канд. экон. наук, доцент, директор ИЭИ; М.В. Бадмаева, д-р филос. наук, доцент, декан ФЭУ; Д.Д. Цыренов, канд. экон. наук, заместитель декана ФЭУ; Ц.Н. Янданова, канд. экон. наук, доцент, заведующая кафедрой экономики; В.Б. Прокопьев, канд. пед. наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления.

Мы приглашаем представителей хозяйственных и государственных структур стать постоянными партнерами нашего Института.

Впервые в Бурятском государственном университете 27 сентября 2012 г. в рамках международной научной конференции «Образование и наука в Байкальской Азии» прошло заседание секции по экономике на тему «От наследственной экономики – к экономике знаний». Председатель секции – научный руководитель Института д-р экон. наук, профессор Н.И. Атанов; сопредседатель – директор Института, канд. экон. наук, доцент В.Ю. Буров; секретарь секции – канд. экон. наук, доцент Н.М. Залуцкая.

В работе секции приняли участие гости, в т.ч. из-за рубежа:

- Монгольский государственный университет (г. Улан-Батор, Монголия) представляла заведующая кафедрой финансов, канд. экон. наук, профессор Ч. Энхбаяр ;

- Забайкальский государственный университет – старший преподаватель кафедры антикризисного управления, финансов и кредита Н.Д. Тертешикова, специалист ВШЭУП Е.В. Маркова, специалист ВШЭУП А.А. Маркова, член научного студенческого общества ИНСАЙТ ЗабГУ С.В. Зубов;

- Бурятский научный центр – канд. социол. наук Ю.Г. Бюраева и канд. экон. наук Т.Ю. Бубаева;

- Бурятская ГСХА им. В.Р. Филиппова – заведующий кафедрой организации производства, коммерции и предпринимательств, д-р экон. наук, профессор В.С. Потаев;

- Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления – заведующая кафедрой «Налоги и налогообложение», д-р экон. наук, профессор Л.Р. Слепнева;

- Республиканский кожно-венерологический диспансер – главный врач Н.Н. Ермолаев.

На заседании секции присутствовали преподаватели и сотрудники факультета экономики и управления БГУ.

В.Ю. Буров, канд. экон. наук, доцент, директор Института экономических исследований;

Н.И. Атанов, д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института экономических исследований.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ В «ВЕСТНИК БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производятся редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. После аннотации дать ключевые слова на русском и английском языках.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Кратких сообщений – до 3 с., статей на соискание ученой степени кандидата наук – 7-12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 8-16 с.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

- Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

- Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

- Решение о публикации статьи принимается редакцией «Вестника БГУ». Корректурa авторам не высылается, присланные материалы не возвращаются.

- Статьи принимаются в течение учебного года.

- Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

• Статья должна содержать минимум таблиц, формул, рисунков и графиков. Их присутствие допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно или нецелесообразно. Желательно использование только вертикальных таблиц и рисунков. **Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области.** Все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок. Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, формулы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Тел. (301-2)-21-95-57. Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.

Научное издание

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2/2012

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Перевод на англ. яз.

А.Ц. Эрдынеев

Редактор

Н.Н. Балданова

Компьютерная верстка

Т.А. Олоевой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 1289 от 23 декабря 2011 г.

Подписано в печать 24.10.12. Формат 70x100 1/16.
Усл. печ. л. 14,3. Уч.-изд. л. 9,23.
Тираж 1000. Заказ 276.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
riobsu@gmail.com